

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

Дживс, вы – гений!
Ваша взяла, Дживс!
Фамильная честь Вустеров

Пелам Гренвилл Вудхаус
Дживс, вы – гений!
Ваша взяла, Дживс!
Фамильная честь Вустеров
Серия «Библиотека классики (АСТ)»
Серия «Дживс и Вустер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66790353

Дживс, вы – гений! Ваша взяла, Дживс! Фамильная честь Вустеров:

ISBN 978-5-17-145666-5

Аннотация

Самый известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, – настоящий эталон неподражаемого английского юмора.

Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передраги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

Содержание

Дживс, Вы – гений!	5
От автора	5
Глава 1	8
Глава II	23
Глава III	32
Глава IV	45
Глава V	59
Глава VI	70
Глава VII	97
Глава VIII	108
Глава IX	125
Глава X	139
Глава XI	150
Глава XII	167
Глава XIII	182
Глава XIV	199
Глава XV	214
Глава XVI	230
Глава XVII	249
Конец ознакомительного фрагмента.	258

Пелам Гренвилл Вудхаус

Дживс, вы – гений!

Ваша взяла, Дживс!

Фамильная честь Вустеров

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1934, 1938

© Перевод. Ю. Жукова, наследники, 2021

© Перевод. И. Шевченко, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Дживс, Вы – гений!

От автора

Это мой первый полнометражный роман о Дживсе и Берти Вустере, и это моя единственная книга, которую я хотел написать, не корпя за пишущей машинкой до ломоты в спине.

Нет, у меня и в мыслях не было диктовать ее стенографистке. Я не могу себе представить, как человек вообще может сочинять что-то вслух, лицом к лицу со скупающей секретаршей. И тем не менее многие писатели, не задумываясь, говорят: «Готовы, мисс Спелвин? Поехали. Тире нет запятая лорд Джаспер Мергатройд запятая тире сказала нет лучше напишите процедила Эвангелина запятая тире я бы не вышла за вас замуж запятая будь вы даже последний оставшийся в мире мужчина точка абзац тире ну что же запятая я не последний в мире мужчина запятая значит и говорить не о чем запятая тире ответил лорд Джаспер запятая саркастически крутя ус точка абзац день тянулся бесконечно долго».

Если бы я начал работать со стенографисткой, я бы все время с тоской представлял себе, что, записывая мои слова, барышня думает: «Нет запятая я решительно ничего не понимаю точка ведь слабоумный человек этот Вудхаус запятая

дурдом буквально по нем плачет запятая а он разгуливает себе на воле и хоть бы что запятая как это возможно вопросительный знак».

Но я все же купил такой прибор, там вы говорите в микрофон, а ваши высказывания записываются на воск, и с помощью этого прибора приступил к сочинению книги «Живс, вы – гений!». Наговорив несколько пассажей, я решил послушать, как это на слух.

На слух это оказалось просто ужасно, никакими словами не передать. Я и не подозревал, что у меня назидательный, самодовольный голос школьного учителя, который вдалбливает в головы учеников азбучные истины. Он наводил тоску и скуку, вгонял в сон. Для меня это был настоящий удар, ведь я надеялся, если все будет хорошо, написать веселую книгу – полную добродушного юмора, смешную, беззаботную, и тут вдруг понял, что человек с таким голосом убьет всякий смех и всякое веселье на десять миль вокруг. Дать ему волю, так он разрешится очередной унылой драмой из сельской жизни, читатель, взяв ее в руки, только пробежит глазами первую страницу и тут же вернет книгу в библиотеку. Поэтому на следующий же день я продал прибор и почувствовал великое облегчение, как Старый Моряк, когда он наконец избавился от альбатроса. Так что теперь я возвращаюсь к испытанному, верному другу – пишущей машинке.

Пишу я свои романы и рассказы с наслаждением. Это когда я их обдумываю, мне кажется, будто солнце в небе по-

меркло. И в самом деле, обдумывая сюжеты вроде моих, вы время от времени начинаете подозревать, что оба полушария вашего мозга и та его часть, которая именуется стволовой, серьезно повреждены. Прежде чем приступить к роману, я делаю не меньше четырехсот страниц набросков, и как раз на этой стадии в какой-то миг я неизменно восклицаю про себя: «Какого обаянья ум погиб!» Но странное дело: едва лишь я начинаю чувствовать, что все, пора выдвигать свою кандидатуру в сумасшедший дом, как вдруг раздается щелчок и наступает сплошной праздник и ликование.

Глава 1

Дживс уведомляет об уходе

Я был слегка встревожен. Ну, не то чтобы встревожен, скорее озабочен. Сажу себе дома в своей замечательной квартире, лениво перебираю струны банджо, которое я в последнее время буквально не выпускал из рук, и про мой лоб нельзя сказать, что он нахмурен, однако ж и утверждать с уверенностью, что он младенчески ясен, никто бы, я думаю, не решился. Пожалуй, точнее всего это выражение можно определить как печать задумчивости. Я размышлял о том, что попал в положение, чреватое неприятностями.

– Дживс, – говорю я, – знаете что?

– Нет, сэр.

– Знаете, кого я видел вчера вечером?

– Нет, сэр.

– Дж. Уошберна Стоукера и его дочь Полину.

– В самом деле, сэр?

– Должно быть, они в Англии.

– Такое заключение напрашивается, сэр.

– Некстати, правда?

– Могу себе представить, сэр, как вам было тяжело встретиться с мисс Стоукер после того, что произошло в Нью-Йорке. Однако, мне думается, вероятность подобной случайности чрезвычайно мала.

Я взвесил его слова.

– Дживс, когда вы начинаете рассуждать о вероятности случайностей, у меня в мозгу происходит короткое замыкание и я перестаю что-либо соображать. Вы хотите сказать, что мне следует держаться от нее как можно дальше?

– Да, сэр.

– Избегать ее?

– Именно, сэр.

Я с чувством сыграл несколько тактов «Миссисипи». После того как Дживс высказал свое мнение, на душе немного полегчало. Ход его рассуждений был ясен: Лондон велик. Не встретиться с людьми, которых не хочешь видеть, здесь проще простого.

– И все равно, Дживс, я как будто обухом по голове получил.

– Могу себе представить, сэр.

– Мало того, с ними был сэр Родерик Глоссоп.

– Неужели, сэр?

– В том-то и дело, Дживс. А видел я их в ресторане отеля «Савой». Они ужинали за столиком у окна. И вот какая странная вещь: с ними ужинала тетка лорда Чаффнела, леди Миртл. Она-то как оказалась в этой компании?

– Возможно, сэр, ее светлость знакома или с мистером Стоукером и с мисс Стоукер, или с сэром Родериком.

– А, ну да, может быть. Тогда все понятно. Но в тот миг я удивился, Дживс, признаюсь вам честно.

– Вы разговаривали с ними, сэр?

– Кто, я? Господь с вами, Дживс. Я пулей вылетел из зала. Мало мне Полины Стоукер с ее папашей, так тут еще этот мерзкий Глоссоп, неужели вы могли вообразить, что я сознательно, по своей доброй воле вступлю с ним в разговор?

– Ваша правда, сэр, он никогда не был особенно приятен в общении.

– Если и есть на свете человек, с кем я постараюсь до конца жизни не вступать в беседу, так это как раз этот чертов Глоссоп.

– Забыл доложить вам, сэр, сэр Родерик приходил сегодня утром с визитом.

– Что?!

– Да, сэр.

– Приходил ко мне с визитом?

– Да, сэр.

– После того, что произошло между нами?!

– Да, сэр.

– Ну, знаете!

– Да, сэр. Я уведомил его, что вы еще спите, и он сказал, что придет позже.

Я рассмеялся. Весьма саркастически, это я умею.

– Ах вот как, позже? Ну что ж, если он и в самом деле придет, натравите на него собаку.

– У нас нет собаки, сэр.

– Тогда спуститесь на второй этаж и попросите миссис

Тинклер-Мульке одолжить ее шпича. Наносит светские визиты после того скандала в Нью-Йорке! В жизни не слышал о подобной наглости! Дживс, вы слышали когда-нибудь о подобной наглости?

– Не скрою, сэр, в сложившихся обстоятельствах его появление меня весьма удивило.

– Еще бы не удивиться. Это просто черт знает что! Немыслимо! Невероятно! Надо же быть таким толстокожим, настоящий бегемот.

Сейчас я посвящу вас во все перипетии разыгравшихся недавно событий, и, я уверен, вы согласитесь, что мой гнев вполне оправдан. Итак, следуйте за мной.

Месяца три назад, заметив, что моя тетка Агата слишком уж разгорячилась, я счел за благо махнуть ненадолго в Нью-Йорк и переждать там, пока она успокоится. И буквально через несколько дней на вечеринке в «Шерри-Незерленд» я познакомился с Полиной Стоукер.

Я влюбился в нее с первого взгляда. Ее красота свела меня с ума, я был как пьяный.

Помню, вернувшись домой, я спросил у Дживса:

– Дживс, кто был тот парень, который глядел на что-то такое и сравнивал себя с другим парнем, который тоже на что-то глядел? Я учил это стихотворение в школе, но сейчас забыл.

– Думаю, сэр, индивидуум, которого вы имеете в виду, это

поэт Китс, он, прочтя Гомера в переводе Чапмена, сравнил свои чувства с радостным волнением отважного Кортеса, который орлиным взором глядел на безбрежные просторы Тихого океана.

— Тихого — вы уверены?

— Да, сэр. А его матросы молча стояли на высоком берегу Дарьена и переглядывались в немом изумлении.

— Ну да, конечно. Теперь вспомнил. Так вот, именно такое волнение я испытал сегодня, когда меня представили мисс Полине Стоукер. Дживс, отгладьте брюки с особой тщательностью. Я нынче с ней ужинаю.

В Нью-Йорке, я всегда замечал, сердечные дела развиваются со скоростью урагана. Наверное, есть что-то такое в тамошнем воздухе. Через две недели я сделал Полине предложение, и она сказала «да». Казалось бы, все прекрасно, я на седьмом небе. Как вы думаете, сколько продолжалось мое счастье? Ровно два дня. Злодейская рука сунула под трансмиссию гаечный ключ, и двигатель заглох.

Злодей, который подкрался со своим гаечным ключом, был не кто иной, как сэр Родерик Глоссоп.

Вы, вероятно, помните, что в моих воспоминаниях довольно часто мелькает имя этого гнусного шарлатана. Башка у него лысая, как коленка, густые развесистые брови, выдает себя за маститого специалиста по нервным расстройствам, а на самом деле просто заштатный докторишка из желтого дома, хоть и дорогой; эта болотная чума уже много лет встает у

меня на пути, и ни одна наша встреча добром не кончилась.

Вот и сейчас тоже: когда в газетах появились сообщения о моей помолвке, он как раз оказался в Нью-Йорке.

Спрашиваете, зачем он туда приехал? А он регулярно навещал троюродного брата Дж. Уошберна Стоукера, который был его пациентом. Братец Джордж всю свою жизнь только и делал, что отнимал кусок хлеба у вдов и сирот и под старость слегка притомился. Говорить стал темно и бессвязно, ходил же предпочтительно на руках. Сэр Родерик пользовал его уже несколько лет, для чего время от времени срывался в Нью-Йорк и производил инспекцию. На сей раз он прибыл как раз вовремя, чтобы за утренним кофе и яйцом всмятку прочесть о том, что Бертрам Вустер и Полина Стоукер планируют прошеествовать к алтарю под «Свадебный марш» Мендельсона. И, как я понимаю, прямо с набитым ртом кинулся к телефону названивать невестиному родителю.

Какие именно слова он говорил Дж. Уошберну, я, конечно, не знаю, но, думаю, сообщил о том, что я некогда был помолвлен с его дочерью Гонорией, а он эту помолвку разорвал, убедившись, что я безнадежный идиот; пересказал, без сомнения, эпизод с кошками и рыбиной в моей спальне, а также эпизод с украденной шляпой, не забыл о моем припадке страсти лазать по водосточным трубам, ну и, надо полагать, дело довершила проткнутая шилом грелка – эта злосчастная история произошла много лет назад, когда он гостил в поме-

стые леди Уикем, а ее дочь Бобби подбила меня на эту авантюру.

Сэр Родерик – близкий друг Дж. Уошберна, к тому же Дж. Уошберн верит ему как Господу Богу, и потому этот шарлатан без труда убедил папашу, что я не тот идеальный зять, о котором он мечтал. Словом, мое счастье не продлилось и двух дней, меня известили, чтобы я не трудился заказывать полосатые брюки и покупать гардению в петлицу, потому что моя кандидатура отвергнута.

И вот теперь у этого негодяя хватило наглости явиться с визитом в дом Вустера. Как это понимать, я вас спрашиваю?

Ладно же, он у меня узнает, что такое ледяной прием.

Сiju себе, играю на банджо, и вскоре он является. Тем, кто хорошо знает Бертрама Вустера, известно, что он способен вдруг пламенно увлечься чем-то, и уж если увлекся – все, остальной мир для него не существует, он настойчиво добивается своей цели, безжалостный, как автомат. Так случилось и с банджо. После того ужина в «Альгамбре», когда несравненный Бен Блум и его «Шестнадцать балтиморских виртуозов» открыли передо мной прекрасный новый мир и я решил научиться играть на банджо, я прилежно занимаюсь по два часа в день. И сейчас я тоже извлекал из струн вдохновенные звуки, но дверь отворилась, и Дживс впустил в гостиную этого мерзкого шарлатана-психоаналитика, о котором я вам только что рассказывал.

С тех пор как Дживс уведомил меня о желании этого субъ-

екта побеседовать со мной, я успел все обдумать и решил, что он раскаялся в своих поступках и считает долгом принести мне извинения. Поэтому когда Бертрам Вустер поднялся, чтобы приветствовать гостя, он был уже в своей смягчившейся ипостаси.

– А, сэра Родерика, – сказал я. – Доброе утро.

Более любезный тон трудно себе и вообразить. Поэтому представьте мое изумление, когда в ответ он лишь хрюкнул, притом хрюкнул довольно злобно, тут никто бы не усомнился. Я понял, что поставил неправильный диагноз. Можно сказать, пальцем в небо попал. Это он-то раскаивается, это он желает принести мне извинения? Ха! Интриган глядел на меня с такой гадливостью, будто я – какой-то там возбудитель инфекционного слабоумия.

Ладно, если он пришел ко мне с таким настроением, именно так, черт побери, мы его и встретим. Моя доброжелательность испарилась. Я принял строгое выражение и высокомерно выгнул бровь. И только что хотел окатить его ледяным «Чему обязан честью...» и так далее, но он опередил меня.

– Вам место в психиатрической клинике!

– Прошу прощения?

– Вы представляете собой угрозу для общества. Посредством какого-то кошмарного музыкального инструмента вы, как выяснилось, превратили жизнь всех ваших соседей в форменный ад. А-а, вижу, вы и сейчас держите этот инструмент в руках. Как вы смеете производить подобные звуки в

столь респектабельном доме? Настоящий кошачий концерт!

Я – ледяное спокойствие и гордое чувство собственного достоинства.

– Вы, кажется, сказали «кошачий концерт»?

– Сказал.

– Вот как? Так вот, позвольте... должен довести до вашего сознания, что человек, у которого нет музыки в душе... – Я подошел к двери и крикнул в коридор: – Дживс, что Шекспир сказал о человеке, у которого нет музыки в душе?

– «Тот, у кого нет музыки в душе, кого не тронут сладкие созвучья, способен на грабеж, измену, хитрость», сэр.

– Благодарю вас, Дживс. Способен на грабеж, измену, хитрость, – повторил я, возвращаясь.

Он сделал несколько шажков, как бы пританцовывая.

– Известно ли вам, что дама, живущая в квартире под вами, миссис Тинклер-Мульке, – одна из моих пациенток? У миссис Тинклер-Мульке чрезвычайно расстроены нервы. Мне пришлось прописать ей успокаивающее.

Я поднял руку.

– Прошу избавить меня от хроники жизни в дурдоме, – небрежно бросил я. – И позвольте поинтересоваться со своей стороны, известно ли вам, что миссис Тинклер-Мульке держит шпица?

– Вы бредите.

– Отнюдь нет. Это животное лает целыми днями, а иногда и чуть не всю ночь. И при этом у миссис Тинклер-Мульке

хватает наглости жаловаться на мое банджо? Ну, знаете ли! Пусть сначала вынет шпика из собственного глаза, – изрек я библейски.

Здорово я его уел.

– Я пришел говорить не о собаках. Вы должны дать обещание, что немедленно прекратите терзать эту несчастную женщину.

Я покачал головой:

– Жаль, что она не понимает музыки, но искусство превыше всего.

– Это ваше последнее слово?

– Последнее.

– Прекрасно. Вы еще обо мне услышите.

– А миссис Тинклер-Мульке будет слушать вот это, – сказал я, подняв над головой банджо.

Потом нажал кнопку звонка.

– Дживс, проводите сэра Р. Глоссопа!

Признаюсь, я был очень доволен, что сумел даже ему дать отпор в этом столкновении воли. А ведь было время, и вы, наверно, его помните, когда неожиданное появление в моей гостиной старикашки Глоссопа обращало меня в трусливого зайца. Однако я с тех пор закалился в горниле жизни, и его вид уже не наполняет меня неизреченным ужасом. С чувством глубокого удовлетворения я исполнил «Кукольную свадьбу», «Поющих под дождем», «Заветные три сло-

ва», «Спокойной ночи, любимая», «Люблю тебя», «Весна, цветущая весна», «Чья ты, крошка?» и «Куплю себе авто с клаксоном, гудеть он будет ту-ту-туу...», исполнил в поименованном порядке, но последнюю песню допеть не успел: телефон зазвонил.

Я снял трубку и стал слушать. И чем дольше я слушал, тем упорней каменела решимость на моем лице.

– Очень хорошо, мистер Манглхоффер, – холодно отчеканил я. – Можете сообщить миссис Тинклер-Мульке и ее приспешникам, что я выбираю второе «или» вашей альтернативы.

И тронул кнопку звонка.

– Дживс, – сказал я, – у нас неприятности.

– В самом деле, сэр?

– На Беркли-Мэншнс, в респектабельном аристократическом сердце Лондона, назревает отвратительный скандал. Не вижу у живущих здесь людей желания идти на взаимные уступки, и уж вовсе отсутствует дух добрососедства. Я только что говорил по телефону с управляющим нашего дома, он предъявил мне ультиматум. Сказал, или я прекращаю игру на банджо, или должен съехать.

– Неужели, сэр?

– Оказывается, на меня подали жалобы distinguished миссис Тинклер-Мульке из шестой квартиры, подполковник Дж. Дж. Бастард, кавалер ордена «За безупречную службу», из пятой квартиры, а также сэр Эдвард и леди Бленнерхас-

сет из седьмой квартиры. Ну и пусть жалуются, мне наплевать. Наконец-то мы избавимся от всех этих Тинклер-Мульке, Бастардов и Бленнерхассетов. Расстанусь с ними без сожалений.

– Вы планируете съехать, сэр?

Я вскинул брови.

– Дживс, неужели вы могли предположить, что я способен принять иное решение?

– Боюсь, сэр, что с той же враждебностью вы встретитесь всюду.

– Там, куда я поеду, ее не будет. Я хочу забраться в самую глушь. В мирном сельском уединении я найду себе коттедж и снова предамся занятиям музыкой.

– Как вы сказали, сэр, – коттедж?

– Да, Дживс, коттедж. Желательно увитый жимолостью.

И тут случилось такое, после чего меня можно было сшибить с ног легким щелчком пальцев. Наступило непродолжительное молчание, потом Дживс, этот василиск, которого я столько лет лелеял, если можно так выразиться, у себя на груди, слегка кашлянул и произнес совершенно немыслимые слова:

– В таком случае, сэр, боюсь, я вынужден заявить об уходе.

Наступило тягостное молчание. Я в изумлении глядел на него.

– Дживс, – наконец произнес я, и если вы скажете, что вид

у меня был ошарашенный, вы ничуть не ошибетесь. — Дживс, я не ослышался?

— Нет, сэр.

— Вы в самом деле хотите покинуть меня?

— С величайшим сожалением, сэр. Но если вы намерены играть на этом инструменте в тесном пространстве деревенского домика...

Я расправил плечи и вскинул голову:

— Вы произнесли слова «на этом инструменте», Дживс. И произнесли их враждебным брезгливым тоном. Должен ли я сделать вывод, что вам не нравится банджо?

— Не нравится, сэр.

— Но ведь до сих пор вы его терпели.

— С великими муками, сэр.

— Так знайте же, что люди более достойные, чем вы, терпели неудобства, в сравнении с которыми банджо просто цветочки. Известно ли вам, что один болгарин, такой Элия Господинофф, играл однажды на волынке двадцать четыре часа без передышки? Об этом рассказывает Рипли в разделе «Хотите верьте, хотите нет».

— Вот как, сэр?

— И вы наверняка думаете, что камердинер Господиноффа устроил своему хозяину по этому поводу обструкцию? Со смеху лопнуть можно. Они там, в Болгарии, сделаны из другого теста. Уверен, он с начала и до конца поддерживал своего хозяина, пожелавшего поставить рекорд среди стран Цен-

тральной Европы, и, уж конечно, постоянно приносил ему мороженое и разные вкусности для подкрепления сил. Берите пример с болгар, Дживс.

– Нет, сэр, увольте меня, прошу вас.

– Какого черта, Дживс, вы и так объявили, что увольняетесь.

– Правильнее было бы сказать: я не могу отступить от своего намерения.

– Хм.

Я задумался.

– Вы это серьезно, Дживс?

– Да, сэр.

– Вы все тщательно обдумали, взвесили все «за» и «против», сопоставили то-се, пятое-десятое?

– Да, сэр.

– Ваше решение окончательное?

– Да, сэр. Если вы действительно намерены продолжать игру на этом инструменте, у меня нет выбора: я должен оставить свое место у вас.

Горячая кровь Вустеров вскипела. Обстоятельства так складывались в последние годы, что этот ничтожный субъект стал эдаким домашним Муссолини; но ладно, отметем это в сторону и встанем на твердую почву фактов: кто он, в сущности, такой, этот Дживс? Слуга. Лакей, которому платят жалованье. А человек не может раболепствовать – или раболепничать? – перед своим слугой до скончания века. На-

ступает миг, когда он должен вспомнить, как доблестно сражались его предки в битве при Креси, и твердо настоять на своем. Именно такой миг наступил сейчас.

– Ну и уходите, черт побери.

– Благодарю вас, сэр.

Глава II

Чаффи

Что греха таить, когда я через полчаса взял трость, шляпу и лимонного цвета перчатки и вышел из дому пройтись, на душе у меня было чернее тучи. Страшно было подумать, как я теперь буду жить без Дживса, однако мысль о том, что-бы сдать, ни разу не пришла в голову. Я шагал, горя воинственным огнем и сверкая блеском лат, еще минута – и я бы заржал, как боевой конь, или даже издал бы древний боевой клич Вустеров, но, свернув на Пиккадилли, я заметил на горизонте знакомый силуэт.

Знакомым силуэтом оказался мой школьный приятель, пятый барон Чаффнел, и именно его тетка Миртл, если вы помните, бражничала вчера вечером с этим исчадием ада Глоссопом.

Увидев Чаффи, я вспомнил, что мне нужен коттедж в деревне, а Чаффи именно тот человек, кто может мне коттедж предоставить.

Я вам никогда не рассказывал о Чаффи? Если рассказывал, скажите. Я знаю его чуть не с пеленок, мы вместе учились сначала в закрытой школе, потом в Итоне, потом в Оксфорде. Но сейчас мы видимся не сказать чтоб слишком часто, ибо он по большей части живет в Чаффнел-Риджисе, в графстве Сомерсетшир, где ему принадлежит на побережье

немыслимых размеров дворец в сто пятьдесят комнат минимум и раскинувшийся на десятки миль вокруг дворца парк. Однако не спешите делать вывод на основании сказанного, что Чаффи – один из самых богатых моих друзей. Бедняга еле сводит концы с концами, как почти все, кто владеет землей, и живет он в Чаффнел-Холле только потому, что у него есть этот злосчастный замок, а поселиться где-нибудь еще ему не по карману. Приди к нему кто-нибудь и скажи, что хочет купить его владенья, он расцеловал бы благодетеля в обе щеки. Но кому в наше время нужна такая громадина? Чаффи не может даже сдать замок в аренду. Вот и мается там круглый год, слова не с кем перемолвить, единственное общество – деревенский доктор, приходский священник да тетка Миртл со своим двенадцатилетним отпрыском Сибери, которые живут во вдовьем флигеле в парке. Ничего себе существование для человека, который в университете обещал стать порядочным выпивохой и весельчаком.

Чаффи также принадлежит деревня Чаффнел-Риджис, но и от нее ему толку мало. Понимаете, налоги на землю и недвижимость, а также расходы, связанные с ремонтом и другими надобностями, съедают почти все, что он получает от арендаторов, словом, какая-то бездонная бочка. И все-таки он землевладелец, и, значит, в его владении, несомненно, имеются свободные дома и коттеджи, и он с превеликой радостью сдаст один из них такому надежному жильцу, как я.

– Ты-то, Чаффи, мне и нужен, – сказал я после обмена

приветствиями. – Идем обедать в «Трутни», у меня к тебе есть деловое предложение.

Он покачал головой – как мне показалось, печально.

– Я бы с удовольствием, Берти, но через пять минут мне надо быть в отеле «Карлтон». Я там обедаю с одним человеком.

– Плюнь на него.

– Не могу.

– Тогда захвати его с собой, пообедаем втроем.

Чаффи горько усмехнулся:

– Вряд ли тебе придется по вкусу его общество, Берти. Это сэр Родерик Глоссоп.

Я, конечно, удивился. Да и как не удивиться, если вы только что расстались с А и встретились с Б и этот самый Б с первых же слов начинает говорить об А.

– Как ты сказал – сэр Родерик Глоссоп?

– Да.

– Я не знал, что вы знакомы.

– Знакомство самое шапочное. Виделись раза два. Он большой приятель моей тети Миртл.

– А, тогда понятно. Я их вчера вечером видел, они вместе ужинали.

– Что ж, идем со мной в «Карлтон», увидишь, как я сегодня с ним обедаю.

– Чаффи, дружище, разумно ли ты поступаешь? Мудро ли. Преломить хлеб с этим субъектом – значит обречь себя

на крестные муки. Уж я-то знаю, на собственной шкуре испытал.

– Понимаю, Бerti, но ничего не поделаешь. Я получил от него вчера срочную телеграмму, он просил обязательно приехать и поговорить с ним. Знаешь, какая у меня возникла надежда? Что он хочет снять Чаффнел-Холл на лето, или, может быть, кто-то из его знакомых. Вряд ли он стал бы слать срочные телеграммы просто так. Нет, Бerti, уж лучше мне пойти. А с тобой мы давай завтра поужинаем.

При других обстоятельствах я бы и руками и ногами «за», но сейчас пришлось отказаться. Я все обдумал, распорядился, и изменить уже ничего нельзя.

– Извини, Чаффи. Завтра я уезжаю из Лондона.

– Уезжаешь?

– Уезжаю. Управляющий дома, в котором я живу, поставил меня перед выбором: или я немедленно съезжаю с квартиры, или прекращаю играть на банджо. Я предпочел съехать. Хочу снять где-нибудь в деревне коттедж, потому-то и сказал, что у меня к тебе дело. Можешь сдать мне коттедж?

– У меня их штук десять, выбирай любой.

– Мне нужна тишина и уединение. Я буду с утра до вечера играть на банджо.

– Есть именно то, что тебе нужно. На берегу залива, ближайшие соседи на расстоянии мили, если не считать полицейского, сержанта Ваулза. А он играет на фисгармонии. Можете составить дуэт.

– Великолепно!

– А еще в этом году приехали негры-менестрели. Будешь перенимать их приемы.

– Чаффи, это предел мечтаний. А для разнообразия будем иногда проводить время вместе.

– Но играть на своем дурацком банджо в Чаффнел-Холле ты не будешь, не надейся.

– Ладно, дружище, не волнуйся. Я буду приходить к тебе обедать.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

– Кстати, что по этому поводу говорит Дживс? Не думаю, что он так уж рвется уехать из Лондона.

Я слегка нахмурился.

– Меня не интересует, что говорит Дживс по этому поводу, равно как и по любому другому. Наши с ним пути разошлись.

– Как разошлись?

Я знал, что новость поразит его.

– Да, – пояснил я, – отныне Дживс пойдет по жизни своей дорогой, а я – своей. У него хватило нахальства заявить мне, что он уйдет, если я не перестану играть на банджо. Я принял отставку.

– Ты в самом деле позволил ему уйти?

– Конечно.

– Ну и дела.

Я небрежно махнул рукой:

– Такова жизнь, Чаффи. Конечно, я не в восторге, зачем притворяться, но как-нибудь переживу. Я все-таки уважаю сам себя и не могу принять условия моего слуги. Когда имеешь дело с Вустерами, не стоит заходить слишком далеко. «Очень хорошо, Дживс, – сказал я. – Так тому и быть. Я с интересом буду наблюдать за вашей карьерой». Вот и вся история.

Мы прошли несколько шагов молча.

– Стало быть, Дживс у тебя больше не служит, – задумчиво проговорил Чаффи. – Н-да, дела. Не возражаешь, если я загляну к вам и попрощаюсь с ним?

– Нисколько.

– В знак уважения.

– Конечно.

– Я всегда восхищался его умом.

– Я тоже. Кому и восхищаться, как не мне.

– Так я после обеда заскочу.

– Даю тебе зеленую улицу, – сказал я небрежно и даже безразлично. После разрыва с Дживсом я чувствовал себя так, будто наступил на мину и теперь собираю разлетевшиеся по равнодушному миру осколки самого себя, однако мы, Вустеры, умеем не ронять свое достоинство.

Я пообедал в «Трутнях» и просидел там довольно долго. Мне было о чем подумать. Рассказ Чаффи о неграх-мене-

стрелях, которые распевают народные песни на песчаном побережье Чаффнел-Риджиса, решительно склонил чашу весов в пользу этой замечательной деревушки. Я смогу встретиться с виртуозами, возможно, даже перейму у них какие-то приемы и секреты исполнения, эта надежда помогала смириться с перспективой не в меру частых встреч с вдовствующей леди Чаффнел и ее отпрыском Сибири. Сочувствую и всегда сочувствовал бедняге Чаффи, каково-то ему терпеть общество этих двух злокачественных прыщей, которые постоянно вскакивают у него на пороге. В первую очередь это относится к недорослю Сибири, его следовало задушить еще в колыбели. Я с самого начала был уверен, что именно он пустил мне в постель ящерицу, когда я последний раз гостил в Холле, хотя прямых доказательств у меня нет.

Но, повторяю, я был готов терпеть мамашу с сыночком ради редкой возможности приблизиться к таким высококлассным музыкантам, ведь эти чернорожие менестрели так виртуозно играют на банджо, просто с ума сойти. И потому, когда я вернулся домой, чтобы переодеться к ужину, меня угнетала вовсе не мысль о леди Чаффнел и ее отпрыске.

Нет, мы, Вустеры, всегда честны сами с собой. Я впал в хандру из-за того, что Дживс уходит из моей жизни. Никто ему в подметки не годится, размышлял я, мрачно облачаясь в вечерний костюм, такого необыкновенного человека, как он, не было и никогда не будет. Меня захлестнула волна чувств, нельзя сказать чтоб недостойных мужчины. Даже

душа заболела. Я завершил туалет, встал перед зеркалом и, любуясь идеально отглаженным смокингом и безупречными складками на брюках, вдруг принял неожиданное решение.

Я быстрым шагом вошел в гостиную и надавил на звонок.

– Дживс, – сказал я. – На два слова.

– Слушаю, сэр?

– Дживс, по поводу нашего утреннего разговора.

– Да, сэр?

– Дживс, я все обдумал и пришел к заключению, что мы оба погорячились. Забудем прошлое. Вы можете остаться.

– Вы очень добры, сэр, но... вы по-прежнему намереваетесь продолжать занятия на этом инструменте?

Я превратился в глыбу льда.

– Да, Дживс, намереваюсь.

– В таком случае, сэр, боюсь, я...

С меня довольно. Я надменно кивнул:

– Очень хорошо, Дживс. Это все. Я, разумеется, дам вам наилучшую рекомендацию.

– Благодарю вас, сэр, она не потребуется. Нынче после обеда я поступил на службу к лорду Чаффнелу.

Я вздрогнул.

– Стало быть, сегодня днем Чаффи прокрался ко мне в квартиру и похитил вас?

– Да, сэр. Через неделю я уезжаю с ним в Чаффнел-Риджис.

– Ах вот как, через неделю. Если вас интересует, могу со-

общить, что лично я отбываю в Чаффнел-Риджис завтра.

– В самом деле, сэр?

– Да. Я снял там коттедж. Что ж, Дживс, встретимся под Филиппами?

– Да, сэр.

– Или там говорится о каком-то другом месте?

– Нет, сэр, именно о Филиппах.

– Благодарю вас, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

Такова цепь событий, приведших Бертрама Вустера утром пятнадцатого июля к порогу коттеджа «Среди дюн», где он любовался морским пейзажем сквозь ароматный дым задумчивой сигареты.

Глава III

Встреча с похороненным прошлым

Признаюсь вам, чем дольше я живу, тем яснее понимаю, что главное в жизни – это твердо знать, чего ты хочешь, и не позволять сбить себя с толку тем, кому кажется, будто они знают лучше. Когда я объявил в «Трутнях» в свой последний день в столице, что удаляюсь на неопределенное время в уединенную глушь, почти все уговаривали меня чуть не со слезами на глазах ни в коем случае не совершать такой вопиющей глупости. Помрешь со скуки, в один голос твердили они.

Но я поступил по-своему, живу здесь уже пятый день, радуюсь жизни и ни о чем не жалею. Солнце сияет. Небо синее некуда. Кажется, что Лондон невесть как далеко, да он и в самом деле далеко. Я ничуть не погрешу против истины, если признаюсь, что в душе царят мир и покой.

Когда я о чем-то рассказываю, я вечно сомневаюсь, что именно из антуража надо описывать, а что нет. Я советовался кое с кем из моей знакомой пишущей братии, так их мнения расходятся. Приятель, с которым я разговорился за коктейлями у кого-то в Блумсбери, поведал, что лично он признает только горы грязной посуды в кухонных раковинах, нетопленные спальни и вообще самую низменную сторону быта, а от красот природы его тошнит. Зато Фредди Оукер, тоже член

клуба «Трутни», специализирующийся на рассказиках о возвышенной любви, которые печатает в разных еженедельниках под псевдонимом Алисия Сеймур, признался мне, что одно только описание цветущего весеннего луга приносит ему не меньше сотни фунтов в год.

Лично я не поклонник пространных описаний природы, поэтому сейчас буду краток. Итак, я стоял на пороге коттеджа, и взгляду открывалось следующее: приятный садик величиной с ладонь, в котором произрастали один куст, одно дерево, имелись две клумбы, крошечный бассейн со статуей голого пузатого мальчишки и еще живая изгородь справа. Возле этой изгороди мой новый слуга Бринкли болтал с нашим соседом, полицейским Ваулзом, который, судя по всему, хотел договориться о продаже нам яиц.

Впереди тоже была живая изгородь и в ней калитка, а за изгородью просматривалась спокойная гладь залива; залив был как залив, ничего особенного, только со вчерашнего вечера в нем появилась гигантских размеров яхта и встала на якорь. Из всех объектов, оказавшихся непосредственно в поле моего зрения, я с наибольшим удовольствием и одобрением выделил яхту. Белая, величиной чуть не с океанский лайнер, она придавала завершенность побережью Чаффнел-Риджиса.

Итак, вот какой вид открывался передо мной. Добавьте кота, заинтересовавшегося улиткой на дорожке, меня в дверях с дешевой сигаретой, и картина будет полной.

Нет, прошу прощения. Я забыл одну важную деталь — я оставил на дороге свой автомобиль, и сейчас мне был виден его верх. И как раз в эту минуту летнюю тишину разорвал вой клаксона, я со всех ног кинулся к калитке, испугавшись, что какой-то хулиган поцарапает сверкающую краску. Добежав до машины, я увидел сидящего за рулем мальчишку, он с меланхолическим видом нажимал грушу. Я размахнулся, чтобы хорошенько врезать нахалу по шее, но узнал двоюродного брата Чаффи, Сибири, и опустил руку.

— Здорово, — сказал он.

— Привет, — ответил я.

Ответил очень сухо. Воспоминание о ящерице под одеялом было живехонько. Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь с наслаждением плюхнуться в постель, предвкушая, как вы сейчас блаженно заснете, и вдруг обнаружить бегущую по левой ноге невесть откуда взявшуюся ящерицу? Такое каленым железом не выжечь. И хотя, как я уже говорил, у меня нет неопровержимых улик, что злодейство задумал и совершил этот малолетний преступник, мои подозрения равнозначны уверенности. И потому я сейчас не только сухо с ним поздоровался, но и поглядел на него весьма сурово.

А ему как с гуся вода. Смотрит, по обыкновению, нахально, за что все нормальные люди его терпеть не могут. Маленький такой, шупленький, в рыжих конопушках, огромные уши торчком и манера смотреть на вас, как будто вы

грязный оборванец, с которым он встретился во время благотворительного визита в трущобы. В моем криминальном архиве гадких мальчишек он занимает третье место: недотягивает до злостной вредности отпрыска тети Агаты, Тоса, а также сына мистера Блуменфельда, однако уверенно опережает Себастиана Муна, сына тети Далии, Бонзо, и прочих.

Поразглядывав меня с таким выражением, как будто я после нашей последней встречи пал еще ниже, он бросил:

– Идите обедать.

– Значит, Чаффи вернулся?

– Да.

Что ж, если Чаффи вернулся, я, конечно, в его распоряжении. Я крикнул стоящему по ту сторону живой изгороди Бринкли, что обедать дома не буду, сел в автомобиль, и мы покатали.

– Когда он воротился?

– Вчера вечером.

– Мы будем обедать с ним вдвоем?

– Нет.

– А кто еще будет?

– Мама, я и еще разные люди.

– Целое общество? Тогда надо вернуться и надеть другой костюм.

– Не надо.

– Считаешь, в этом вид у меня приличный?

– Нет, не считаю. Вид у вас совершенно неприличный.

Просто времени нет.

Решив этот вопрос, малец ненадолго умолк. Серьезный тип. Но вот он вышел из задумчивости и сообщил мне местную новость:

– Мы с мамой опять переселились в замок.

– Как?!

– Да вот так. Во вдовьем флигеле жуткая вонь.

– Но ведь вы же там больше не живете, – заметил я со свойственным мне тонким ехидством.

Он не оценил юмора.

– Думаете, остроумно? Если хотите знать правду, это, наверное, из-за моих мышей.

– Из-за чего, ты сказал?

– Я развожу мышей и щенков. Ну и, конечно, от них запах, – невозмутимо объяснил он. – А мама считает, что несет из канализации. Дайте пять шиллингов.

Эка мысли у него скачут, как блохи. Я от такого разговора дурею.

– Пять шиллингов?

– Пять шиллингов.

– Что значит – пять шиллингов?

– Пять шиллингов значит пять шиллингов.

– Это я и без тебя сообразил. Мне хочется понять, как они в наш разговор затесались? Ты говорил что-то такое о мышах и тут вдруг ни с того ни с сего брякаешь: «Пять шиллингов».

– Мне нужны пять шиллингов.

– Допускаю, тебе, может быть, действительно нужна упомянутая сумма, но я-то с какой стати должен раскошелиться?

– Это откупные.

– Чего-чего?

– Откупные.

– От чего я должен откупаться?

– Просто выкуп – и все.

– Никаких пяти шиллингов я тебе не дам.

– Дело ваше.

Он помолчал, потом произнес туманно:

– Те, кто отказывается платить откупные, попадают в разные неприятные истории.

Этой загадочной репликой наш разговор закончился, потому что мы уже подъезжали к замку и я увидел стоящего на ступеньках Чаффи. Остановил машину и вышел.

– Здорово, Берти, – сказал Чаффи.

– Добро пожаловать в Чаффнел-Холл, – сказал я и оглянулся. Мальчишка испарился. – Послушай, Чаффи, что случилось с этим недорослем Сибери?

– А что с ним такое случилось?

– По-моему, у него крыша поехала. Этот малявка только что вымогал у меня пять шиллингов и нес какую-то ахинею о выкупе.

Чаффи весело захохотал, весь такой загорелый, пышущий здоровьем.

– А, вот ты о чем. Это у него сейчас такой пунктик.

– Ничего не понимаю.

– Да он гангстерских фильмов насмотрелся.

С моих глаз спала пелена.

– Он что же, воображает себя шантажистом?

– Ну да. Ужасно смешно. Собирает со всех дань сообразно финансовым возможностям человека. Кстати, неплохой источник дохода. Предприимчивый парнишка. Я бы на твоём месте дал ему деньги. Лично я дал.

Он меня просто ошарашил. Не столько тем, что представил мне очередное доказательство порочных наклонностей этого маленького хулигана, сколько собственным снисходительным попустительством. Я кинул на него острый взгляд. С первой же минуты, как я его сегодня увидел, мне бросилось в глаза, что вид у него какой-то странный. Обычно, когда его ни встретить, он поглощен своими финансовыми сложностями, глядит на вас потухшим взглядом, лоб страдальчески нахмурен. Именно таким он был пять дней назад в Лондоне. С чего это он сейчас рассиялся, как медный грош, вон даже об этом малолетнем злодее Сибири говорит чуть ли не с нежностью. Тут кроется какая-то тайна. Попробуем применить лакмусовую бумажку.

– Как поживает тетя Миртл?

– Отлично.

– Слышал, она снова перебралась в Холл?

– Верно.

– Насовсем?

– Да, насовсем.

– Что же, все ясно.

Должен заметить, тетка Миртл приложила немало стараний, чтобы превратить жизнь бедняги Чаффи в настоящий ад. Никак не могла смириться, что баронский титул перешел к нему. Дело в том, что Сибери не был сыном покойного дядюшки Чаффи, четвертого барона Чаффнела: леди Чаффнел прижила его в одном из предыдущих браков, вследствие чего он, согласно положению о наследовании титулов, естественно, не попал в категорию наследников, как они определяются в книге пэров. А если вы не наследник, звание пэра вам не светит. Соответственно, когда четвертый барон сыграл в ящик, и титул, и поместье достались Чаффи. Все, конечно, честно и справедливо, в строжайшем соответствии с законом, но разве женщины способны такое понять, и Чаффи частенько жаловался, что вдова постоянно отравляет ему жизнь. Была у нее такая привычка: сожмет Сибери в объятиях и устремит на Чаффи полный укора взгляд, как будто он обобрал до нитки сироту и его мать. Говорить она ничего не говорила, вы сами понимаете, однако ходила с видом жертвы, попавшей в лапы прожженных мошенников.

Вследствие каковых обстоятельств вдовствующую леди Чаффнел никак нельзя было причислить к лучшим друзьям Чаффи. Отношения у них всегда были по меньшей мере напряженные, я ведь к чему это рассказываю: стоит в присут-

ствии Чаффи произнести ее имя, и на его славной открытой физиономии проступает мука, он даже болезненно морщится, как будто ему разбредили старую рану.

А сейчас вон улыбка до ушей. Даже мое замечание о том, что-де тетка вроде бы, как я слышал, снова поселилась в Холле, ничуть его не покорило. Нет, все это явно неспроста. От Бертрама что-то скрывают.

Я решил идти напролом.

– Чаффи, – спросил я, – что все это означает?

– Что – «все это»?

– Твоя дурацкая веселость. Меня не проведешь. Ястребиный Глаз все видит. Выкладывай, дружище, начистоту. По поводу чего такое ликование?

Видно было, что Чаффи колеблется. Он с прищуром глядел на меня.

– Ты способен хранить тайну?

– Нет.

– Ладно, не важно, все равно завтра или послезавтра новость появится в «Морнинг пост». Берти, – Чаффи заговорщически понизил голос, – ты хочешь знать, что произошло? Я вот-вот сбегу с рук тетушку Миртл.

– То есть кто-то хочет на ней жениться?

– Ну да.

– И кто же этот полоумный?

– Твой старинный приятель, сэр Родерик Глоссоп.

Я превратился в соляной столб.

– Что?!

– Я тоже удивился.

– Старикашка Глоссоп задумал жениться? Не может быть!

– Почему не может быть? Он уже третий год вдовееет.

– Ну да, я понимаю, голову ему заморочить можно. Но чтобы довести дело до обручальных колец и свадебного пи-рога? Нет, не такой он человек.

– И тем не менее, как видишь.

– Чудеса, да и только.

– Согласен.

– Слушай, Чаффи, а ведь какая замечательная каверза получается. У малявки Сибири будет отчим людоед, а этот ин-триган Глоссоп получит именно такого пасынка, о каком я и в сладком сне не мог для него мечтать. Они давно друг по дружке плачут. Но неужели нашлась сумасшедшая, которая согласилась связать свою судьбу с этим шарлатаном? О, наши скромные, неприметные героини!

– Я не могу согласиться, что героизм проявила только од-на сторона. По-моему, они друг друга стоят. Кстати, Берти, этот Глоссоп вполне приличный малый.

Да что это с ним? Разжижение мозгов?

– Эх тебя занесло. Я понимаю, он снимает с тебя эту обузу, тетю Миртл...

– И Сибири.

– Верно, и Сибири. Пусть так, не спорю, но неужели ты способен углядеть хоть крупницу добра в этой моровой язве?

Вспомни ужасные истории, которые я тебе о нем рассказывал. В каком неприглядном свете он в них предстает!

– Ну, не знаю, мне он, во всяком случае, оказывает добрую услугу. Знаешь, зачем он так спешно хотел увидаться со мной тогда в Лондоне?

– Зачем?

– Он нашел американца, которому надеется продать Чаффнел-Холл.

– Да что ты говоришь!

– Вот так-то. Если сделка не сорвется, я наконец-то избавлюсь от этой опостылевшей развалюхи и в кармане у меня зазвенят денежки. И все благодаря дядюшке Родерику, мне нравится называть его так про себя. Так что, Берти, уж пожалуйста, воздержись от глумливых выпадов в его адрес и, главное – ни в коем случае не произноси имя этого недоросля Сибири в какой бы то ни было связи с его собственным. Ради меня, Берти, ты должен полюбить дядюшку Роди.

Я покачал головой:

– Нет, Чаффи, уволь, боюсь, мне себя не пересилить.

– Ну и черт с тобой, – добродушно согласился Чаффи. – Лично я считаю его своим благодетелем.

– А ты уверен, что затея не сорвется? Зачем этому американцу такая громадина?

– Ну, тут-то как раз все ясно. Он близкий друг старика Глоссоба и согласен выложить наличные, чтобы Глоссоб превратил замок в такой как бы загородный клуб для своих

чокнутых пациентов.

– Зачем такие сложности? Почему бы старому хрычу Глоссопу не арендовать замок непосредственно у тебя?

– Берти, ты просто небожитель, совершенно не представляешь, в каком состоянии находится дом. Наверное, думаешь, он весь сверкает и блестит, ждет тебя с расprostертыми объятиями. Увы, Берти, большинство комнат лет сорок даже не открывали. Чтобы отремонтировать замок, нужно тысяча пятнадцать. Да нет, больше. Я уж не говорю про новую мебель, дверные и оконные ручки, шпингалеты и прочее, прочее, прочее. Если какой-нибудь миллионер вроде этого чудака не купит замок, этот крест будет висеть у меня на шее всю жизнь.

– А, так он миллионер?

– Да, как раз в этом смысле все благополучно. Меня волнует только одно: чтобы он поставил свою подпись на купчей. Сегодня он у нас обедает, так что обед закатали грандиозный. После такой трапезы он наверняка похорошеет, как ты думаешь?

– Если у него желудок здоровый. Почти все американские миллионеры страдают несварением. Вдруг твой из тех мучеников, которым ничего нельзя, кроме стакана молока с сухариком?

Чаффи весело расхохотался.

– Не волнуйся, папаша Стоукер каминные щипцы переварит. – Он вдруг запрыгал, как овечка на весеннем лугу. –

Здравствуйте, добро пожаловать!

К крыльцу подкатил автомобиль, из него стали выгружаться приехавшие пассажиры.

Первый пассажир был Дж. Уошберн Стоукер, вторым оказалась его дочь Полина, третьим его малолетний сын Дуайт и четвертым сэр Родерик Глоссоп.

Глава IV

Полина Стоукер просит помощи

Должен признаться, ноги у меня стали ватные. Такого мерзкого сюрприза жизнь мне давно не преподносила. Даже в Лондоне встреча с собственным похороненным прошлым кого угодно вышибет из колеи, но столкнуться с этими разбойниками здесь, да еще в предвидении нескончаемого долгого парадного обеда – это настоящая Голгофа. Я поклонился со всей изысканной любезностью, на какую был способен в столь необычных обстоятельствах, однако физиономия моя от смущения запылала, и, если честно, дышал я, как вынутая из воды рыба.

Чаффи был великолепен в роли радушного хозяина.

– Здравствуйте, здра-а-вствуйте! Добро пожаловать. Наконец-то вы приехали. В добром ли здравии, мистер Стоукер? А вы, сэр Родерик? Привет, Дуайт. Э-э... доброе утро, мисс Стоукер. Позвольте представить вам моего друга Берти Вустера. Мистер Стоукер, это мой друг Берти Вустер. Дуайт, это мой друг Берти Вустер. Мисс Стоукер, это мой друг Берти Вустер. Сэр Родерик Глоссоп, это мой друг Берти... Впрочем, что же это я, вы ведь знакомы.

Я еще не пришел в сознание. Согласитесь, от такого кто угодно впадет в столбняк. Я оглядел толпу. Папаша Стоукер испепелял меня взглядом. Старикашка Глоссоп тоже испе-

пелял меня взглядом. Малявка Дуайт меня нахально разглядывал. Одна Полина не почувствовала ни малейшего замешательства, была спокойна, как устрица на тарелке, и весела, как весенний ветерок. Можно подумать, мы с ней заранее договорились о встрече. Бертрам задушенно выдавил из себя «Привет», а она буквально оглушила меня щебетаньем и стрекотаньем и при этом радостно сжимала мою руку.

— Берти, ты здесь, кто бы мог подумать! Полковник Вустер собственной персоной! Ну и чудеса! Я тебе звонила в Лондоне, но мне сказали, что ты уехал.

— Да. Я теперь здесь живу.

— Вижу, что здесь, солнечный ты мой зайчик. Отлично, теперь я совершенно довольна, будем веселиться. Берти, ты отлично выглядишь. Папа, правда Берти просто красавец?

Старый хрыч Стоукер явно не желал выступать в роли ценителя мужской красоты. Он издал звук, с каким свинья отправляет в желудок вилок капусты, однако от более членораздельных высказываний воздержался. Мрачный подросток Дуайт молча пожирал меня глазами. Сэр Родерик, чья физиономия при виде меня побагровела, а потом начала понемногу терять свою зловещую яркость, сохранял выражение человека, оскорбленного в своих лучших чувствах.

Но в этот миг появилась вдовствующая леди Чаффнел. Дама могучего сложения, такой впору быть главой охотничьего общества и владелицей своры собак, если бы главами упомянутых обществ избирали женщин, она спокойно и

уверенно срежиссировала массовую сцену. Не успел я опомниться, как толпа гостей скрылась в доме, а я остался на крыльце вдвоем с Чаффи. Чаффи как-то странно глядел на меня и кусал нижнюю губу.

– Я и не знал, Берти, что ты с ними знаком.

– Познакомился в Нью-Йорке.

– Ты часто встречался там с мисс Стоукер?

– Несколько раз.

– Сколько?

– Ну, раза два или три.

– Мне показалось, она тебе очень обрадовалась.

– Ну что ты. Простая вежливость.

– А можно подумать, вы близкие друзья.

– Господь с тобой. Так, приятели. Она со всеми так себя ведет.

– Со всеми?

– Конечно. Понимаешь, она такая открытая, непосредственная.

– Удивительная девушка, искренняя, добрая, великодушная, жизнерадостная, верно?

– В самую точку.

– К тому же красавица.

– Да, просто удивительно.

– И такая обаятельная.

– На редкость.

– Словом, очень привлекательная девушка.

– В высшей степени.

– Мы с ней в Лондоне проводили много времени вместе.

– И что же?

– Ходили в зоопарк, в Музей мадам Тюссо.

– Понятно. И как она относится к этой затее с покупкой замка?

– Горячо одобряет.

– Скажи честно, дружище, – спросил я, стараясь свернуть в сторону от животрепещущей темы, – сам-то ты как оцениваешь шансы на успех?

Чаффи сдвинул брови:

– То вроде бы кажется, что шансы есть. То вроде бы кажется, что их нет.

– Ясно.

– Как-то зыбко все.

– Понимаю.

– Папаша Стоукер держит меня в подвешенном состоянии. Так он вполне дружелюбен, но чувствует мое сердце: он в любую минуту может взбрыкнуть, и тогда все полетит к черту. Ты, случайно, не знаешь, может быть, есть какие-то деликатные темы, которых следует избегать в разговоре с ним?

– Деликатные темы, говоришь?

– Ну да. Ведь как бывает с незнакомыми людьми: ты говоришь, какой сегодня прекрасный день, а он делается бледный как полотно и стискивает зубы, потому что именно в такой прекрасный день его жена сбежала от него с шофером.

Я стал соображать.

— На твоём месте я не стал бы особенно распространяться о Бертраме Вустере. То есть, если ты хотел расписывать ему мои достоинства...

— Не хотел.

— Вот и не надо. Он меня недолюбливает.

— Почему?

— Просто так, необъяснимая антипатия. И я думаю, старина, если ты не возражаешь, не стоит мне сейчас садиться за стол со всей честной компанией. Скажи своей тетке, что у меня голова разболелась.

— Ну что ж, если он при виде тебя сатанеет... Чем ты ему так досадил?

— Понятия не имею.

— Спасибо, что предупредил. Можешь незаметно исчезнуть.

— С большим удовольствием.

— А мне надо идти к гостям.

Он вошел в дом, а я стал прогуливаться по дорожке, радуясь, что остался один. Надо хорошенько разобраться, как он относится к Полине Стоукер.

Надеюсь, вы не против вернуться к разговору, который происходил у нас с ним несколько минут назад, и внимательно вслушаться в ту его часть, которая касалась барышни Стоукер. Вас что-то удивило, так ведь?

Конечно, чтобы полностью осознать значение происходя-

щего, вам надо было находиться рядом с нами и внимательно наблюдать за ним. Для меня лицо человека – открытая книга, а уж Чаффи я и вовсе вижу насквозь. Когда он заговорил о Полине, то стал похож на чучело лягушки, прозревшей свет небесной истины: физиономия густо-пунцовая, смущен до крайности. Из чего со всей очевидностью вытекало, что мой однокашник по уши втрескался. Быстро это у него получилось, что и говорить, ведь он знает предмет своего обожания всего несколько дней, но такой уж он у нас, Чаффи. Пылкий, порывистый, безоглядный. Вы только представьте его барышне, дальше все пойдет как по маслу.

Ну что ж, если так, меня это вполне устраивает. Бертрам Вустер никогда не был собакой на сене. По мне, так пусть Полина Стоукер флиртует с кем угодно, отвергнутый искатель от души пожелает ей счастья. К этому всегда приходишь по зрелом размышлении, вы и сами знаете. Страдаешь, мучаешься, и вдруг является спасительная мысль, что все к лучшему, вы счастливо отделались. Я по-прежнему считал Полину красавицей, каких мало, но от огня, который вдохновил меня в тот вечер в «Плазе» бросить сердце к ее ногам, не осталось ни искры.

Анализируя эту перемену в собственных чувствах, если, конечно, слово «анализ» здесь применимо, я пришел к заключению, что всему виной ее неумная энергия. Конечно, хороша, глаз от нее не оторвешь, но есть серьезный недостаток: она из тех обожающих спорт девушек, которые непре-

менно хотят, чтобы вы проплыли с ними мило-другую перед завтраком, а после обеда, когда у вас сладко слипаются глаза, тащат вас поиграть в теннис, сетов эдак пять-шесть для разминки. Прозрев, я понял, что на роль миссис Бертрам Вустер мне нужно что-то потише и поспокойнее, в духе Джанет Гейнор.

Но в случае с Чаффи эти недостатки обращаются в величайшие достоинства. Понимаете, он и сам помешан на спорте — что на лошади скакать, что плавать, стрелять, что лис травить, оглашая окрестности дикими воплями, словом, он в вечном, неугомонном движении. Он и эта барышня П. Стоукер буквально созданы друг для друга, и если я хоть как-то могу содействовать их сближению, я должен буквально вывернуться наизнанку.

И потому, когда увидел, что Полина вышла из дому и направляется ко мне с явной целью обменяться верительными грамотами, восстановить разорванные отношения и прочее, я не дал деру, а приветствовал ее жизнерадостным возгласом «Салют!» и позволил увлечь себя в укромную аллею, усаженную кустами рододендронов.

Теперь вы убедились, что мы, Вустеры, готовы на все, если надо помочь другу, потому что мне меньше всего на свете хотелось остаться наедине с этой девицей. Я, разумеется, опомнился после потрясения от встречи с ней, однако перспектива душевного разговора тет-а-тет отнюдь не вдохновляла. Наши отношения были прерваны посредством поч-

тового отправления, последний раз мы виделись еще женихом и невестой, так что сейчас мне было трудно выбрать правильный тон.

Однако мысль, что я могу замолвить словечко за старину Чаффи, воодушевила меня на подвиг, и мы уселись на простую деревенскую скамью, готовясь приступить к повестке дня.

– Никак не ожидала увидеть тебя здесь, Берти, – начала разговор она. – Что ты делаешь в этих краях?

– Я на время удалился от света, – объяснил я, радуясь, что обмен первыми репликами носит вполне светский, как я бы определил, характер. – Мне нужно было найти тихое место, где никто бы не мешал играть на банджо, вот я и снял этот коттедж.

– Какой коттедж?

– Я живу в коттедже на берегу.

– Ты, я думаю, удивился, когда увидел меня.

– Еще бы.

– Но не слишком обрадовался, верно?

– Ну что ты, тебе я всегда рад, но одно дело ты, и совсем другое – твой папенька и старый хрыч Глоссоп...

– Он вроде бы тоже не питает к тебе теплых чувств. А что, Берти, ты в самом деле держишь у себя в спальне столько кошек?

Я слегка ошетинился.

– Да, в моей спальне действительно были кошки в тот

день, но инцидент, на который ты намекнула, был пересказан тебе в искаженном...

– Бог с ними, с кошками, это все чепуха, забудем. Но видел бы ты папину физиономию, когда ему рассказывали эту историю. Кстати, о папиной физиономии: если бы я сейчас увидела ее, то померла бы со смеху.

Вот этого мне сроду не понять. Бог свидетель, я не обделен чувством юмора, но физиономия Дж. Уошберна Стоукера никогда не вызывала у меня желания хотя бы кисло усмехнуться. Внешность у него самая злодейская, здоровенный, кряжистый, глазки буравят вас насквозь, именно так я представляю себе средневекового пирата. Какой там смех, у меня в его присутствии язык прилипает к гортани.

– Я о том, что если бы он сейчас вдруг вынырнул из-за поворота и увидел, что мы тут воркуем как два голубка. Он уверен, что я все еще влюблена в тебя.

– Не может быть!

– Честное слово.

– Но как же, черт возьми...

– Поверь, это святая правда. Он разыгрывает из себя сурового викторианского отца, который разлучил юных любовников и теперь должен проявлять неусыпную бдительность, чтобы помешать их воссоединению. Знал бы он, как ты был счастлив, когда получил мое письмо.

– Ну что ты такое говоришь!

– Берти, не надо кривить душой. Ты же просто ликовал,

признайся.

– Я бы этого не сказал.

– И не говори. Мамочка и так все знает.

– Ну, знаешь, это просто черт знает что такое. Не понимаю, почему ты так считаешь. Я всегда восхищался твоими необыкновенными достоинствами.

– Как-как ты сказал? Слушай, откуда ты набрался таких выражений?

– В основном от Дживса. Он был мой камердинер. И у него был феноменальный запас слов.

– Ты говоришь «был»? Он что же, умер? Или спился с круга и растерял свой запас слов?

– Нет, он от меня ушел. Не вынес моей игры на банджо. Слух об этом распространился в свете, и теперь он служит у Чаффи.

– А кто это?

– Лорд Чаффнел.

– Вот как?

Мы оба умолкли. Она сидела и слушала, как ссорятся в ветвях близрастущего дерева две птицы. Потом спросила:

– Ты давно знаешь лорда Чаффнела?

– Да лет сто.

– И вы с ним близкие друзья?

– Ближе не бывает.

– Отлично. Я на это надеялась. Мне хочется поговорить с тобой о нем. Берти, я могу тебе довериться?

– Еще бы.

– Я была в этом уверена. Как славно встретиться с бывшим женихом. Когда порываешь помолвку, остается столько...

– Нет-нет, ты не должна чувствовать никакой вины, – горячо заверил я ее.

– Да я не о том, дурачок, я хотела сказать: чувствуешь к человеку братскую нежность.

– Ах вот как! Ты, стало быть, относишься ко мне как к брату.

– Ну да. И хочу, чтобы ты сейчас считал меня своей сестрой. Расскажи мне о Мармадыке.

– Это еще кто такой?

– Лорд Чаффнел, балда.

– Так его зовут Мармадык? Ну и ну! Вот это да! Верно говорят, что человек не знает, как живет остальная половина человечества. Мармадык!

И я покотился со смеху. От смеха у меня даже слезы выступили на глазах.

– То-то, я помню, он в школе вечно темнил и пудрил нам мозги по поводу своего имени.

Она рассердилась:

– Очень красивое имя!

Я бросил на нее искоса острый взгляд. Нет, тут что-то неладно. Чтобы девушка просто так, без глубоких на то причин сочла имя «Мармадык» красивым? И конечно же, глаза

у нее сверкали, и кожный покров был приятного алого цвета.

– О-ля-ля! – сказал я. – Э-ге-ге! Те-те-те! Тютю-тютю!

– Ну и что такого? – с вызовом вскинулась она. – Нечего разыгрывать из себя Шерлока Холмса. Я и не собираюсь ничего скрывать. Как раз хотела рассказать тебе.

– Ты любишь этого... ха-ха-ха!.. прости, ради бога... этого, как его, Мармадюка?

– Да, безумно люблю.

– Великолепно! Если ты и в самом деле...

– У него так дивно вьются волосы на затылке, тебе нравится?

– Только этого мне не хватало – разглядывать его затылок. Однако если, как я только что пытался сказать, если ты и в самом деле говоришь правду, приготовься: я сообщу тебе радостную весть. Мне в наблюдательности не откажешь, и когда я заметил во время нашей беседы, что глаза у старины Чаффи становятся мечтательными, как у коровы, стоит ему произнести твое имя, то сразу понял: он по уши в тебя влюблен.

Она с досадой дернула плечиком и довольно злобно хлопнула точеной ножкой проползающую мимо ухвертку.

– Да знаю я, дурья ты башка. Неужели, по-твоему, девушка о таком не догадается!

Ее слова привели меня в полное замешательство.

– Но если он любит тебя, а ты любишь его, чего тебе еще желать? Не понимаю.

– Что же тут не понимать? Он, конечно, в меня влюблен, это ясно, однако молчит как рыба.

– Не объясняется тебе в любви?

– Хоть убей.

– Ну что ж, и правильно. Ты сама понимаешь, в таких делах требуется деликатность, нельзя нарушать правила хорошего тона. Естественно, он пока ничего тебе не говорит. Не надо торопить человека. Он и знаком-то с тобой всего пять дней.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я его знаю целую вечность, еще с тех пор, как он был вавилонский царь, а я – христианка-раба.

– Почему тебе так кажется?

– Кажется – и все.

– Тебе виднее. Хотя, на мой взгляд, очень сомнительно. Однако какую роль ты отводишь в этой истории мне?

– Ну как же, ты его друг. Мог бы ему намекнуть. Сказать, что не надо демонстрировать показное безразличие...

– Это не безразличие, а душевная тонкость. Я тебе только что объяснил: у нас, мужчин, свои представления о том, как следует действовать в подобных случаях. Мы можем влюбиться с первого взгляда, но достоинство требует, чтобы мы осадили себя. Мы – рыцари до мозга костей, мы безупречные джентльмены, мы понимаем, что нельзя кидаться за девушкой сломя голову, будто пассажир, который хочет съесть в вокзальном ресторане тарелку супа. Мы...

– Полная чепуха. Ты сделал мне предложение через две недели после знакомства.

– Совсем другое дело. В моих жилах течет пламенная кровь Вустеров.

– Не вижу никакой...

– Что ж ты остановилась? Продолжай, я тебя слушаю.

Но она глядела мимо меня на что-то, что находилось на юго-востоке; я повернул голову и понял, что мы не одни.

В позе почтительного уважения за моей спиной стоял Дживс, и на его аристократических чертах играло солнце.

Глава V

Берти берет все в свои руки

Я приветливо кивнул. Что с того, что нас с ним больше не связывают деловые отношения, мы, Вустеры, всегда любезны.

– А, Дживс.

– Добрый день, сэр.

Полина заинтересовалась:

– Это и есть Дживс?

– Он самый.

– Значит, вам не нравится, как мистер Вустер играет на банджо?

– Не нравится, мисс.

Мне не хотелось обсуждать эту щекотливую тему, поэтому я спросил довольно сухо:

– Вам, собственно, чего, Дживс?

– Меня послал мистер Стоукер, сэр. Его интересует, где находится мисс Стоукер.

Конечно, можно было, как всегда, отшутиться, дескать, дома никого нет, но я понимал: сейчас не до шуток. И благосклонно позволил Полине удалиться.

– Давай-ка ты топай.

– Да уж, придется. Не забудешь о нашем разговоре?

– Уделю этому делу первостепенное внимание, – заверил

я ее.

Она ушла, а мы с Дживсом остались одни в огромном парке, где больше не было ни души. Я беспечно, с беззаботным видом закурил сигарету.

– Ну что ж, Дживс...

– Сэр?

– Хочу сказать, вот мы и встретились снова.

– Да, сэр.

– Под Филиппами, верно?

– Да, сэр.

– Надеюсь, вы нашли общий язык с Чаффи?

– Да, сэр, все сложилось как нельзя лучше. Осмелюсь спросить, вы довольны вашим новым камердинером?

– О, вполне. Безупречный слуга.

– Мне чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

Наступило молчание.

– Э-э, Дживс... – проговорил я.

Странное дело. Я хотел переброситься с ним несколькими вежливыми фразами, небрежно кивнуть и уйти. Но, черт, как же трудно сломать многолетнюю привычку. Понимаете, вот сию я, вот стоит Дживс, а мне доверили решить задачу, по поводу каких я раньше всегда советовался с Дживсом, и сейчас я будто прирос к скамейке. И вместо того чтобы проявить ледяное равнодушие, кивнуть эдак свысока и уйти, как намеревался, я чувствовал непреодолимую потребность обсудить с ним все в подробностях, будто никакого разрыва

между нами и не случилось.

– Э-э... Дживс... – снова сказал я.

– Сэр?

– Хотел бы кое о чем посоветоваться, если у вас есть свободная минута.

– Разумеется, есть, сэр.

– Мне очень интересно, что вы думаете относительно моего друга Чаффи. Поделитесь со мной?

– Охотно, сэр.

На его лице было выражение мудрого понимания, соединенное с искренним желанием верного слуги помочь своему господину, которое я столько раз видел раньше, и я решил: к черту сомнения.

– Надеюсь, вы согласны, что пятый барон нуждается в помощи?

– Прошу прощения, сэр?

Я разозлился:

– Перестаньте, Дживс, как вам не надоело. Вы все отлично понимаете. Бросьте эти хитрости и притворство, где ваша прежняя открытость и прямота? И не вздумайте уверять меня, будто прослужили у него почти неделю и не сделали никаких наблюдений и выводов.

– Правильно ли я предположил, сэр, что вы намекаете на отношение его светлости к мисс Полине Стоукер?

– Правильно, Дживс, вы правильно предположили.

– Я, конечно, догадываюсь, сэр, что его светлость питает

к юной леди чувства более глубокие и пылкие, чем простая дружба.

– Зайду ли я слишком далеко, если заявлю, что он втрескался в нее по уши?

– Отнюдь нет, сэр. Это выражение очень точно определяет истинное отношение его светлости к упомянутой барышне.

– Что ж, великолепно. А теперь, Дживс, я открою вам, что она тоже его любит.

– В самом деле, сэр?

– Именно об этом она мне рассказывала, когда вы появились. Призналась, что без ума от него. И ужасно страдает, бедная дурочка. Совсем извелась. Женская интуиция помогла ей разгадать его тайну. Она видит свет любви в его глазах. И ждет не дождется, когда он ей признается, но он молчит, и она места себе не находит, потому что тайна эта... как там дальше, Дживс?

– Словно червь в бутоне, сэр.

– И еще вроде бы что-то про румянец...

– Румянец на ее щеках точила, сэр.

– Точила румянец? Вы уверены?

– Совершенно уверен, сэр.

– Так вот, спрашивается, какого черта? Он любит ее. Она любит его. В чем загвоздка? Когда мы с ней сейчас беседовали, я высказал предположение, что он ведет себя так сдержанно из деликатности, но сам в это не особенно верю. Я Чаффи хорошо знаю. Вот уж кто действует с налета: при-

шел, увидел, победил. Если через неделю после знакомства он не сделал девушке предложения, он считает, что потерял форму. А теперь? Вы только поглядите на него: безнадежно буксует. Что стряслось?

– Его светлость чрезвычайно щепетилен в вопросах чести, сэр.

– При чем тут щепетильность?

– Он отдает себе отчет, что, находясь в стесненных обстоятельствах, не имеет права предлагать руку и сердце столь богатой молодой особе, как мисс Стоукер.

– К черту, Дживс, любовь смеется над такими пустяками, как бедность и богатство. И потом не так уж она богата. Не бесприданница, конечно, но и не миллионерша.

– Вы ошибаетесь, сэр. Состояние мистера Стоукера исчисляется пятьюдесятью миллионами долларов.

– Что?! Дживс, перестаньте меня разыгрывать.

– Я не разыгрываю вас, сэр. Насколько я могу судить, именно эту сумму он унаследовал недавно согласно завещанию покойного мистера Джорджа Стоукера.

Меня как обухом по голове.

– Вот это фокус, Дживс! Значит, троюродный братец Джордж откинул копыта?

– Да, сэр.

– И все денежки оставил старому хрычу Стоукеру?

– Да, сэр.

– Вот оно что. Теперь понимаю, теперь все становится на

свои места. А я-то гадал, на какие шиши он скупает огромные поместья. Яхта в заливе, конечно, его?

– Да, сэр.

– Чудеса, да и только. Черт, я уверен, у кузена Джорджа были более близкие родственники.

– Были, сэр. Но он их терпеть не мог, насколько мне известно.

– А, так вам о нем кое-что известно?

– Да, сэр. Когда мы жили в Нью-Йорке, я частенько встречался с его камердинером. Некто Бенстед.

– Кузен ведь был сумасшедший, верно?

– В высшей степени эксцентричный джентльмен, сэр, это несомненно.

– Кто-нибудь из обойденных родственников может опротестовать завещание?

– Не думаю, сэр. Но в таком случае мистера Стоукера поддержит сэр Родерик Глоссоп, он, само собой разумеется, засвидетельствует, что, хотя кому-то поведение покойного мистера Стоукера, возможно, казалось несколько своеобразным, психически он был совершенно здоров. Свидетельство такого известного психиатра, как сэр Родерик, считается истиной в последней инстанции.

– То есть он заявит, что человек имеет полное право ходить на руках, если ему так больше нравится? Не надо трагиться на башмаки и так далее.

– Совершенно верно, сэр.

– И значит, у мисс Стоукер нет ни малейшего шанса отбиться от пятидесяти миллионов долларов, которые родственничек-психопат хранил в чулке?

– Ни малейшего, сэр.

Я задумался.

– Хм... И если старый хрыч Стоукер не купит Чаффнел-Холл, Чаффи так и останется нищим. Такое положение чревато трагедией. Но почему, Дживс, почему? При чем тут деньги? Зачем придавать такое значение деньгам? История знает массу примеров, когда бедный женился на богатой.

– Всё так, сэр. Но по данному конкретному вопросу его светлость придерживается своих собственных взглядов.

Я снова погрузился в размышления. Конечно, Дживс прав. Чаффи всю жизнь был жутко щепетилен в отношении денег. Наверное, так предписывает кодекс чести Чаффнелов. Сколько лет я пытаюсь одолжить ему от своего изобилия, но он всегда решительно говорит «нет».

– Н-да, задача, – наконец произнес я. – Сейчас я просто не вижу выхода. И все-таки, Дживс, может быть, вы ошибаетесь. Ведь это только ваше предположение.

– Нет, сэр. Его светлость оказал мне честь и поделился своими затруднениями.

– Да что вы говорите? А как всплыла эта тема?

– Мистер Стоукер выразил желание, чтобы я поступил к нему на службу. Я сообщил о его предложении его светлости, и его светлость посоветовал мне не связывать с ним слишком

больших надежд.

– Как, неужели Чаффи хочет, чтобы вы оставили его и перешли к старому негодяю Стоукеру?

– Нет, сэр. Желания его светлости диаметрально противоположны, он выразил их очень определенно и даже с большой горячностью. Однако просил меня потянуть время и дать отрицательный ответ только в том случае, если состоится продажа Чаффнел-Холла.

– А, вот оно что. Понимаю его тактику. Он хочет, чтобы вы подцепили старикашку Стоукера на крючок и поддерживали в нем надежду, пока он не подпишет роковые бумаги?

– Именно, сэр. В ходе этой беседы его светлость посвятил меня в те сложности, которые связаны с его отношением к мисс Стоукер. Чувство собственного достоинства не позволит ему просить у юной леди руки и сердца, пока его финансовое положение не поправится настолько, чтобы он почувствовал себя вправе решиться на подобный шаг.

– Кретин! Идиот!

– Лично я не рискнул бы облечь свое мнение в столь резкие слова, но признаюсь, что считаю принципы его светлости уж слишком донкихотскими.

– Мы должны его переубедить.

– Боюсь, сэр, это невозможно. Я уж и сам пытался, но все мои доводы разбились об него, как о скалу. У его светлости комплекс.

– Что-что?

– Комплекс, сэр. Видите ли, он однажды присутствовал на представлении музыкальной комедии, где одним из действующих лиц был обнищавший английский аристократ без гроша в кармане, некто лорд Вотвотли, который все пытался жениться на богатой американке, и этот персонаж запал в душу его светлости. Он заявил мне в самых бесповоротных выражениях, что никогда не поставит себя в положение, где был бы хоть малейший намек на фатальное сходство.

– А если с продажей замка ничего не выйдет?

– Тогда, сэр, боюсь...

– Тогда червь в бутоне будет продолжать свое черное дело?

– Увы, сэр.

– А вы уверены, что он именно точил румянец?

– Уверен, сэр.

– Бессмыслица какая-то.

– Поэтический образ, сэр.

– У Чаффи, впрочем, румянец хоть куда.

– Да, сэр.

– Но что толку от здорового румянца, если вы упустили любимую девушку?

– Истинная правда, сэр.

– Что бы вы посоветовали, Дживс?

– Боюсь, сэр, в настоящую минуту я ничего не могу предложить.

– Никогда не поверю, Дживс, придумайте что-нибудь.

– Не могу, сэр. Поскольку препятствие коренится в психологии индивидуума, я затрудняюсь. Пока образ лорда Вотвотли будет терзать сознание его светлости, боюсь, мы бессильны.

– А вот и не бессильны. Откуда у вас эта обреченность, Дживс? Совершенно на вас не похоже. Надо его спустить с небес на землю.

– Я не совсем улавливаю, сэр...

– Отлично вы все улавливаете. Дело это проще простого. Влюбленный Чаффи молча томится возле своего предмета и бездарно теряет время. Надо его хорошенько встряхнуть. Если он увидит, что появился опасный соперник и вот-вот умыкнет красавицу, неужели он не плюнет на свои дурацкие принципы и не бросится в бой, изрыгая дым и пламя?

– Несомненно, ревность – чрезвычайно мощная побудительная сила, сэр.

– Знаете, Дживс, что я собираюсь сделать?

– Нет, сэр.

– Поцелую мисс Стоукер прямо на глазах у Чаффи.

– Право, сэр, я бы не рекомендовал...

– Не волнуйтесь, Дживс, я все обдумал. Пока мы сейчас с вами разговаривали, меня просто озарило. После обеда я незаметно увлеку мисс Стоукер сюда, на эту скамейку. А вы подстройте так, чтобы Чаффи пошел за ней. Дождусь, когда он подойдет совсем близко, и заключу ее в объятия. Если это не поможет, значит, его ничем не прошибить.

– Я считаю, сэр, что вы подвергаете себя немалой опасности. Нервы у его светлости сейчас как натянутые струны.

– Ничего, пусть засветит мне в глаз, мы, Вустеры, ради друга и не на такое готовы. Нет, Дживс, никаких возражений, это дело решенное. Осталось только договориться о времени. Надеюсь, к половине третьего обед кончится... Между прочим, сам я обедать не пойду.

– Не пойдете, сэр?

– Нет. Не могу видеть это сборище. Останусь здесь. Принесите мне несколько сандвичей и полбутылки пива, ну, моего любимого.

– Хорошо, сэр.

– Кстати, Дживс, в такую жару двери столовой в сад будут, конечно, открыты. Пройдитесь во время обеда несколько раз туда-сюда, постарайтесь услышать, о чем говорят. Может быть, узнаете что-то важное.

– Хорошо, сэр.

– И положите на сандвичи как можно больше горчицы.

– Хорошо, сэр.

– В два тридцать скажите мисс Стоукер, что я хочу поговорить с ней. А в два тридцать две скажите лорду Чаффнелу, что она хочет поговорить с ним. Остальное предоставьте мне.

– Очень хорошо, сэр.

Глава VI

Возникают неожиданные сложности

Прошло довольно много времени, пока наконец вернулся Дживс с сэндвичами. Я с жадностью на них набросился.

– Черт, как вы долго.

– Согласно вашим указаниям, сэр, я подслушивал под дверь столовой.

– А, ну и что?

– Я не услышал ничего, что позволило бы сделать вывод касательно отношения мистера Стоукера к покупке замка, однако он был благодушен.

– Это вселяет надежду. Душа общества?

– Можно сказать и так, сэр. Он приглашал всех присутствующих к себе на яхту на праздник.

– Стало быть, он здесь задержится?

– И судя по всему, надолго, сэр. Что-то не в порядке с гребным винтом.

– Наверняка сломался от его взгляда. И что же это за праздник?

– Как выяснилось, сэр, завтра день рождения юного мистера Дуайта Стоукера. И гостей, как я понял, приглашают отпраздновать это событие.

– Приглашение было принято благосклонно?

– В высшей степени благосклонно, сэр. Правда, юному

мистеру Сибери не слишком понравилось заносчивое утверждение юного мистера Дуайта, что юный мистер Сибери никогда в жизни не видел настоящей яхты, он готов на что угодно спорить.

– А Сибери?

– Заявил, что миллион раз плавал на разных яхтах. Кажется, он даже сказал не «миллион», а «миллиард».

– И что потом?

– Юный мистер Дуайт презрительно фыркнул, из чего я заключил, что он отнесся к утверждению юного мистера Сибери скептически. Но мистер Стоукер погасил начавший разгораться конфликт, сообщив, что гостей будут развлекать негры-менестрели, он их непременно пригласит. Видимо, его светлость упомянул об их пребывании в Чаффнел-Риджисе.

– И все уладилось?

– Да, сэр, как нельзя лучше. Правда, юный мистер Сибери заметил, что юный мистер Дуайт сроду не слыхивал негров-менестрелей, он голову дает на отсечение. Из слов, произнесенных через минуту ее светлостью, я понял, что юный мистер Дуайт бросил в юного мистера Сибери картофелиной, и какое-то время казалось, что не миновать скандала.

Я прищелкнул языком.

– Намордники на этих мальчишек надо надеть и посадить на цепь. Они все погубят.

– К счастью, страсти скоро улеглись. Когда я уходил, в

обществе царило полнейшее согласие. Юный мистер Дуайт объяснил, что у него просто рука сорвалась, и его извинение было принято в духе благожелательности.

— Ну что же, Дживс, возвращайтесь под дверь и постарайтесь еще что-нибудь разузнать.

— Хорошо, сэр.

Я доел сандвичи, допил пиво и закурил сигарету, сокрушаясь, что не попросил Дживса принести еще и кофе. Но Дживса и не надо ни о чем таком просить, немного погодя он возник передо мной с дымящейся чашкой в руках.

— Обед только что кончился, сэр.

— Отлично. Вам удалось снестись с мисс Стоукер?

— Удалось, сэр. Я уведомил ее, что вы желаете переговорить с ней, и вскорости она здесь будет.

— Почему вскорости, а не сейчас?

— Сразу же после того, как я передал ей вашу просьбу, его светлость завязал с ней беседу.

— А ему вы сказали, чтобы он тоже пришел?

— Да, сэр.

— Плохо, Дживс. Вышел просчет, они придут вместе.

— Нет, сэр. Как только я увижу, что его светлость направился в вашу сторону, я без труда задержу его под каким-нибудь предлогом.

— Под каким же?

— Меня уже давно интересует мнение его светлости относительно покупки новых носков.

– Хм! Да уж, Дживс, когда речь заходит о носках, вы неиссякаемы, вы сами это отлично знаете. Пожалуйста, не увлекайтесь, а то ведь вы можете проговорить с ним больше часа. Нужно непременно это все проверить.

– Вполне вас понимаю, сэр.

– Когда вы расстались с мисс Стоукер?

– С четверть часа назад, сэр.

– Странно, что ее до сих пор нет. Интересно, о чем они разговаривают?

– Не могу сказать, сэр.

– А, вот и она!

За кустами мелькнуло что-то белое, показалась Полина. До чего хороша, а уж глаза – глаза сияли, как звезды. Однако я ни на миг не поколебался в своем убеждении, что жениться на ней должен Чаффи, если все образуется, а не я, и страшно радовался этому обстоятельству. До чего все-таки странно: девушка сногшибательная красавица, а вам лучше в петлю, чем жениться на ней. Ничего, видно, не поделаешь, такова жизнь.

– Привет, Берти, привет, – прощепетала она. – Пронесся слух, что у тебя голова раскалывается, а ты, я вижу, тут упи-сываешь за обе щеки.

– Да вот, заставил себя с трудом что-то проглотить. Дживс, вы можете все это унести.

– Хорошо, сэр.

– И не забудьте: если его светлость захочет поговорить со

мной, я здесь.

– Не забуду, сэр.

Он забрал тарелку, чашку и бутылку и исчез. Я и сам не мог бы сказать, жалею я, что он уходит, или нет. Я здорово волновался. Все внутри противно дрожало, сердце обрывалось, куда-то ухало, проваливалось. Вам будет легче представить себе мое состояние, если вы вспомните, какая передо мной разверзлась бездна, когда я вышел на сцену церковного клуба в Ист-Энде, чтобы спеть «Эй, сынок!» подросткам с дурными наклонностями, которых Бифи Бингем пытался совлечь с пути порока.

Полина схватила меня за руку и пыталась довести что-то до моего сознания.

– Берти, ну Берти же... – тормошила она меня.

Но я в этот миг заметил над кустами голову Чаффи и понял: настала пора действовать, сейчас или никогда. Не медля ни секунды, я схватил ее в объятия и чмокнул в правую бровь. Не самый удачный из моих поцелуев, увы, однако же все равно поцелуй в рамках толкования данного понятия, и, как таковой, должен произвести, по моим расчетам, желанный эффект.

Он, конечно, и произвел бы этот самый эффект, если бы в столь решительный миг перед нами появился Чаффи. Но появился не Чаффи. В какой же я попал просак, ведь я увидел всего лишь мелькнувшую сквозь зелень мужскую шляпу! Возле скамейки стоял папаша Стоукер собственной пер-

соной, и я не скрою, что Бертрам слегка смутился.

Да что там смутился, я готов был провалиться сквозь землю. Трепетный отец на дух не переносит Бертрама Вустера и одновременно с этим убежден, что его дочь безумно влюблена в означенного Бертрама, и что он первым делом видит, выйдя на приятную послеобеденную прогулку? Влюбленную парочку в страстном объятии. Любой родитель завибрирует от такого зрелища, и что же удивляться, что старик застыл в позе отважного Кортеса, перед которым открылись безбрежные просторы Тихого океана. Человеку, в чьем кармане лежат пятьдесят миллионов долларов, незачем притворяться. Хочется ему испепелить взглядом отдельно взятую личность, он ее тут же испепелит. Вот и сейчас он меня как раз и испепелял. В его взгляде призыв к оружию соседствовал с душевной болью, и я понял, что Полина давеча достаточно точно охарактеризовала его викторианские представления.

К счастью, дальше взглядов дело не пошло. Можете сколько угодно обличать светские приличия, но в таких вот критических ситуациях они оказываются как нельзя более кстати. Пусть эти светские приличия лишь пустая формальность, но если эта формальность не позволяет взбешенному отцу дать коленкой под зад молодому человеку, который целует его дочь, только потому, что они сейчас в гостях у одного и того же приятеля, то да здравствуют все самые пустые светские приличия.

Был, правда, миг, когда его нога нервно дернулась, и я подумал, что вот сейчас-то первобытное начало в Дж. Уошберне Стоукере вырвется на волю, однако светские приличия восторжествовали. Бросив на меня еще один уничтожающий взгляд, он увел Полину прочь, и я остался один обдумывать на свободе случившееся.

И пока я предавался раздумьям, стараясь успокоить нервы с помощью сигареты, в мою зеленую сень ворвался Чаффи. Видно, и он был чем-то встревожен, потому что глаза его чуть не вылезали из орбит.

– Послушай, Берти, я тут такого наслушался, что все это означает? – приступил он к делу без преамбулы.

– А чего ты такого наслушался?

– Почему ты мне не сказал, что был помолвлен с Полиной Стоукер?

Я вздернул бровь. Так, надо показать свою железную хватку, решил я, это явно не помешает. Если вы видите, что человек хочет взять вас за горло, надо опередить его и самому взять за горло.

– Я вас не понимаю, Чаффнел, – холодно процедил я. – Вы что, ждали, что я извещу вас открыткой?

– Мог бы мне сказать сегодня утром.

– Не счел нужным. А кстати, как ты об этом узнал?

– Сэр Родерик Глоссоп упомянул в разговоре.

– Ах, сэр Родерик Глоссоп! Кому еще и упоминать. Этот подонок как раз все и погубил.

– Как это?

– Он в это время был в Нью-Йорке, вмиг вытянул из старика Стоукера, что мы хотим пожениться, и заставил его дать мне от ворот поворот. Так что наша помолвка от старта до финиша длилась всего два дня.

Чаффи сощурился:

– Клянешься?

– Чем угодно.

– Всего два дня?

– Даже чуть меньше.

– И сейчас между вами ничего нет?

В его тоне не ощущалось дружеской теплоты, и я стал понимать, что ангел-хранитель Вустеров проявил мудрость, сделав свидетелем недавнего объятия не его, а папашу Стоукера.

– Ничегошеньки.

– Точно?

– Говорят же тебе. Так что, Чаффи, смелей, дружище, – сказал я и ободряюще похлопал его по плечу, как старший брат. – Следуй велениям своего сердца и ничего не бойся. Она по уши в тебя влюблена.

– Кто тебе сказал?

– Она.

– Сама?

– Собственными устами.

– Думаешь, она в самом деле любит меня?

– Страстно, насколько я понял.

Исстрадавшаяся физиономия посветлела. Он провел рукой по лбу и с облегчением вздохнул.

– Слава богу. Я слегка вспылil, ты уж не сердись. Сам посуди: ты только что обручился с девушкой и вдруг узнаешь, что она два месяца назад была помолвлена с другим, это, знаешь ли, удар не из легких.

Я изумился:

– Ты помолвлен? Когда же это произошло?

– Сразу после обеда.

– А как же Вотвотли?

– Кто тебе рассказал про Вотвотли?

– Дживс. Он сказал, тень Вотвотли нависла над тобой, как туча.

– Твой Дживс слишком много болтает. Между прочим, Вотвотли тут никаким боком не фигурирует. Я объяснился ровно через минуту после того, как старик Стоукер сказал мне, что покупает замок, решился наконец-то.

– Ей-богу?

– Ей-богу! Думаю, тут главная заслуга принадлежит портвейну. Я ему споил все, что осталось от урожая 1885 года.

– Вот это мудро. Сам сообразил?

– Нет. Дживс надоумил.

Я не смог удержать горестного вздоха.

– Гигант!

– Уникум!

– Вот голова!

– Думаю, размер девять с четвертью, не меньше.

– Он ест много рыбы. Какая жалость, что он лишен музыкального слуха, – печально заметил я. Однако тут же подавил сожаления: хватит горевать о своей утрате, надо радоваться удаче Чаффи. – Ну что ж, отлично. Надеюсь, вы будете очень, очень счастливы, – искренне пожелал я. – Скажу тебе со всей честностью: Полина одна из самых симпатичных девушек, с кем я был помолвлен.

– Может, хватит сыпать соль на эту окаянную помолвку?

– Пожалуйста.

– Я хочу поскорее забыть, что ты был когда-то с ней помолвлен.

– Кто же против.

– Когда я начинаю думать, что в то время ты имел право...

– Да никаких прав я не имел. Не забывай, помолвка длилась всего два дня, и оба эти дня я провалился в постели с жесточайшей простудой.

– Но когда она сказала тебе «да», ты, конечно...

– Вот именно что нет. В комнату вошел официант с подносом мясных сэндвичей, и момент был упущен.

– Так, значит, ты никогда...

– Ни единого раза.

– Весело же она проводила время после помолвки с тобой. Сплошной праздник и нескончаемое ликованье. И почему она согласилась за тебя выйти? Не понимаю, хоть убей.

Думаете, я понимал? Вот именно – хоть убей. Впрочем, возможно, при виде меня в душе властных энергичных женщин начинают звучать какие-то потаенные струны. Такое уже случилось один раз, когда я обручился с Гонорией Глоссоп.

– Я как-то советовался с одним вполне авторитетным психоаналитиком, – сказал я, – так он считает, что, когда женщина видит, как я слоняюсь, будто бездомная овца, в ней просыпается материнский инстинкт. Может быть, что-то в этом есть.

– Возможно, – согласился Чаффи. – Ладно, я побежал. Думаю, Стоукер захочет поговорить со мной по поводу замка. Ты со мной?

– Нет, спасибо. Понимаешь, старина, я не так уж сильно рвусь общаться с паноптикумом, который ты собрал. Тетушка Миртл еще куда ни шло, даже этот малявка Сибири. Но Стоукер и Глоссоп Бертрама доконают. Лучше пойду погуляю по парку.

Этот парк, раскинувшийся вокруг замка, был первоклассным местом для прогулок, думаю, Чаффи не без сожалений вздыхал при мысли, что вся эта красота уйдет из его рук и здесь устроят частную клинику для психов. Впрочем, если прожить много лет в одном доме бок о бок с тетужкой Миртл и кузенком Сибири, боюсь, любовь к нему может и улетучиться. Я с большим удовольствием прошатался по окрестностям два часа, и уже заметно вечерело, когда я, ощутив на-

стоятельную потребность выпить чашку чая, появился возле людской половины дома, где надеялся найти Дживса.

Одна из судомоек указала мне его комнату, и я уселся там в безмятежной уверенности, что очень скоро передо мной возникнет дымящийся чайник и намазанный сливочным маслом румяный тост. Весть о счастливой развязке, которую принес мне Чаффи, наполняла душу благостью, для полной гармонии не хватало только чашки горячего чая и хрустящего тоста.

– Знаете, Дживс, – сказал я, – такое событие не грех и сдобными булочками отпраздновать. До чего же приятно думать, что истерзанная штормами и бурями душа Чаффи наконец-то обрела мирную гавань. Вы слышали, что Стоукер обещал купить замок?

– Слышал, сэр.

– А о помолвке?

– И о помолвке тоже, сэр.

– Старина Чаффи сейчас небось на крыльях летает.

– Не совсем так, сэр.

– То есть?

– Увы, сэр. Вынужден с прискорбием сообщить, что возникло некоторого рода осложнение.

– Как! Неужели они успели поссориться?

– Нет, нет, сэр. Отношения его светлости и мисс Стоукер продолжают оставаться неизменно сердечными. А вот между ним и мистером Стоукером произошел конфликт.

– Час от часу не легче!

– Ваша правда, сэр.

– Но почему?

– Причиной конфликта, сэр, послужило состязание в силе между юным мистером Дуайтом Стоукером и юным мистером Сибири. Если вы помните, сэр, я упоминал, что во время обеда между этими юными джентльменами не наблюдалось безупречно доброжелательного отношения друг к другу.

– Но вы сказали...

– Верно, сэр, сказал. Тогда остроу положения удалось сгладить, но минут через сорок после окончания трапезы ссора закипела снова. Юные джентльмены удалились в маленькую столовую, примыкающую к кухне, и там, как выяснилось, юный мистер Сибири потребовал у юного мистера Дуайта сумму в один шиллинг и шесть пенсов в качестве, как он объяснил, откупных.

– Каков мерзавец!

– Вот именно, сэр. Юный мистер Дуайт, как я понял, с возмущением отказался внести пожертвование, кажется, это так называется; начался обмен репликами, который привел к тому, что около половины четвертого из маленькой столовой стали доноситься звуки, свидетельствующие о происходящей там потасовке, и устремившиеся туда взрослые, как проживающие в доме, так и гостящие в нем, обнаружили юных джентльменов на полу среди осколков опрокинутой ими во время борьбы посудной горки. К моменту их при-

бытия юный мистер Дуайт получил позиционное преимущество над противником и, сидя на груди у юного мистера Сибири, колотил его затылком о ковер.

Мне бы тихо возликовать, что нашелся наконец-то человек, который поступил с башкой недоросля так, как она того заслуживает, а у меня тоскливо засосало под ложечкой, по этому симптому вы поймете, какую глубокую тревогу вызвал у меня рассказ Дживса. Уж я-то знал, что последствия могут быть роковыми.

– Ох, Дживс, до чего же некстати!

– Некстати, сэр.

– Ну и потом?

– Потом, сэр, в бой втянулись все имеющиеся в наличии силы.

– Что, старая гвардия бросилась на выручку?

– Да, сэр, и наступление возглавила леди Чаффнел.

Я застонал.

– Она бы да не возглавила! Чаффи говорил, что, когда дело касается Сибири, она буквально превращается в тигрицу. Ради своего драгоценного сыночка она растолкает локтями весь мир и раздавит ему ноги. У Чаффи просто голос срывался, когда он рассказывал, с какой алчностью она набрасывалась за завтраком на самое лучшее яйцо и подсовывала его своему малютке, это еще когда они жили в замке, до того, как ему удалось переселить их во вдовый флигель. Ну дальше, Дживс, дальше.

– Увидев эту картину, ее светлость издала громкий крик и влепила юному мистеру Дуайту крепчайшую затрещину.

– После чего, конечно...

– Совершенно верно, сэр. Мистер Стоукер вступил в схватку на стороне своего сына и размахнулся ногой, чтобы дать хорошего пинка юному мистеру Сибири.

– И попал в цель? Дживс, скажите, что попал!

– Да, сэр. Юный мистер Сибири как раз поднимался с полу, и его поза исключительно благоприятствовала получению подобного удара. Между ее светлостью и мистером Стоукером вспыхнула ссора. Ее светлость потребовала поддержки со стороны сэра Родерика, и тот – довольно неохотно, как мне показалось, – выразил мистеру Стоукеру неудовольствие по поводу нанесенного им оскорбления действием. В ответ были произнесены слова в повышенном тоне, следствием которых явилось сделанное в большой запальчивости заявление мистера Стоукера, что если сэр Родерик полагает, будто он, мистер Стоукер, купит после всего случившегося Чаффнел-Холл, то он, сэр Родерик, жестоко ошибается.

Я схватился за голову.

– Услышав эти слова...

– Ну же, Дживс, не томите. Я предчувствую, чем все кончилось.

– Увы, сэр. Я согласен с вами, что в этих событиях ощущается роковая предопределенность греческой трагедии. Услы-

шав эти слова, его светлость, который до тех пор с волнением, но молча следил за ходом беседы, испуганно вскрикнул и попросил мистера Стоукера дезавуировать свое заявление. Его светлость был убежден, что раз мистер Стоукер дал согласие на покупку Чаффнел-Холла, он, как честный человек, не может отказаться от своего слова. Однако мистер Стоукер заявил, что плевать ему, давал он согласие или не давал, и клятвенно заверил, что ни единого цента его денег не будет истрачено на упомянутую сделку, после чего речь его светлости, должен с прискорбием заметить, утратила свойственную ему сдержанность.

Я снова протяжно застонал. Уж я-то знаю, на что способен старина Чаффи, когда его благородная натура вознегодует, слышал в Оксфорде, как он кроет на чем свет стоит гребцов своей восьмерки.

– Уничтожил старикашку Стоукера?

– С большим темпераментом, сэр. В исключительно ярких выражениях высказал свое искреннее мнение относительно представлений мистера Стоукера о нравственности, о его деловой порядочности и даже внешности.

– И этим вбил в сделку огромный крест.

– В самом деле, сэр, в столовой сразу же повеяло могильным холодом.

– И дальше?

– На этом достойная сожаления сцена кончилась, сэр. Мистер Стоукер вернулся на яхту вместе с мисс Стоукер и юным

мистером Дуайтом. Сэр Родерик пошел в местную гостиницу снять номер. Леди Чаффнел прикладывает юному мистери Сибири примочки из арники в его спальне. Его светлость, насколько мне известно, гуляет с собакой в западной части парка.

Я задумался.

– Когда все это случилось, Чаффи уже успел сказать Стоукеру, что хочет жениться на мисс Стоукер?

– Нет, сэр.

– Черт, а теперь уж и не скажешь.

– Боюсь, сэр, сейчас подобное сообщение не вызовет искренней радости.

– Придется им видаться тайком.

– Даже и это будет довольно затруднительно, сэр. Я не успел сообщить вам, что случайно услышал беседу мистера и мисс Стоукер, из которой можно было заключить, что означенный джентльмен намерен держать мисс Стоукер на яхте взаперти в полном смысле этого слова и за все те дни, что они будут вынуждены простоять в заливе, он ни разу не позволит ей сойти на берег.

– Но вы же сказали, он ничего не знает об их помолвке.

– Подвергая мисс Стоукер изоляции на судне, мистер Стоукер руководствовался отнюдь не стремлением помешать ей видаться с его светлостью, сэр. Он решил исключить какую бы то ни было возможность ее свиданий с вами, сэр. То обстоятельство, что вы обнимали юную леди, утвердило его в

мысли, что, несмотря на ваш разрыв в Нью-Йорке, ее чувства к вам не остыли.

– Вам это не слышалось?

– Нет, сэр.

– А как вам это вообще удалось узнать?

– Я беседовал с его светлостью по одну сторону живой изгороди, и в это время по другую сторону шпалеры как раз начался разговор, который я вам только что пересказал. Пришлось подслушивать рассуждения мистера Стоукера, другого выхода не оставалось.

Я так и подскочил.

– Говорите, вы в это время с Чаффи разговаривали?

– Да, сэр.

– И он все это тоже слышал?

– Да, сэр.

– Про то, что я поцеловал мисс Стоукер?

– Да, сэр.

– Как вам показалось, он рассердился?

– Да, сэр.

– И что он сказал?

– Что-то по поводу отрывания ваших рук и ног, сэр.

Я вытер лоб.

– Дживс, – сказал я, – теперь надо думать и думать.

– Согласен, сэр.

– Дживс, помогите мне.

– Полагаю, сэр, вам стоило бы постараться убедить его

светлость, что чувство, которое побудило вас обнять мисс Стоукер, носит чисто братский характер.

– Братский? И вы думаете, он поверит?

– Полагаю, что да, сэр. В конце концов, вы с юной леди хорошие друзья, и вполне естественно, что, узнав о ее помолвке с таким близким вам человеком, как его светлость, вы запечатлели на ее лбу мирный дружеский поцелуй.

Я встал.

– Что ж, Дживс, может, и обойдется. Во всяком случае, попытаться стоит. Я сейчас пойду, буду медитировать, надо подготовиться к предстоящему испытанию.

– Одну минуту, сэр, я принесу вам чай.

– Нет, Дживс, не до чаев сейчас. Надо сосредоточиться, вызубрить свою роль назубок до его прихода. Чую, долго ждать не придется.

– Не удивлюсь, сэр, если его светлость уже дожидается вас в коттедже.

Дживс как в воду глядел. Едва я переступил порог, как из кресла будто шаровая молния вылетела, и нос к носу со мной оказался Чаффи. Он глядел на меня со зловещим прищуром.

– Ага! – процедил он сквозь зубы, да и вообще вид его не сулил добра. – Явился наконец!

Я подарил ему сочувственную улыбку.

– Конечно, явился. И мне все известно, Дживс рассказал. Досаднейшая глупость! Когда я поздравлял Полину Стоукер с вашей помолвкой, мог ли я подумать, что мой братский

поцелуй вызовет такой скандал.

Он продолжал уничтожать меня взглядом.

– Братский, говоришь?

– Исключительно братский.

– Папаше Стоукеру так не показалось.

– Всем известно, какой у старого хрыча грязный ум.

– Значит, братский? Хм!

Я выразил, как и подобает мужчине, сожаление:

– Наверное, не стоило мне ее целовать...

– Скажи спасибо, что меня там не было.

– ...но ты же сам понимаешь, твой близкий друг, однокашник по начальной школе, по Итону, Оксфорду обручается с девушкой, которая тебе все равно что родная сестра, как тут не расчувствоваться.

Было видно, что в душе доброго малого происходит борьба. Весь взъерошенный, он метался по комнате, отшвырнул пинком табурет, на который наткнулся, потом начал успокаиваться. Разум восторжествовал.

– Ладно, – вздохнул он. – Но впредь, пожалуйста, поменьше этих братских проявлений.

– Ясное дело.

– Угомонись. Души в себе эти порывы.

– Само собой.

– Если тебе нужны сестры, ищи их в другом месте.

– Какой разговор.

– Когда я буду женат, я не хочу все время думать, что вот

войду сейчас в комнату и застану сцену братско-сестринской нежности в разгаре.

— Ну что ты, старина, я все понимаю. Стало быть, ты не раздумал жениться на этой самой Полине?

— Не раздумал? Еще бы мне раздумать! Только последний идиот способен упустить такую девушку, согласен?

— А как же быть с кодексом чести древнего рода Чаффнелов?

— Что ты такое несешь?

— Ну как же, ведь если Стоукер не купит Чаффнел-Холл, ты окажешься в еще более плачевном положении, чем раньше, когда не хотел признаваться ей в любви и мысль о Вотвотли, словно червь в бутоне, румянец на щеках твоих точила.

Его передернуло.

— Нет, Берти, не напоминай, я был тогда в полном помрачении рассудка. Не представляю, как я вообще мог докатиться до такого. Заявляю тебе официально, что мои взгляды радикально изменились. Пусть я гол как сокол, а у нее миллионы, мне на это наплевать. Если раздобуду семь шиллингов и шесть пенсов на разрешение архиепископа венчаться без оглашения и два фунта или сколько там надо, чтобы священник прочитал положенные строки из молитвенника, свадьба состоится.

— Великолепно.

— Что такое деньги?

– В самую точку.

– Любовь – вот главное.

– Золотые слова, старик. Я бы на твоём месте изложил ей эти взгляды в письме. А то вдруг она подумает, что раз ты опять на мели, то можешь и на попятный пойти.

– Обязательно напишу. И... ну конечно!

– Что «конечно»?

– А письмо ей отнесет Дживс. Тут уж можно не опасаться, что старикашка Стоукер его перехватит.

– Считаешь, он такой ловкий?

– Ха, прирожденный шпион. Только о том и думает, как бы перехватить письмо, по глазам видно.

– Нет, я о Дживсе. Как он передаст Полине письмо, не представляю.

– Забыл тебе сказать: Стоукер сманивает Дживса к себе на службу, предложил ему бросить меня. Сначала я взбесился от такой наглости, а сейчас думаю: великолепно, пусть Дживс у него служит.

Смысл тактической уловки был яснее ясного.

– Ну конечно! Встав под знамена Стоукера, он получит полную свободу передвижений.

– Разумеется.

– Отнесет твоё письмо ей, а её ответ тебе, ты ей снова напишешь, она тебе ответит, ты опять письмо, она – ответ, ты...

– Да, да, ты уловил суть. И в ходе этой переписки мы раз-

работаем план, как нам встретиться. Слушай, ты не в курсе, сколько нужно ухлопать времени на свадебные формальности?

– Понятия не имею. Но если ты раздобудешь у архиепископа разрешение венчаться без церковного оглашения, можно повернуть все в два счета.

– Раздобуду я это разрешение. Сколько угодно таких разрешений раздобуду. Слава богу, гора с плеч. Я будто заново родился. Побегу, надо поскорее рассказать все Дживсу. Вечером он уже сможет быть на яхте.

И вдруг умолк. Опять стал мрачнее тучи, в глазах зажглось прежнее подозрение.

– Слушай, а она в самом деле любит меня?

– О, черт, ведь она сама тебе это сказала.

– Сказать-то сказала. Но разве можно верить женским признаниям?

– Да ты что, опомнись!

– Они все такие насмешницы. Может, она смеялась надо мной.

– Стыдно, Чаффи.

Он горестно задумался.

– Все-таки очень странно, что она позволила тебе поцеловать себя.

– Я застал ее врасплох.

– Могла бы дать тебе по физиономии.

– Зачем? Она чутьем угадала, что я обнимаю ее как брат.

– Хм, как брат?

– Исключительно как брат.

– Ну что ж, может быть, – с сомнением вздохнул Чаффи. –

Берти, а у тебя есть сестры?

– Нет.

– А если б были, ты бы их целовал?

– Беспрерывно.

– М-м-м... ну, не знаю... Может, ты и не врешь.

– Слово чести Вустера, ему-то ты веришь?

– Не особенно. Помню, на втором курсе в Оксфорде ты сказал мировому судье утром после Гребных гонок, что твое имя Юстас Г. Плимзол и что ты живешь в Далидже на Аллин-роуд.

– Тогда был особый случай, требовалась особая гибкость.

– А-а, ну что ж, конечно... да, ты прав... Так, наверно, и надо было сказать. Но ты даешь клятву, что сейчас между тобой и Полиной совершенно ничего нет?

– Клянусь: ничегошеньки. Мы с ней сейчас со смеху помираем, когда говорим о том кратковременном сумасшествии в Нью-Йорке.

– Смеетесь? Я что-то не слышал.

– Мало ли что не слышал.

– Ну ладно... пожалуй... что ж, там видно будет, а пока я пойду писать ей письмо.

И он ушел, а я сел, задрал ноги на каминную доску и стал приходить в себя. Да, денек выдался не из легких, я осно-

вательно подустал. Один только недавний обмен мнениями с Чаффи порядком истрепал нервную систему. Поэтому, когда заглянул Бринкли и пожелал узнать, в котором часу я предполагаю обедать, мысль об одиноком стейке с жареным картофелем здесь, в коттедже, показалась мне малопривлекательной. Мне не сиделось дома, подмывало сбежать.

– Бринкли, я сегодня не буду обедать дома, – сказал я.

Этого преемника Дживса мне прислало лондонское агентство, и будь у меня время съездить туда самому и лично выбрать себе слугу, именно его я никогда бы не выбрал. Если кто не годится в камердинеры, так это он. Унылый, отталкивающий субъект с длинной испитой физиономией в прыщах и с глубоко посаженными мрачными глазками, он с самого начала выказал нежелание поддерживать легкую приятную беседу между хозяином и слугой, к которой я так привык в обществе Дживса. Я с первого дня попытался установить с ним дружеские отношения, но толку никакого. Внешне он был сама почтительность, но в душе только и мечтал о социалистической революции, а Бертрама считал угнетателем и тираном, это было видно невооруженным глазом.

– Да, Бринкли, я сегодня обедаю не дома.

Он ничего не ответил, лишь поглядел на меня таким взглядом, будто примеривался, как будет вешать меня на фонарном столбе.

– У меня был трудный день, хочется ярких огней и вина. И то и другое, насколько мне известно, водится в Бристоле.

Заодно можно будет на какое-нибудь веселое представление попасть, как вы думаете? Ведь Бристоль один из самых модных туристических городов.

Он тихо вздохнул. Горько ему было слышать, что я собираюсь на веселое представление, ведь он жаждал увидеть, как я улепетываю что есть сил по Парк-лейн, а меня настигает толпа с окровавленными ножами.

– Поеду туда на автомобиле. А вас отпускаю на весь вечер.

– Благодарю вас, сэр, – простонал он.

Все, я сдаюсь. Мое терпение лопнуло. Пусть хоть круглые сутки замышляет перерезать всю буржуазию, я ничего не имею против, но, черт меня возьми, почему при этом нельзя приветливо и жизнерадостно улыбаться? Я махнул рукой, что он может идти, а сам направился в гараж и вывел машину.

До Бристоля было миль тридцать, я быстро туда доехал и успел очень приятно пообедать перед театром. Давали музыкальную комедию, я ее несколько раз видел в Лондоне, но и сейчас посмотрел с большим удовольствием, так что домой я отправился бодрый и отдохнувший.

Было уже около полуночи, когда я добрался до своей сельской хижины; я чуть не засыпал на ходу и потому, не теряя времени, зажег свечку и стал подниматься наверх. Помню, открывая дверь спальни, я еще подумал: эх, как же сладко я сейчас засну, хотел плюхнуться в постель, но кто-то вдруг поднялся с нее и сел.

Я выронил свечу, и комната погрузилась в потемки. Однако я все же успел кое-что разглядеть, и разглядеть достаточно ясно.

Хотите знать, кто сидел на моей кровати? Полина Стоукер собственной персоной, в моей лиловой пижаме с золотыми полосками.

Глава VII

Берти принимает гостей

Мужчины по-разному относятся к появлению в их спальне барышень после полуночи. Одним это нравится, другим нет. Лично мне не понравилось. Наверное, это старая добрая пуританская закваска древнего рода Вустеров. Я принял суровый вид и посмотрел на нее с осуждением. Эффект, конечно, нулевой, потому что темнота в спальне хоть глаз выколи.

– Это еще что? Ты здесь зачем? Почему?

– Да не волнуйся ты.

– Ах, не волнуйся?

– Так надо.

– Ах, так надо? – повторил я, не пытаясь скрыть сарказма.

Мне страшно хотелось уязвить ее.

Попытался нашарить на полу свечку и вдруг испуганно вскрикнул.

– Тихо ты!

– Но на полу труп!

– Никакого трупа нет, я бы заметила.

– Говорю тебе, труп. Я искал свечу и наткнулся на что-то холодное, мокрое и неподвижное.

– А, это мой купальный костюм.

– Что? Твой купальный костюм?

– Ты что же думаешь, я прилетела с яхты самолетом?

– Ты добиралась вплавь?

– Ну да.

– Когда приплыла?

– С полчаса назад.

Со свойственным мне трезвым рационализмом я сразу же перешел к сути.

– Зачем? – спросил я.

Спичка вспыхнула, загорелась свеча и слабо осветила кровать. Я снова увидел свою пижаму и, признаюсь вам, невольно залюбовался – очень нарядная вещь. Полина смуглая шатенка с темными глазами, и лиловый цвет ей к лицу. Я и сказал ей об этом, я всегда рад сказать человеку приятное, тем более если это правда.

– Неплохо смотришься в моей одежке.

– Спасибо.

Она задула спичку и с любопытством посмотрела на меня.

– Знаешь, Берти, с тобой надо что-то делать.

– То есть?

– Поместить тебя в какой-нибудь дом.

– А я и нахожусь в доме, – ответил я сухо и довольно находчиво. – В своем собственном. И хотел бы понять, что в нем делаешь ты?

Она по-женски ушла от ответа:

– Объясни мне, пожалуйста, зачем тебе понадобилось целовать меня на глазах у папы? И не вздумай говорить, что

тебя ослепила моя неземная красота. Глупость, беспросветная, непрошибаемая глупость, теперь я понимаю, почему сэр Родерик говорил папе, что тебя надо запереть в психушку. Не понимаю, почему ты до сих пор разгуливаешь на свободе. Наверняка о тебе печется какой-то благодетель.

Мы, Вустеры, за словом в карман не лезем.

– Эпизод, о котором ты упомянула, – холодно отрезал я, – объясняется очень просто. Я принял его за Чаффи.

– Кого принял за Чаффи?

– Твоего папашу.

– Если ты хочешь мне внушить, будто между Мармадюком и моим родителем есть хоть капля сходства, ты просто не в своем уме, – парировала она совсем уж ледяным тоном. Я заключил, что она не слишком восхищается папашинной внешностью, и, по-моему, она совершенно права. – И вообще я не понимаю, что ты такое говоришь.

Я объяснил:

– Цель состояла в том, чтобы Чаффи увидел тебя в моих объятиях, его благородная душа сразу бы вспыхнула, он понял бы, что должен сделать тебе предложение, и как можно скорее, иначе тебя потеряет.

Она смягчилась.

– Неужели ты сам это придумал?

– Конечно, сам. – Я разозлился. – Почему все считают, будто я сам по себе ни на что не способен, только все Дживс да Дживс.

– Берти, какой же ты добрый!

– Да, мы, Вустеры, славимся своей добротой, мы всегда готовы ее проявить, особенно если счастье друга висит на волоске.

– Теперь я понимаю, почему сказала тебе «да» в Нью-Йорке, – произнесла она задумчиво. – Берти, ты такой невероятно милый и пушистый балбес. Не будь я так безумно влюблена в Мармадюка, я бы с удовольствием вышла за тебя.

– Нет-нет, не надо, – испугался я. – И не мечтай. То есть я хотел сказать...

– Да не бойся ты, не выйду я за тебя. Я выйду за Мармадюка. Поэтому я сейчас здесь и нахожусь.

– Ну слава богу. Наконец-то мы вернулись к пункту, который мне чрезвычайно хочется прояснить. Что, черт возьми, все это значит? Ты говоришь, что уплыла с яхты. Свалилась мне на голову, заняла мой коттедж. Почему?

– Как ты не понимаешь, мне надо было где-то спрятаться, пока я не раздобуду одежду. Не идти же в Чаффнел-Холл в купальном костюме.

Я начал понимать ход ее мыслей.

– А, так ты приплыла повидаться с Чаффи?

– Конечно. Отец держал меня на яхте буквально под арестом, а нынче вечером твой слуга Дживс...

Я болезненно поморщился:

– Бывший слуга.

– Бывший так бывший. Так вот, твой бывший слуга Дживс

принес мне письмо от Мармадюка. Ах, если бы ты только знал!

– Что знал?

– Что это было за письмо! Я пролила над ним море слез.

– Сильно написано?

– Нет слов. Столько поэзии.

– Чего-чего?

– Поэзии, говорю.

– Это в письме-то?

– Ну да.

– В письме от Чаффи?

– В чем же еще? Ты вроде бы удивлен?

Как тут не удивиться. Конечно, Чаффи отличный малый, золотая душа, но чтобы писать поэтические письма? Чудеса, да и только. Хотя что ж, ведь, когда мы с ним проводили время вместе, он только и делал, что уписывал слоеный пирог с говядиной и почками да орал на лошадей, чтобы быстрее скакали. В таких обстоятельствах поэтическая сторона натуры не слишком-то проявляется.

– Стало быть, письмо тебя взволновало?

– Еще бы не взволновать. Я поняла, что не могу больше ждать ни дня, надо как можно скорее увидеться с ним. Помнишь стихотворение о деве, тоскующей в слезах о своем любовнике-демонае?

– Ну нет, тут я пас. Это Дживс знает.

– Так вот, именно эти чувства возникли в моей душе. И уж

коль ты вспомнил Дживса – ах, какой удивительный человек!
Сколько понимания, сочувствия.

– А, так ты все рассказала Дживсу?

– Да. И посвятила в свои планы.

– Он, конечно, не попытался тебя отговорить?

– Отговорить? Наоборот, горячо поддержал.

– Ах вот как, поддержал!

– Видел бы ты его! Какая добрая улыбка. Он сказал, ты с радостью мне поможешь.

– Сказал, с радостью?

– Он необыкновенно хорошо о тебе отзывается.

– Да ну?

– Правда, правда. Он о тебе чрезвычайно высокого мнения. Вот что он говорил, слово в слово: «Может быть, мисс, – сказал он, – мистер Вустер и не семи пядей во лбу, но сердце у него золотое». Это он говорил, когда спускал меня с борта яхты на веревке, причем сначала убедился, что на берегу никого нет. Ты сам понимаешь, нырять ведь было нельзя, все слышали бы всплеск.

Я с досадой кусал губы.

– А что, черт возьми, означает «не семи пядей во лбу»?

– Как – что? Придурковатый.

– Скотина!

– Что ты сказал?

– Я сказал – скотина!

– Но почему?

– Почему?! – Ох и разозлился же я. – А ты бы не назвала своего бывшего слугу скотиной, если бы он рассказывал каждому встречному и поперечному, что ты не семи пядей во лбу...

– Зато у тебя сердце из чистого золота.

– Чихать я хотел на золотое сердце. Тут ведь в чем суть? Мой слуга, мой бывший слуга, к которому я всегда относился не как к прислуге, а как к близкому родственнику, как к родному человеку, трезвонит на всех перекрестках, что бог обидел меня умишком, да еще набивает мою спальню девицами...

– Берти, ты сердишься?

– Ха!

– У тебя сердитый голос. Ничего не понимаю. Я думала, ты обрадуешься, поможешь мне встретиться с человеком, которого я люблю. Столько мне всего наговорили про твое золотое сердце.

– Золотое сердце тут ни при чем. Мало ли на свете людей с золотым сердцем, но никому не понравится, если с ним в спальню глубокой ночью начнут вламываться девицы. Я должен заботиться о своей репутации, ни малейшая тень не должна упасть на мое незапятнанное имя, а тебе все это невдомек, вы с этим бывшим Дживсом напрочь забыли обо мне в ваших дурацких расчетах. О какой репутации может идти речь, когда вы вынуждены развлекать девиц, которые без спросу являются к вам среди ночи как к себе домой, бес-

церемонно обряжаются в ваши лиловые пижамы...

– По-твоему, я должна спать в мокром купальном костюме?

– ... укладываются в вашу постель...

Она издала радостное восклицание.

– Вспомнила, на что эта сцена похожа. Я с самого твоего прихода старалась вспомнить. Сказка о трех медведях! Тебе наверняка рассказывали, когда ты был маленький. «Кто спал в моей кровати?» Это ведь Большой Медведь спросил, верно?

Я с сомнением нахмурился.

– Насколько я помню, речь шла о каше. «Кто ел мою кашу?»

– Там была кровать, я уверена.

– Кровать? Не помню никакой кровати. А вот насчет каши я совершенно... Но мы опять отклонились в сторону. Я говорил, что никто не может упрекнуть всеми уважаемого неженатого молодого человека вроде меня за то, что он неодобрительно относится к барышням в лиловых пижамах, которые забрались к нему в постель...

– Ты же сказал, пижама мне идет.

– Ну идет, ну и что?

– Сказал, я в ней неплохо смотрюсь.

– Да, неплохо, но ты снова пытаешься увильнуть от ответа. Меня волнует...

– Тебя все волнует. Я уже раз десять загибала пальцы.

– Меня волнует одно, и я все пытаюсь довести это до твоего сознания. Излагаю кратко: что скажут люди, когда увидят тебя здесь?

– Никто меня здесь не увидит.

– Ты так думаешь? А Бринкли?

– Это еще кто такой?

– Мой слуга.

– Бывший?

Тьфу, до чего же тупа.

– Нынешний. Завтра в девять утра он принесет мне чай.

– И ты его с удовольствием выпьешь.

– Он принесет чай сюда, в эту комнату. Подойдет к кровати и поставит на столик.

– Это еще зачем?

– Чтобы мне было удобнее взять чашку и пить.

– А, то есть он чай поставит на столик. А ты сказал, что он поставит на столик кровать.

– Никогда я такой глупости не говорил.

– Говорил. Именно так и сказал.

Нет, надо ее как-то урезонить.

– Детка, ну где твой здравый смысл? Бринкли не жонглер, он просто вышколенный камердинер и никогда не осмелится ставить кровати на столы. Да и зачем их вообще ставить? Ему и в голову такое не придет. Он...

Но она не дала мне исчерпать все мои доводы.

– Постой. Ты мне уши прожужжал про этого самого

Бринкли, а на самом деле никакого Бринкли нет.

— Еще как есть. И в девять утра он войдет в эту комнату, увидит тебя, и разразится скандал, который потрясет основы общества.

— Я хотела сказать, его в доме нет.

— Как это нет? Есть.

— Ну, тогда, значит, он глухой. Я устроила такой шум, когда влезала в дом, что перебудила бы сотню камердинеров. Не говорю уж о том, что разбила окно со двора...

— Ты разбила окно со двора?

— А что мне оставалось, иначе я не попала бы в дом. Окно на первом этаже, там вроде бы спальня.

— Ах ты черт, это как раз комната Бринкли.

— Какая разница, его все равно там не было.

— Как это не было? Я отпустил его на вечер, а не на всю ночь.

— Берти, я все поняла. Он загулял и еще долго не вернется. Один папин лакей преподнес нам точно такой же сюрприз. Ему дали свободный вечер, он ушел из нашей нью-йоркской квартиры на Шестьдесят седьмой улице четвертого апреля в велюровом котелке, серых перчатках и клетчатом костюме, и только десятого апреля мы получили от него телеграмму из Портленда, штат Орегон, он сообщал, что проспал и скоро будет. Вот и с твоим Бринкли случилось что-то в этом духе.

Должен признаться, от этого предположения мне сильно полегчало.

– Будем надеяться, – сказал я. – Если он и в самом деле задумал утопить свое горе в вине, ему понадобится не одна неделя.

– Вот видишь, а ты устроил столько шума из ничего. Я всегда говорила...

Но я не удостоился чести узнать, что она всегда говорила, потому что она вдруг громко взвизгнула.

Кто-то барабанил в парадную дверь.

Глава VIII

Полиция бдит

Мы уставились друг на друга в немом изумлении, но, естественно, не на пустынных берегах Тихого океана, а в спальне деревенского коттеджа в Чаффнел-Риджисе. От такого сумасшедшего стука в тиши мирной летней ночи у любого слово замрет на устах. И что особенно неприятно лично для нас, оба мы мгновенно пришли к одному и тому же леденящему кровь выводу.

– Это отец! – пискнула Полина и щелчком потушила свечу.

– Это еще зачем? – Я здорово разозлился, в неожиданно наступившей темноте дело как будто приняло еще более скверный оборот.

– Как зачем? Чтобы он не увидел в окошке свет. А так подумает, что ты спишь, может быть, и уйдет.

– Как же, надейся! – съязвил я, потому что утихший было на минуту стук возобновился с еще большей настойчивостью.

– По-моему, тебе стоит спуститься вниз, – неуверенно прошептала Полина. – Или знаешь что... – Голос ее повеселел. – Давай лучше обольем его водой из окна на лестнице.

Я вздрогнул как ужаленный. Она это с таким восторгом произнесла, будто ее осенила гениальнейшая из идей, и я

вдруг понял, какая это непростая миссия – принимать у себя в гостях барышню столь упрямую и своевольную. Вспомнилось все, что я слышал о безрассудстве нынешнего молодого поколения.

– Не вздумай! – горячо зашептал я. – Выкинь эту глупость из головы и никогда не вспоминай!

Я ведь что хочу сказать: Дж. Уошберн Стоукер, рыщущий в поисках блудной дочери в сухом платье, далеко не подарок. Но Дж. Уошберн Стоукер в повышенном градусе бешенства после обливания кувшином H_2O – нет, об этом лучше не думать. Видит бог, мне совсем не улыбалось тащиться вниз и приветствовать ночного гостя, но если в качестве альтернативного варианта позволить возлюбленной дочери облить папашу с головы до ног и потом смотреть, как он рушит стены коттеджа голыми руками, то уж лучше поскорее его впустить.

– Придется ему открыть, – сказал я.

– Смотри, будь осторожен.

– Что значит – осторожен?

– Ну, просто осторожен, и все. Может быть, он все-таки не захватил ружья.

Я стал судорожно глотать какой-то комок.

– Постарайся поточнее определить шансы за ружье и против.

Она призадумалась.

– Надо бы вспомнить, южанин папа или нет.

– Что-что?

– Я знаю, что он родился в городишке под названием Картервилл, но вот в штате Кентукки находится этот Картервилл или в Массачусетсе – забыла.

– Господи, да какая разница?

– Очень даже большая. Если фамильная честь южанина опозорена, он будет стрелять.

– Думаешь, если твой отец узнает, что ты здесь, он сочтет свою фамильную честь опозоренной?

– Не сомневаюсь.

Я не мог с ней не согласиться. Действительно, вот так, с ходу, не вдаваясь в тонкости, я подумал, что в глазах строгого ревнителя морали нанесение оскорбления фамильной чести, бесспорно, имело место, однако серьезно углубиться в тему было недосуг, потому что в дверь заколотили с удвоенным напором.

– Ладно, – сказал я, – не важно, где твой папаша родился, пропади он пропадом, все равно мне надо идти и объясняться с ним, не то дверь в щепы разнесет.

– Постарайся не подходить к нему близко.

– Постараюсь.

– В молодости он был чемпионом по вольной борьбе.

– Не желаю больше ничего слышать про твоего папашу.

– Я просто хотела сказать, чтобы ты не попался ему в лапы. Где мне спрятаться?

– Нигде.

– Почему?

– Потому что не знаю, – сухо отозвался я. – В этих деревенских коттеджах почему-то нет ни тайников, ни подземных ходов. Когда услышишь, что я открыл дверь, перестань дышать.

– Хочешь, чтобы я задохнулась?

Это она отлично придумала – задохнуться, хотя, разумеется, ни один представитель славного рода Вустеров вслух такую мысль не выскажет. Удержавшись от ответа, я побежал вниз и распахнул парадную дверь. Ну, не то чтобы распахнул, а так, приоткрыл немножко, да еще с цепочки не снял.

– В чем дело? – спросил я.

И какое невыразимое облегчение я испытал в следующий миг, услышав:

– Прохладаться изволите, молодой человек? Вы что, оглохли? Почему не открываете?

Голос, который произнес эти слова, никак нельзя было назвать приятным, он был хрипловатый, даже грубый. Если бы он принадлежал мне, я бы серьезно задумался, не вырезать ли аденоиды в носу. Но у голоса было одно великое и неоспоримое достоинство, за которое я простил ему все недостатки: он не принадлежал Дж. Уошберну Стоукеру.

– Прошу прощения, – ответил я. – Задумался, знаете ли. Вроде как даже мечтал.

Голос снова заговорил, только теперь он звучал куда более учтиво:

– Пожалуйста, извините меня, сэр. Я принял вас за вашего слугу Бринкли.

– Бринкли отсутствует, – объяснил я, а сам подумал: вот скотина, пусть только вернется, он мне ответит за ночные визиты своих дружков. – А вы кто?

– Сержант Ваулз, сэр.

Я открыл дверь пошире. На дворе было довольно темно, но я без труда узнал стража Закона. Своими пропорциями сержант Ваулз напоминал Альберт-Холл: почти правильный шар в середине и что-то незначительное сверху. Мне всегда казалось, что природа задумала сотворить двух сержантов полиции, но почему-то забыла их разделить.

– А, сержант! – отозвался я. Эдак весело, беззаботно, пусть думает: ничто не отягощает черепушку Бертрама, разве что шевелюра. – Чем могу быть полезен, сержант?

Глаза понемногу привыкли к темноте, и я различил на обочине несколько небезынтересных объектов. Главным из них был еще один полицейский, но уже длинный и тощий.

– Это мой племянник, сэр. Констебль Добсон.

Мне, знаете ли, было не до братания с жителями деревни, этот сержант, уж если он непременно захотел представить мне всю свою семью и начать дружить домами, мог бы выбрать другое время, но я все же вежливо наклонил голову в сторону констебля и дружелюбно бросил: «Привет, Добсон». Кажется, если я ничего не перепутал, даже что-то сказал по поводу прекрасной ночи.

Однако выяснилось, что пришли они не для приятной беседы, какую в прежние времена вели в салонах.

– Вам известно, сэр, что одно из окон вашей резиденции разбито? Это обнаружил мой племянник и счел необходимым разбудить меня, чтобы я провел расследование. Окно на первом этаже, сэр, выходит во двор, стекло в одной створке целиком отсутствует.

Я про себя усмехнулся.

– Ах, окно. Это его Бринкли днем разбил, такой нескладный малый.

– Так вы знали об этом, сэр?

– Знал, конечно. Еще бы не знать. Так что не волнуйтесь, сержант.

– Вам, конечно, виднее, сэр, стоит или не стоит по этому поводу волноваться, но, на мой взгляд, есть опасность, что в дом могут проникнуть грабители.

Тут в разговор вмешался констебль, который до сей минуты молчал как истукан.

– Грабитель уже вошел в дом, дядя Тед, я его видел.

– Как? Почему же ты мне раньше не сказал, дурья башка? И не называй меня «дядя Тед», когда мы при исполнении.

– Ладно, дядя Тед, не буду.

– Позвольте нам обыскать дом, сэр, – сказал сержант Вулз.

Но я немедленно наложил на это поползновение свое президентское вето.

– Ни в коем случае, сержант, – отрезал я. – Совершенно исключено.

– Но так будет гораздо разумнее, сэр.

– Весьма сожалею, но никакого обыска.

Он расстроился и обиделся.

– Конечно, сэр, как вам будет угодно, однако вы оказываете противодействие законным действиям полиции, именно так это называется. Сейчас все, кому не лень, противодействуют законным действиям полиции. Вчера в «Мейл» была статья. Может, читали?

– Нет.

– Это в разделе очерков. Не противодействуйте законным действиям полиции, говорится в ней, общественное мнение Англии серьезно обеспокоено неуклонным ростом преступности в малонаселенных сельских районах. Я вырезал статью и хочу вклеить в свой альбом. Если в 1929 году число административных правонарушений выражалось цифрой 134 581, то в 1930-м оно выросло до 147 031, причем отмечается значительное увеличение тяжких преступлений – до семи процентов, и что же, спрашивает автор, чем объяснить это тревожное положение в стране, может быть, недобросовестной работой полиции? Нет, отвечает он, нет и нет. Законные действия нашей полиции постоянно встречают противодействие.

Видно было, что бедняга оскорблен в своих лучших чувствах. Н-да, нескладно получилось.

– Я все понимаю, сержант, – сказал я.

– Может быть, и понимаете, сэр, не спорю, но еще лучше поймете, когда подниметесь к себе в спальню и грабитель перережет вам горло.

– Господь с вами, дорогой сержант, с чего такие страсти, – сказал я. – Поверьте, мне ничего не грозит. Я только что спустился сверху и уверяю вас, ни одного грабителя там нет.

– Возможно, затаились, сэр.

– Выжидают подходящей минуты, – предположил констебль Добсон.

Сержант Ваулз тяжело вздохнул:

– Мне очень не хочется, сэр, чтобы с вами случилось что-то нехорошее, ведь вы близкий друг его светлости. Но вы проявляете такое упорство...

– Да разве может случиться что-то дурное в таком замечательном месте, как Чаффнел-Риджис?

– Напрасно вы так в этом уверены, сэр. Чаффнел-Риджис уже не тот, что прежде. Мог ли я когда-нибудь думать, что заgrimированные под негров музыкантишки будут петь свои дурацкие песни и смешить публику чуть не под самыми окнами полицейского участка.

– Вы относитесь к ним с недоверием?

– Начали пропадать куры, – мрачно продолжал сержант. – Несколько птиц исчезло. И я кое-кого подозреваю, да-с. Что ж, констебль, идемте. Если нашим расследованиям оказывают противодействие, нам здесь делать нечего. Доброй ночи,

сэр.

– Доброй ночи.

Я закрыл дверь и в три прыжка наверх, в спальню. Полина сидела на кровати и сгорала от любопытства.

– Кто это был?

– Местная полиция.

– Зачем?

– Судя по всему, они видели, как ты влезала в окно.

– Ах, Берти, у тебя из-за меня сплошные неприятности.

– Ну что ты, я просто счастлив. Ладно, пора мне смытаться.

– Ты уходишь?

– В сложившихся обстоятельствах я вряд ли сочту возможным ночевать в доме, – чопорно объяснил я. – Потопаю в гараж.

– Неужели внизу нет какой-нибудь кушетки?

– Есть. Еще из Ноева ковчега. Старик сам ее и выгрузил на вершине Арарата. Уж лучше я в автомобиле устроюсь.

– Ой, Берти, ты в самом деле терпишь из-за меня такие неудобства.

Я капельку смягчился. В конце концов, не виновата же бедная девица в том, что случилось. Как заметил нынче вечером Чаффи, главное в жизни – любовь.

– Ладно, старушенция, не огорчайся. Если надо помочь двум любящим сердцам, мы, Вустеры, готовы мириться с любыми неудобствами. А ты укладывайся на бочок и баиньки.

За меня не беспокойся.

Я изобразил лучезарную улыбочку и поскорей из спальни, потом неслышно вниз, otvorил парадную дверь в сад, где всю благоухала ночь, однако не отошел я и десяти шагов от дома, как на плечо мне опустилась тяжелая рука. Я вздрогнул – больно же, черт, ну и испугался, конечно, а какая-то тень рывкнула:

– Попался!

– Пустите! – крикнул я.

Тень оказалась констеблем Добсоном из полицейского участка Чаффнел-Риджиса. Он кинулся извиняться:

– Ой, сэр, простите, пожалуйста, сэр. А я думал, это грабитель.

Я заставил себя благодушно хихикнуть – ну прямо молодой сквайр, ободряющий сконфуженную челядь.

– Ладно, констебль, бывает. А я вышел прогуляться.

– Ага, сэр, понимаю. Свежим воздухом подышать?

– В самую точку, констебль. Как вы удивительно тонко подметили, именно подышать свежим воздухом. В доме духотища.

– Это точно, сэр.

– И теснотища.

– И не говорите, сэр. Ну что же, сэр, доброй ночи.

– Доброй ночи, констебль. Тра-ля-ля-ля!

Пережив этот легкий шок, я пошел своей дорогой. Дверь гаража у меня оставалась открытой, и сейчас я ошущую про-

брался к своему автомобилю, радуясь, что наконец-то я снова один. Возможно, в другом настроении я счел бы констебля Добсона приятным и интересным собеседником, но мне нынче вечером было приятнее его отсутствие. Я влез в свой двухместный «Уиджен», откинулся на спинку – ну вот, сейчас-то я наконец засну.

Не знаю, удалось ли бы мне проспать ночь сладким, безмятежным сном, если бы мне больше никто не мешал, это вопрос спорный. Что касается двухместных автомобилей, я всегда считал свой достаточно комфортабельным, но ведь мне ни разу не приходилось в нем ночевать, и вы не поверите, какое множество разнообразных выпуклостей вдруг вылезает из его обивки, как только вы попытаетесь превратить его сиденье в ложе.

Однако меня лишили возможности провести объективную проверку, так уж случилось. Я пересчитал всего каких-нибудь полтора стада овец, как в лицо мне ударил свет фонаря и чей-то голос приказал выйти из автомобиля.

Я сел.

– А, сержант! – сказал я.

Еще одна неловкая встреча. Обе стороны в замешательстве.

– Это вы, сэр?

– Я.

– Простите, сэр, что потревожил вас.

– Ничего.

- Вот уж никак не думал, сэр, что это вы, сэр.
- Решил вздремнуть в своем авто, сержант.
- Понимаю, сэр.
- Ночь такая теплая.
- Это да, сэр.

Говорил сержант почтительно, однако я не мог отделаться от подозрения, что он слегка насторожился. Что-то в его манере навело меня на мысль, что он считает Бертрама малым с причудами.

- В доме душно.
- Душно, сэр?
- Я летом часто сплю по ночам в машине.
- Вот как, сэр?
- Доброй ночи, сержант.
- Доброй ночи, сэр.

Вы сами знаете, что бывает, если спугнуть первый сон: теперь вы нипочем не заснете. Я снова свернулся на сиденье калачиком, но было ясно, что о сне лучше забыть. Я пересчитал овец еще в пяти довольно больших стадах, но без малейшего толку. Ладно, попробуем что-нибудь другое.

Я не очень основательно исследовал мои владения, но однажды утром неожиданно начавшийся ливень загнал меня в какой-то сарай в юго-западной части поместья, там наемный садовник хранит свой инвентарь, цветочные горшки и много чего еще, и, если память мне не изменяет, на полу там лежала груда мешков.

Возможно, вы скажете, что не все человечество представляет себе постель в виде груды мешков, и будете совершенно правы. Но, промаявшись полчаса на сиденье спортивного авто, вы обрадуетесь и мешкам. Да, бокам на них жестковато, к тому же они здорово пахнут мышами и въевшейся землей, зато они обладают одним неоспоримым преимуществом: на них можно вытянуться во всю длину. А именно этого мне сейчас хотелось больше всего на свете.

От рогожи, на которой я через две минуты растянулся, кроме плесени и мышей, пахло еще и садовником, и в первую минуту я испугался, не крепковат ли букет. Однако довольно скоро к нему привыхался и даже стал находить запахи не лишенными приятности. Помню, я вдыхал их полной грудью, в общем-то даже упивался ими. Примерно через полчаса ко мне начала подкрадываться сладкая дремота.

Но ровно через пять минут дверь распахнулась, и старый знакомец фонарь снова ударил в лицо.

– А! – воскликнул сержант Ваулз.

Констебль Добсон издал в точности такой же возглас.

Нет, черт возьми, пора поставить этих полицейских ищек на место. Я понимаю, что нельзя оказывать противодействие законным действиям полиции, но если полиция всю ночь напролет рыщет по вашему парку и будит вас всякий раз, едва вы начинаете задремывать, этой полиции, будь я неладен, непременно следует оказывать противодействие.

– Ну? – грозно спросил я, совсем как аристократ былых

времен. – Что на сей раз?

Констебль Добсон, в восторге от самого себя, залопотал, как он заметил меня в темноте, я куда-то крался, а он бросился выслеживать меня, как леопард, сержант же Ваулз, который не любил, чтобы племянники выскакивали вперед, утверждал, что обнаружил меня первым и тоже выслеживал, как леопард, ничуть не хуже констебля Добсона, однако, выплеснув свой взволнованный рассказ, оба вдруг неожиданно умолкли.

– Так это опять вы, сэр? – спросил сержант с некоторым ужасом в голосе.

– Да, черт возьми, я! Что означает эта травля, позвольте спросить? Спать в таких условиях решительно невозможно.

– Простите, сэр, пожалуйста, простите. Разве могло мне прийти в голову, что это вы?

– А что, собственно, в этом такого?

– Помилуйте, сэр, чтобы вы спали в сарае...

– Вы не станете отрицать, что сарай принадлежит мне?

– Конечно, нет, сэр. Но это как-то странно.

– Не вижу ничего странного.

– Дядя Тед хотел сказать «чудно», сэр.

– Не твое дело, что хотел сказать дядя Тед. И перестань называть меня дядей Тедом. Нам показалось, сэр, что это как-то необычно.

– Не разделяю вашего мнения, сержант, – жестко отрезал я. – Я имею полное право спать, где мне заблагорассудится,

вы согласны?

– Согласен, сэр.

– То-то же. Например, в угольном подвале. Или на крыльце своего дома. Сейчас я выбрал сарай. И буду очень вам благодарен, сержант, если вы удалитесь. Эдак мне и до расвета не заснуть.

– Вы предполагаете провести здесь всю ночь, сэр?

– Конечно. Есть возражения?

Припер-таки я его к стенке. Он растерялся.

– Нет, отчего же, сэр, какие могут быть возражения, если вам так хочется. И все-таки это как-то...

– Странно, – не выдержал сержант Добсон.

– Непонятно, – сказал сержант Ваулз. – Совершенно непонятно, сэр, почему вы, сэр, при наличии собственной кровати, если можно так выразиться...

Нет, черт возьми, с меня довольно.

– Я ненавижу кровати, – отрубил я. – Видеть их не могу. С детства.

– Понятно, сэр. – Он помолчал. – Удивительно теплая нынче ночь, сэр.

– Да, удивительно.

– Мой племянник сегодня чуть не получил солнечный удар. Верно, констебль?

– Это как это? – удивился констебль Добсон.

– Сделался такой чудной.

– Неужели?

– Да, сэр. Вроде как размягчение мозгов случилось.

Надо втолковать этому идиоту, не прибегая к излишне резким выражениям, что час ночи – не самое подходящее время обсуждать размягчение мозгов у его племянника.

– Вы расскажете мне о состоянии здоровья всех ваших родственников как-нибудь в другой раз, – сказал я. – Сейчас я хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Хорошо, сэр. Доброй ночи, сэр.

– Доброй ночи, сержант.

– Позвольте задать вам вопрос, сэр, у вас нет такого ощущения, будто стучит в висках?

– Что вы сказали?

– В ушах не звенит, сэр?

– Да, вроде бы начинает звенеть.

– Ага! Ну что ж, сэр, еще раз доброй вам ночи.

– Доброй ночи, сержант.

– Доброй ночи, сэр.

– Доброй ночи, констебль.

– Доброй ночи, сэр.

Дверь тихо закрыли. Минуты две, я слышал, они шептались, будто две знаменитости, приглашенные на консилиум к больному. Потом вроде бы ушли, потому что все стихло, только волны плескались у берега. И честное слово, они плескались так мирно, размеренно, что у меня стали слипаться глаза, и через десять минут после того, как я с отчаянием понял, что теперь никогда в жизни мне уже не заснуть,

я спал сладким сном младенца.

Но, как вы сами понимаете, сон мой длился недолго – ведь я был в Чаффнел-Риджисе, а этот городишко бьет в Англии рекорд по числу любителей совать нос в чужие дела на квадратный фут. Уже через минуту кто-то тряс меня за руку.

Я сел. Привет, старый знакомец фонарь.

– Какого черта... – начал я с большим чувством, но слова замерли у меня на губах.

Знаете, кто тряс меня за руку? Чаффи.

Глава IX

Свидание влюбленных

Бертрам Вустер в любое время дня и ночи рад встрече с друзьями, у него всегда готова для них приветливая улыбка и острое словцо. С одной, впрочем, небольшой поправкой: условия должны благоприятствовать встрече. Нынешние условия встрече не благоприятствовали. Вряд ли вы кинетесь скакать с щенячьей радостью вокруг бывшего одноклассника, неожиданно-негаданно появившегося в непосредственной близости от вас, если в это самое время его невеста поживает младенческим сном в вашей постели, облачившись в вашу любимую лиловую пижаму.

Поэтому остроумной шутки не последовало. Я даже приветливой улыбки изобразить не смог. Я просто сидел, уставившись на него, пытался сообразить, как он здесь оказался, долго ли намерен пробыть и сколько шансов из ста, что Полина Стоукер вдруг не высунет из окна голову и не закричит: «Ай, в доме мышь, Берти, иди скорей и прогони ее!»

Чаффи склонился ко мне, точно врач к тяжелобольному. На заднем плане взмахивал крыльями сержант Ваулз, готовый оказать помощь, точно опытный медбрат. Куда девался констебль Добсон, не знаю. Неужто помер? Вот было бы смешу. Но нет, надо думать, он продолжает свой ночной дозор.

– Пожалуйста, Берти, не волнуйся, – уговаривал меня

Чаффи. – Ну что ты, дружище, это же я.

– Я нашел его светлость на берегу, возле пристани, – пояснил сержант.

Я здорово разозлился. Ну конечно, все разыгралось как по-писаному. Как вы думаете, что будет делать влюбленный такого масштаба, как Чаффи, если его разлучат с дамой сердца? Пропустит стаканчик и на боковую? Да никогда в жизни! Он придет к ее дому и будет стоять под окнами. А если дама на яхте и яхта стоит в заливе на рейде, тогда, конечно, нужно как угорелому метаться по берегу. Все это, без сомнения, прекрасно, но в нынешних обстоятельствах жутко некстати, и это еще если подбирать деликатные выражения. А злился я потому, что сообразил: явись он на место своих воздыханий чуть раньше, встретил бы свою красавицу, когда она вылезала на берег, и не было бы сейчас этой дурацкой путаницы.

– Берти, сержант за тебя беспокоится. Ему показалось, ты как-то странно себя ведешь. И он привел меня к тебе. Очень правильно сделали, Ваулз.

– Спасибо, милорд.

– Разумный, здравый поступок.

– Спасибо, милорд.

– Что мудро, то мудро.

– Спасибо, милорд.

Меня начало тошнить от них.

– Стало быть, Берти, у тебя солнечный удар?

– Никакого солнечного удара у меня нет, черт вас всех

ВОЗЬМИ.

– Мне Ваулз сказал.

– Твой Ваулз – идиот.

Сержант обиделся:

– Прошу прощения, сэр, но вы мне сами сказали, что у вас в ушах звенит, я и заключил, что у вас размягчение мозгов.

– Верно. Ты, старина, слегка не в себе, так ведь? – ласково говорил Чаффи. – Иначе бы не улегся здесь спать, согласен?

– А почему я не могу здесь спать?

Чаффи и сержант переглянулись.

– Но ведь у тебя есть спальня, дружище. Прекрасная, замечательная спальня, сам подумай. Там тебе было бы гораздо удобней.

Мы, Вустеры, быстро соображаем, что к чему. Я понял, что надо достаточно убедительно объяснить мое переселение сюда.

– У меня в спальне паук.

– Как ты сказал – паук? Красный?

– Скорее розовый.

– С длинными ногами?

– Да, ноги довольно длинные.

– И конечно, волосатый?

– Еще какой волосатый.

Свет фонаря освещал физиономию Чаффи, и тут я заметил, что его выражение изменилось. Только что передо мной был чуткий, добрый доктор Чаффнел, встревоженный тяже-

лым состоянием больного, к которому его вызвали среди ночи, и вдруг он гнусно ухмыляется, встает, отводит сержанта Ваулза в сторону и выносит диагноз, из которого явствует, что он истолковал случившееся в искаженном свете.

– Не волнуйтесь, сержант, ничего страшного. Он просто надрался как свинья.

Наверное, ему казалось, что он тактично понизил голос, но я отлично слышал каждое слово, равно как и ответ сержанта:

– Да что вы говорите, милорд!

По его голосу можно было сразу определить, что это говорит именно сержант полиции, до которого наконец-то дошло.

– В том-то все и дело. Ничего не соображает. Обратили внимание, какой у него пустой взгляд?

– Да, милорд.

– Я его не раз таким видел. Как-то после ужина гребцов в Оксфорде он вбил себе в башку, что он – русалка, и все норовил нырнуть в университетский фонтан и играть там на арфе.

– Молодость, молодость, – снисходительно заметил сержант, проявляя широту взглядов.

– Надо отнести его в постель.

Я в ужасе вскочил и задрожал.

– Не хочу ни в какую постель!

Чаффи умиротворяюще похлопал меня по плечу:

– Ничего, Берти, все обойдется. Мы понимаем. Ясное дело, ты испугался. Огромный страшный паук. Любой испугался бы. Но больше бояться не надо. Мы с Ваулзом поднимемся к тебе в комнату и убьем его. Ваулз, вы ведь не боитесь пауков?

– Нет, милорд.

– Слышишь, Берти? Ваулз тебя защитит. Сколько пауков вы когда-то убили в Индии? Помнится, вы рассказывали.

– Девяносто шесть, милорд.

– И ведь крупные были, да?

– Огромные, милорд.

– Ну вот видишь, Берти. Чего тут бояться? Подхватите его под руку, сержант. А я подхватчу с этой стороны. Ты сиди спокойно, Берти, мы тебя поднимем.

Вспоминая эту сцену, я думаю, что наверняка в этом месте совершил ошибку. Возможно, стоило сказать им пару ласковых, но вы ведь сами знаете, когда особенно нужно сказать пару ласковых, эти ласковые как раз и не находятся. Сержант клещами сжал мою левую руку, и все мысли улетучились. И потому, не найдя слов, я пхнул его в пузо и вырвался на свободу.

Однако в темном сарае, забитом всяким садовым хламом, на такой скорости далеко не убежишь. Можно на что угодно налететь и грохнуться. Я и налетел на лейку и упал, отворачивательно шмякнувшись об пол головой, а когда сознание вновь забрезжило, обнаружилось, что меня несут сквозь лет-

нюю ночь по направлению к коттеджу, Чаффи обхватил подмышки, сержант Ваулз держит ноги. И в таком вот тесном единении мы прошествовали сквозь парадный вход и поднялись по лестнице. В общем-то нельзя сказать, чтобы они меня волокли, однако положение, в котором я находился, вполне могло ранить самолюбие.

Мне, впрочем, сейчас было не до самолюбия. Мы приближались к спальне, и я представлял себе, какая разразится катастрофа, когда Чаффи откроет дверь и увидит, что там внутри.

– Чаффи, – сказал я, и сказал очень серьезно, – ты в эту комнату не входи.

Но кто поймет, серьезно вы говорите или не серьезно, если голова у вас болтается чуть не у самого пола, а язык провалился в гортань. Словом, я издал какое-то бульканье, и Чаффи истолковал его совсем в другом смысле.

– Да, да, понимаю, – сказал он. – Ты уж чуть-чуть потерпи. Сейчас мы уложим тебя в постельку.

Я счел его манеру оскорбительной и хотел ему об этом заявить, но вдруг от изумления и вовсе лишился дара речи – в прямом, а не переносном смысле слова. Носильщики неожиданно вскинули меня и бросили на кровать, где оказались лишь одеяло и подушка. Барышня в лиловой пижаме испарилась.

Я лежал и раздумывал. Чаффи нашел свечу и засветил ее, теперь можно было и осмотреться.

Полина Стоукер исчезла без следа, и тьма, как необъятная могила, уже любимый облик поглотила, как выразился однажды Дживс.

Странно, до чертиков странно.

Чаффи прощался со своим помощником:

- Спасибо, сержант. Теперь я сам справлюсь.
- Смотрите, милорд, а то я останусь.
- Нет-нет, не надо. Он сейчас, по обыкновению, заснет.
- Тогда я и в самом деле пойду, милорд. Поздновато уже.
- Да, конечно, ступайте. Доброй ночи.
- Доброй ночи, милорд.

И он затопал по лестнице с таким грохотом, как будто спускался не один сержант, а целый десяток. Чаффи же принялся стаскивать с меня штиблеты, прямо как мать со спящего ребенка, и при этом приговаривал:

– Вот так, Берти, вот так, глупенький, теперь ложись поудобней, глазки закрой и баиньки.

Я уж и не знаю, стоило мне тогда высказать свое мнение относительно нестерпимо снисходительного тона, каким он сюсюкал надо мной, называя глупеньким, или не стоило.

Конечно, язык чесался съязвить, но я понимал, что одной ехидной репликой его не прошибешь, нужно что-то поосновательней, и пока я формулировал в уме сокрушительный набор разоблачений, дверь чулана в коридоре возле спальни отворилась, и из нее выпорхнула на свет божий Полина Стоукер, беспечная, как птичка. Мало сказать беспечная, она,

судя по всему, от души веселилась.

– Ну и ночка выдалась! – со смехом сказала она. – Просто чудом пронесло. А кто это был, Берти? Я слышала, как они уходили.

И вдруг она увидела Чаффи, ойкнула, взвизгнула, и глаза засияли светом любви, как будто кто-то повернул выключатель.

– Мармадюк! – вскричала она и замерла, в изумлении распахнув глаза.

Если она удивилась, то что говорить о бедном моем школьном приятеле, он при виде ее просто глаза вытаращил, причем не фигурально, а в буквальном смысле слова. Повидал я на своем веку, как люди удивляются, много было всякой интересной мимики, но такой выразительности, как Чаффи, никто не достиг. Брови взлетели вверх, челюсть отвалилась, глаза выскочили из орбит дюйма на два. При этом он пытался что-то произнести, но вместо речи получалось нечто совсем уж позорное – резкие сиплые всхлипы, какие вы слышите по радио, когда слишком быстро крутите ручку настройки, ну разве что немного тише.

Полина между тем двинулась к нему – воплощенное счастье при встрече с любовником-демоном, и сердце Бертрама кольнула жалость к бедняжке. Понимаете, любому стороннему наблюдателю, как, например, я, было, увы, слишком ясно, что она совсем не так все поняла. Для меня-то Чаффи открытая книга, я видел, как фатально она заблуждается в трак-

товке причины его нынешнего волнения. Производимые им странные звуки, которые казались ей любовным призывом, я диагностировал как гневный, негодующий рык мужчины, который застал свою невесту на чужой территории в лиловой пижаме и ранен в самое сердце, уязвлен в лучших чувствах и страдает, как от зубной боли.

А она, святая простота, на седьмом небе от счастья, что видит его, она и подумать не могла, что он сейчас, в эту минуту, способен испытывать при виде ее какие-то иные чувства, кроме столь же самозабвенной радости. И потому, когда он сделал шаг назад и с саркастическим смехом скрестил руки на груди, она отпрянула, как будто он ткнул ей в глаз спичкой. Свет в лице погас, на нем появились растерянность и боль, словно танцовщица-босоножка, исполняющая Танец Семи Покрывал, вдруг наступила на кнопку.

– Мармадюк!

Чаффи снова издал свой саркастический смех.

– Ты! – произнес он, обретя наконец дар речи – если это можно назвать речью.

– Что случилось? Почему ты так смотришь?

Я понял, что пора мне вмешаться. Когда Полина появилась из чулана, я встал с постели и начал потихоньку продвигаться к двери с оформленной лишь в общих чертах идеей рвануть в открытые, широкие пространства. И все же я остался, отчасти потому, что недостойно носящему имя Вустера бежать при таких обстоятельствах, отчасти потому, что

был без ботинок. И вот я выступил на сцену и произнес мудрые слова:

– Чаффи, дружище, не нужно задавать никаких вопросов, не нужно сомневаться, ты должен просто несокрушимо верить. Поэт Теннисон...

– Заткнись, – прошипел Чаффи. – Тебя я вообще слушать не желаю.

– Воля твоя, – ответил я. – И все равно: благородная норманнская кровь хорошо, но истинное нерассуждающее доверие лучше, никуда от этого не денешься.

Лицо Полины выразило недоумение.

– Истинное нерассуждающее доверие? Зачем?.. Ой! – вдруг вскрикнула она и умолкла. Я заметил, что на ее щеках вспыхнул густой румянец. – А-а! – снова вырвалось у нее.

Ее щеки запылали еще ярче. Но теперь их заливал не румянец смущения, о нет. Первый взглас «Ой!» вырвался у нее, когда она заметила, что на ней пижама, и вдруг осознала двусмысленность своего положения. Второй взглас прозвучал совсем по-другому. Это был вопль разъяренной тигрицы.

Вы, конечно, сами все понимаете. Пылкая, отважная девушка преодолевает множество преград, чтобы увидеться с любимым человеком, прыгает с яхт, плавает в ледяной воде, влезает тайком в коттедж, облачается в чужие пижамы, и вот теперь, когда полное опасностей путешествие позади и она ждет от своего избранника нежной улыбки и слов любви, он

встречает ее насуспенной физиономией, кривой усмешкой и подозрением в глазах, – словом, мордой об стол, именно так это и называется. Естественно, она немного расстроена.

– А-а-а! – воскликнула она в третий раз и слегка щелкнула зубами – нужно сказать, очень неприятно. – Так, значит, ты вот что подумал?

Чаффи сердито тряхнул головой:

– Ничего я не думал.

– Думал.

– Не думал.

– Еще как думал.

– Ничего такого я и не думал думать, – протестовал Чаффи. – Я знаю, что Берти...

– ...вел себя безупречно от начала до конца, – подсказал я.

– ... спал в сарае садовника, – закончил свою мысль Чаффи, и должен признаться, его версия прозвучала куда более прозаично, чем моя. – Но не в этом дело. Важно другое: несмотря на то что ты помолвлена со мной и притворялась сегодня после обеда, что безумно этому рада, на самом деле ты все еще без памяти влюблена в Берти и не можешь прожить без него ни минуты, увы, это печальный факт. Ты думаешь, я не знал о вашей с ним помолвке в Нью-Йорке, а я, оказывается, знаю. Нет, я не жалею, – говорил Чаффи с видом святого Себастьяна, в которого вонзилась пятнадцатая или шестнадцатая стрела. – Ты имеешь полное право любить кого ни вздумается...

Я не удержался и поправил его:

– Кого вздумается, старина.

Из-за Дживса я стал более или менее пуристом и сразу реагировал на просторечные обороты.

– Да замолчи ты!

– Пожалуйста.

– Ты все время суешь свой нос...

– Прости, сожалею. Больше это не повторится.

Чаффи, который все время сверлил меня взглядом с такой злобой, будто вот сейчас возьмет тупой и тяжелый предмет и ахнет по башке, теперь поглядел на Полину с той же злобой и желанием ахнуть по башке чем-то тупым и тяжелым.

– И все равно... – Он запнулся. – Ну вот, из-за тебя забыл, что хотел сказать, – сварливо пожаловался он.

Слово взяла Полина. Лицо ее по-прежнему пылало, глаза ярко сверкали. Точно так же, бывало, сверкали глаза у моей тетки Агаты, когда она готовилась отчитать меня за какой-нибудь воображаемый проступок. От сияющего света любви не осталось и следа.

– Тогда будь любезен выслушать то, что скажу тебе я. Надеюсь, ты не возражаешь, если я тоже приму участие в беседе?

– Ничуть, – сказал Чаффи.

– Конечно, нет, – сказал я.

Полина была, вне всякого сомнения, взволнована ужасно. У нее даже пальцы на ногах шевелились.

– Во-первых, меня от тебя тошнит!

– Ах вот как?

– Да, именно так. Во-вторых, я не желаю больше тебя никогда видеть, ни на этом свете, ни на том.

– Неужто никогда?

– Никогда! Я тебя ненавижу. И жалею, что с тобой познакомилась. Ты свинья, еще более отвратительная, чем те твари в твоём гнусном свинарнике.

Это меня заинтересовало.

– Чаффи, я не знал, что ты держишь свиней.

– Черных беркширских, – рассеянно сказал он. – Что ж, если ты так считаешь...

– Свиней разводить выгодно.

– Что ж, пожалуйста, – сказал Чаффи. – Если ты считаешь меня свиньей, что ж, пожалуйста, считай.

– Мне твоего разрешения не требуется!

– Тем лучше.

– Мой дядя Генри...

– Берти... – остановил меня Чаффи.

– Да?

– Не хочу я ничего знать о твоём дяде Генри. Плевал я на твоего дядю Генри. Если твой несчастный дядя Генри упадет и сломает себе шею, я буду счастлив.

– Поздно, старина. Его уж три года как нет. Умер от воспаления легких. Я только хотел сказать, что он тоже разводил свиней. И они приносили ему хорошие деньги, знаешь ли.

– Да замолчишь ты...

– И ты тоже, – распорядилась Полина. – Не собираешься же ты провести здесь всю ночь? Замолкни наконец и уходи.

– И уйду, – сказал Чаффи.

– Что ж не уходишь?

– Спокойной ночи, – сказал Чаффи и шагнул к лестнице. – Одно только последнее слово... – И он страстно воздел руки.

Эх, не успел я предупредить беднягу, нельзя делать такие резкие движения в старинных сельских коттеджах. Костяшки пальцев ударились о балку, он заплясал от боли, потерял равновесие и скатился на первый этаж, как мешок с углем.

Полина Стоукер подбежала к перилам и свесилась вниз.

– Больно ударился? – крикнула она.

– Да! – проревел Чаффи.

– Так тебе и надо! – крикнула Полина и вернулась в спальню, а входная дверь хлопнула, будто это разорвалось исстрадавшееся сердце.

Глава X

Визиты продолжаются

Я с облегчением перевел дух. После ухода актера, сыгравшего главную роль в этом скетче, обстановка слегка разрядилась. Чаффи, старина Чаффи, славный малый и добрый друг, вел себя не самым дружеским образом, и я почти все время чувствовал себя примерно так же, как пророк Даниил во рву со львами.

Полина дышала несколько бурно. Не могу сказать, что она всхрапывала, как конь, но какие-то похожие звуки издавала. В глазах сверкала сталь. Оно и понятно – в таком-то волнении. Она подняла с пола купальный костюм.

– Исчезни, Берти.

Я рассчитывал, что мы с ней сейчас спокойно побеседуем, все обсудим, взвесим и постараемся решить, что делать дальше.

– Нет, послушай...

– Мне надо переодеться.

– Во что?

– В купальный костюм.

– Как – в купальный костюм? – Я ничего не понимал. – Зачем?

– Чтобы плыть.

– Плыть?

– Да, плыть.

Я был ошарашен.

– Не собираешься же ты вернуться на яхту?

– Собираюсь именно вернуться на яхту.

– А я хотел поговорить о Чаффи.

– Я больше не желаю слышать его имени.

Настало время выступить в роли старого мудрого советчика.

– Ну что ты, перестань!

– Что значит – перестань?

– Я сказал «перестань», потому что уверен: не прогонишь же ты бедного малого из-за пустячного недоразумения между влюбленными?

Она как-то странно посмотрела на меня.

– Может, ты повторишь то, что сказал?

– Что – пустячное недоразумение между влюбленными?

Она дышала прерывисто и тяжело, и ко мне на миг вернулось ощущение, будто я во рву со львами.

– Кажется, я не совсем тебя поняла, – отчеканила она.

– Я хотел сказать, что когда гнев охватывает благородную натуру а) девушки и б) молодого человека, они могут сгоряча бог знает чего наговорить друг другу, но все это так, пустые слова.

– Ах, пустые слова? Так знай же: все, что я сказала, вовсе не пустые слова. Я сказала ему, что никогда больше не буду с ним разговаривать, – и не буду. Сказала, что ненавижу его, –

и уж ненавижу, поверь. Назвала свиньей – он и есть самая настоящая свинья.

– Кстати, о свиньях. Очень странная, по-моему, история, я и не знал, что Чаффи их разводит.

– Кого еще ему и разводить? Родственные души.

Тема свиней была исчерпана.

– Крутоват у тебя характер.

– Ну и что?

– Вон как резко с Чаффи обошлась.

– Ну и что?

– По-моему, его поведение вполне простительно.

– А я так не считаю.

– Представляешь, какой удар для бедного малого: является ко мне в дом, а там, то есть здесь – ты.

– Берти.

– Что?

– Тебе когда-нибудь разбивали башку стулом?

– Нет, а что?

– Скоро разобьют.

Она явно закусил удила.

– Ладно, Полина, бог с тобой.

– Это означает то же самое, что «Ну хватит, перестань»?

– Нет. Просто все это грустно. Два любящих сердца взяли и расстались навеки.

– Ну и расстались, и что?

– Да ничего. Раз ты так захотела, так тому и быть.

– Разумеется.

– А теперь поговорим о твоём намерении возвращаться домой вплавь. Бред сумасшедшего, сказал бы я.

– Меня здесь больше ничто не удерживает, так ведь?

– Так. Однако плыть глухой ночью... Вода холодная.

– И мокрая. Ничего страшного.

– Но как ты поднимешься на борт?

– Поднимусь, не волнуйся. По якорной цепи заберусь, мне это не впервой. Так что выйди из комнаты, я буду переодеваться.

Я вышел на лестничную площадку. Через минуту она появилась в купальном костюме.

– Не провожай меня.

– Обязательно провожу, если ты в самом деле уходишь.

– Конечно, ухожу.

– Ладно, как знаешь.

На крыльце меня охватил ночной холод. От одной мысли, что ей надо будет нырнуть в воду, меня пробрала дрожь. А она хоть бы что, молча исчезла в темноте. Я поднялся в спальню и лег.

Вы, возможно, подумали, что после скитаний по гаражам и сараям с цветочными горшками я мгновенно усну хотя бы только потому, что оказался в постели, но как бы не так, сна не было. Чем больше я старался заснуть, тем упорней мысли возвращались к трагедии – а это, без сомнения, была трагедия, – участником которой я оказался. Мне не стыдно при-

знать, что было ужасно жалко Чаффи. И Полину тоже было жалко. Жалко было их обоих.

Рассудите сами. Двое прекрасных молодых людей, просто созданных друг для друга, чтобы жить вместе, как принято говорить, пока смерть не разлучит их, вдруг из ничего, на пустом месте устраивают грандиозную ссору и разбегаются. Обидно. Досадно. И главное, никому не нужно. Чем больше я об этой истории размышлял, тем глупей она мне казалась.

Но от этой глупости уже никуда не деться. Роковые слова сказаны, отношения порваны, сделанного не воротишь.

Сочувствующему другу остается только одно, и какой же я идиот, что не додумался до этого раньше, а вертелся столько времени без сна. Я встал с постели и спустился вниз. Бутылка виски стояла в шкафу. И сифон с содовой там же. А также стакан. Я сделал себе живительную смесь и сел. А когда сел, заметил на столе листок бумаги.

Это была записка от Полины Стоукер.

«Дорогой Берти, ты был прав, я замерзла. Решила не плыть, но на пристани есть лодка. Доберусь в ней до яхты, потом брошу. Я вернулась за твоим плащом. Тебя беспокоить не хотела, поэтому влезла в окно. С плащом простись, потому что я его, конечно, утоплю, когда доплыву до яхты. Не сердись.

П.С.».

Каков стиль, обратили внимание? Сжатый, отрывистый. Свидетельство сердечных мук и тягостных раздумий. Мне стало еще больше ее жалко, но я порадовался, что она хоть насморк не схватит. Что до плаща, я лишь небрежно пожал плечами. Не сердиться же на нее, хотя плащ новый и на шелковой подкладке. Очень рад, что он ей пригодился, вот все, что я могу по этому поводу сказать.

Я порвал записку и сосредоточился на выпивке.

Ничто так не успокаивает нервы, как доброе крепкое виски с каплей содовой. Через четверть часа мне здорово полегчало, я снова стал подумывать о сне, готов был даже поставить восемь против трех, что он не заставит себя долго ждать.

Я встал и только подошел к лестнице, как в парадную дверь второй раз за ночь оглушительно забарабанили.

Может быть, вы сочтете, что я слишком вспыльчивый, но лично я так не считаю. Спросите, что обо мне думают в клубе «Трутни», вам наверняка скажут, что Бертрам Вустер, если, конечно, не вставлять ему палки в колеса, по преимуществу сама любезность. Но, как я вынужден был продемонстрировать Дживсу в случае с банджо, не надо доводить меня до крайности. И потому сейчас, когда я снимал с двери цепочку, лоб мой был грозно нахмурен, а глаза метали молнии. Ну, Ваулз, держитесь, – а я был уверен, что это Ваулз, – сейчас вы пожалеете, что родились на свет.

– Ваулз, – готовился я сказать, – всему есть предел. Прекратите ваше полицейское преследование. Это чудовищный и ничем не оправданный произвол. Мы не в России, Ваулз. Должен вам напомнить, Ваулз, что существует такая мера, как письма протеста в «Таймс».

Эти слова или что-то похожее должен был услышать сержант Ваулз, однако они не были произнесены, но не потому, что я струсил или пожалел полицейского, – нет, просто в дверь колотил не он, а Дж. Уошберн Стоукер, и этот Дж. Уошберн Стоукер уставился на меня с такой бешеной злобой, что, не укрепи я нервы живительным эликсиром и не знай, что его дочь Полина находится на безопасном расстоянии отсюда, я, несомненно, почувствовал бы некоторое беспокойство.

Но сейчас я ничуть не смутился.

– В чем дело? – спросил я.

Я вложил в свой вопрос столько ледяного недоумения и надменности, что натура не столь крепкая наверняка отшатнулась бы и рухнула навзничь, будто подстреленная. Но Дж. У. Стоукер и глазом не моргнул. Он оттолкнул меня и вбежал в дом, потом подскочил ко мне и схватил за плечо.

– Говори сейчас же! – заорал он.

Я невозмутимо освободился от его руки. Пришлось, правда, вывернуться из пижамной куртки, однако все равно мои усилия увенчались успехом.

– Прошу прощения!

– Где моя дочь?

– Ваша дочь Полина?

– У меня только одна дочь.

– И вы спрашиваете меня, где находится ваша единственная дочь?

– Я знаю, где она находится.

– Тогда зачем спрашиваете?

– Она здесь.

– В таком случае отдайте мою пижаму и попросите ее войти, – сказал я.

Если честно, я никогда не видел, как люди скрежещут зубами, поэтому не решился с уверенностью утверждать, что произведенное Дж. Уошберном действие следует назвать зубовым скрежетом. Может быть, это был скрежет, а может, и нет. Но я ясно видел, как надулись желваки у него на скулах и челюсть заходила ходуном, будто он жует чуингам. Мало-приятное зрелище, но благодаря живительной смеси, в которую я плеснул гораздо больше виски, чем содовой, чтобы поскорей заснуть, я вынес его бестрепетно и равнодушно.

– Она в этом доме! – крикнул он, продолжая скрежетать зубами, если я правильно определяю зубовой скрежет.

– С чего вы взяли?

– Сейчас объясню. Полчаса назад я зашел к ней в каюту, а каюта оказалась пуста.

– Но почему вы, черт возьми, решили, что она пришла ко мне?

- Потому что она безумно в вас влюблена, и я это знаю.
- Ничего подобного. Она относится ко мне как к брату.
- Я должен обыскать ваш дом.
- Валяйте.

Он ринулся наверх, а я снова обратился за помощью к виски. Это был уже второй стакан, пришлось еще раз налить, но я чувствовал, что в сложившихся обстоятельствах имею на это право. Вскорости мой гость, убегавший наверх, аки лев, вернулся смирный, как овечка. Подозреваю, что родитель, который вломился глухой ночью в дом почти незнакомого человека в поисках пропавшей дочери, чувствует себя более или менее идиотом. Я бы, например, чувствовал себя именно так, да и Стоукер, судя по всему, тоже, потому что он стал переминаясь с ноги на ногу, и вообще было видно, что он подрастерял кураж и выдохся.

- Мистер Вустер, я должен принести вам свои извинения.
- Помилуйте, пустяки.
- Когда я обнаружил, что Полина исчезла, я был уверен...
- Выкиньте эту историю из головы. С кем не бывает. Мы оба погорячились. Надеюсь, выпьете на дорожку?

Я рассудил, что стоит задержать родителя у себя как можно дольше, пусть Полина спокойно вернется к себе на судно. Но он не поддался искушению. Видно, слишком был встревожен, не до выпивки.

- Ума не приложу, куда она могла деться, – сказал он, и вы не поверите, сколько мягкости и даже человеческой теплоты

было в его голосе. Словно Бертрам его старый мудрый друг, к которому он пришел со своими бедами. Старикан был буквально сломлен. Передо мной был просто малый ребенок.

Надо бы его приободрить, успокоить.

– Думаю, ей захотелось поплавать.

– Это в такое-то время?

– Девушки странные создания, разве их поймешь?

– Куда там, а уж ее тем более. Взять хотя бы это ее патологическое влечение к вам.

Это замечание показалось мне бестактным, я нахмурился, однако вовремя вспомнил, что хочу рассеять его заблуждение, будто это влечение вообще имеет место.

– Вы совершенно напрасно считаете, будто мисс Стоукер пала жертвой моих роковых чар, – стал я убеждать его. – Да она при виде меня помирает со смеху.

– Сегодня днем у меня не сложилось такого впечатления.

– А, вот вы о чем. Чисто братский поцелуй. Больше такого не повторится.

– Да уж, не советую, – сказал он с такой угрозой, что мне вспомнилась его первоначальная манера. – Ну ладно, мистер Вустер, не буду вас больше задерживать. Я вел себя как последний дурак, еще раз прошу извинить меня.

Я не похлопал его по плечу, но рука сделала некое движение в воздухе.

– Ну что вы, стоит ли говорить. Вот бы мне платили по фунту всякий раз, как я веду себя как последний дурак.

И на этой сердечной ноте мы расстались. Он пошел по дорожке сада, а я выждал еще минут десять – вдруг кто-нибудь пожалует со светским визитом, – допил свой стакан – и в постель.

Что-то из задуманного мне сегодня удалось, что-то не удалось, но я честно заслужил ночной отдых, во всяком случае, насколько это возможно в деревне, кишмя кишашей старыми хрычами Стоукерами, Полинами, сержантами Ваулзами, Чаффи и Добсонами. Усталые веки довольно скоро смежились, я заснул.

Зная, как бурно протекает ночная жизнь в Чаффнел-Риджисе, вы не поверите, что на сей раз меня разбудили не барышни, выскакивающие из-под кровати, не их жаждущие крови папаши, которые врываются в дом, не сержанты полиции, отбивающие на моем крыльце регтайм дверным молотком, а птицы, представляете себе – птицы, которые возвещали за окном наступление нового дня.

Это я, конечно, фигурально говорю – про наступление нового дня, на самом деле было уже половина одиннадцатого, стояло прекрасное летнее утро, солнце лилось в окно, приглашая меня встать и поскорее приняться за яйцо и жареную ветчину и запить все добрым кофейником любимого кофе.

Я быстро умылся, побрился и побежал в кухню, распираемый радостью жизни.

Глава XI

Злодейская западня на яхте

И только после того, как я позавтракал и уселся со своим банджо в саду перед домом, укоризненный голос прошептал мне на ухо, что я не имею права так весело чирикать после такого, в сущности, похмельного краха. Ведь ночью совершилось преступление, трагедия вошла в дом. Каких-нибудь десять часов назад на моих глазах разыгралась сцена, после которой, будь я тонкой натурой, – а мне нравится считать себя тонкой натурой, – солнце для меня погасло бы навсегда. Два любящих сердца, с одним из которых я учился в начальной школе, а потом в Оксфорде, схлестнулись в моем присутствии в борцовском поединке и, нанеся друг другу тяжкие побои и укусы, в злобе расстались, и, судя по нынешнему раскладу, расстались навсегда. А я, беспечный и толстокожий, наигрываю себе на банджо разудалую песенку.

Нет, так нельзя. Я заиграл «Слезы сердца», и меня охватила возвышающая душу грусть.

Надо что-то делать, это ясно. Обдумывать планы, исследовать возможности.

Однако положение сложное, тут я не обманывался. Если исходить из моего опыта, то когда кто-то из моих приятелей рвет дипломатические отношения с дамой сердца или, наоборот, она рвет отношения с ним, обычно это происходит в

загородном доме, где они оба гостят, или хотя бы и он, и она живут в Лондоне, так что устроить их встречу и соединить руки, одаривая благосклонной улыбкой, не составляет никакого труда. Но с Чаффи и Полиной Стоукер этот номер не пройдет. Судите сами: она на яхте, по сути, в кандалах. Он в замке на берегу, в трех милях от нее. И если кто-то хочет соединить их руки, требуется куда более мобильный отряд челночной дипломатии, чем я. Правда, за прошедшую ночь старикашка Стоукер стал относиться ко мне немного лучше, однако он не проявил никакого желания пригласить меня совершить прогулку на его яхте. А у меня нет ни малейшей надежды связаться с Полиной и попытаться ее образумить, положение такое, будто она и не выезжала из Америки.

Н-да, задача не из легких, я пытался подойти к ней и так, и эдак и вдруг услышал, что садовая калитка отворилась – по дорожке шел Дживс.

– А, Дживс, – бросил я.

Возможно, мой тон показался ему несколько небрежным, но я, черт возьми, этого и хотел. Меня задели за живое его необдуманные и безответственные высказывания относительно моих умственных способностей, которые передала мне Полина. Он уже не в первый раз позволяет себе подобную дерзость, но нельзя же безнаказанно оскорблять людей.

Впрочем, если Дживс и почувствовал мое осуждение, то притворился, будто ничего не заметил. Он был, по обыкновению, спокоен и невозмутим.

– Доброе утро, сэр.

– Вы сейчас с яхты?

– Да, сэр.

– Мисс Стоукер была там?

– Да, сэр. Она вышла к завтраку. Я несколько удивился, когда увидел ее. Она как будто бы планировала остаться на берегу и встретиться с его светлостью.

Я насмешливо хмыкнул:

– Они и встретились, не сомневайтесь.

– Простите, сэр?

Я отложил банджо и смерил его суровым взглядом.

– В хорошую передрагу вы втянули нас всех нынешней ночью! – сказал я.

– Простите, сэр?

– Заладили как попугай «простите» да «простите». Извольте лучше объяснить, почему вы вчера вечером не отговорили мисс Стоукер плыть на берег?

– С моей стороны, сэр, было бы непозволительной дерзостью помешать молодой леди в осуществлении плана, на который она возлагала такие большие надежды.

– Она говорит, вы поддерживали ее и словом, и делом.

– Нет, сэр. Я просто выразил понимание, когда она сформулировала свою цель.

– Вы сказали, я буду счастлив предоставить ей свой дом для ночлега.

– Она уже решила, сэр, что будет искать у вас прибежища.

И я всего лишь позволил себе высказать мысль, что вы делаете все возможное, чтобы помочь ей.

— А вы знаете, к чему привела ваша самонадеянность? Меня начала преследовать полиция.

— Полиция, сэр?

— Да, полиция. Не мог же я лечь спать в доме, где шагу не ступишь, чтобы не наткнуться на какую-нибудь девицу, будь они все неладны. Ну, я и пошел ночевать в гараж. Через десять минут там появился сержант Ваулз.

— Я незнаком с сержантом Ваулзом, сэр.

— Да еще в сопровождении констебля Добсона.

— Констебля Добсона я знаю. Славный малый. Он ухаживает за горничной из Чаффнел-Холла, Мэри. Это такая девушка с рыжими волосами, сэр.

— Дживс, подавите в себе желание обсуждать цвет волос у горничных, — холодно прервал я его. — Это не имеет никакого отношения к делу. Помните о главном. А главное в том, что я провел бессонную ночь и за мной гонялись жандармы.

— Мне очень печально это слышать, сэр.

— В конце концов появился Чаффи. Он совершенно неправильно истолковал происходящее и непременно захотел отнести меня в спальню, снять башмаки и уложить в постель. И пока он со мной возился, в спальню впорхнула мисс Стоукер в моей лиловой пижаме.

— В высшей степени огорчительно, сэр.

— Еще бы. Ох, Дживс, и поссорились же они.

– Что вы говорите, сэр.

– Орут друг на друга, глаза сверкают. В конце концов Чаффи свалился с лестницы и скрылся в ночи, глубоко несчастный. И вот теперь вопрос – вопрос вопросов, я бы сказал: как помочь беде?!

– Сложившееся положение надо основательно обдумать, сэр.

– То есть у вас пока нет никакого плана?

– Ведь я только что узнал об этом событии, сэр.

– Верно, я и забыл. Вы разговаривали сегодня с мисс Стоукер?

– Нет, сэр.

– По-моему, вам не стоит идти в Чаффнел-Холл и уговаривать Чаффи. Я много думал над всем этим, Дживс, и понял, что уговаривать придется мисс Стоукер, уговаривать, убеждать, доказывать или, если хотите, умасливать и уламывать. Ночью Чаффи оскорбил ее в лучших чувствах, и, чтобы она смягчилась, придется положить немало тяжкого, изнурительного труда. С Чаффи все гораздо проще. Не удивлюсь, если он уже сейчас мысленно мордует себя за вполне кретинское поведение. Пусть он денек спокойно поразмыслит обо всем в одиночестве и к вечеру убедится, что напрасно обидел девушку. Идти к Чаффи и уговаривать его – пустая трата времени. Оставим его в покое, время излечит рану. Вам бы лучше поскорей на яхту и взяться за дело с другого конца.

– Я сошел на берег, сэр, вовсе не для того, чтобы беседовать с его светлостью. Еще раз повторяю, сэр, я ничего не знал о разрыве, пока вы мне сейчас не рассказали. Я пришел сюда, чтобы передать вам письмо от мистера Стоукера.

Ну и удивился же я.

– Письмо?

– Вот оно, сэр.

Я как в тумане открыл конверт и прочел письмо. Не могу сказать, чтобы после прочтения туман рассеялся.

– Очень странно, Дживс.

– Простите, сэр?

– Это приглашение.

– В самом деле, сэр?

– Именно, Дживс. Он приглашает меня на ужин. «Дорогой мистер Вустер, – пишет папаша Стоукер, – буду очень рад, если вы согласитесь поужинать сегодня с нами чем бог послал на яхте. Вечерний костюм не обязателен». Это я передаю вам суть. Подозрительно, Дживс.

– В высшей степени неожиданно, сэр.

– Забыл сказать вам, что в списке моих ночных гостей числится и этот самый Стоукер. Вломился в дом, вопил, что его дочь у меня, обыскал все комнаты.

– Возможно ли, сэр?

– Никакой дочери он, конечно, не нашел, потому что она уже была на полпути к яхте, и он вроде бы сообразил, что позорно сел в лужу. Присмирел и уходил уже совсем другим

человеком. Даже говорил со мной вполне вежливо, а я-то был готов поклясться, что вежливое обхождение ему вообще неизвестно. Неужто этим объясняется его неожиданный приступ гостеприимства? Сомневаюсь. Не могу сказать, что ночью он был дружелюбен, скорее чувствовал себя виноватым. И я не заметил никаких признаков того, что он собирается завязать со мной пламенную дружбу.

— Возможно, сэр, беседа, которую я имел сегодня утром с этим джентльменом...

— А, так это вы способствовали возникновению бертрамфильских настроений?

— Сразу же после завтрака, сэр, мистер Стоукер послал за мной и спросил, правда ли, что я раньше был у вас в услужении. Сказал, что вроде бы ему помнится, будто он видел меня в вашей квартире в Нью-Йорке. Я ответил утвердительно, и тогда он стал расспрашивать меня о некоторых эпизодах из вашей жизни.

— О кошках в спальне?

— И о происшествии с грелкой.

— Похищенную шляпу не забыл?

— А также о том, как вы спускались по водосточной трубе.

— И что же вы?..

— Я объяснил ему, что сэр Родерик Глоссоп предвзято истолковал эти происшествия, сэр, и рассказал, как все было на самом деле.

— А он?

– По-моему, он был удовлетворен, сэр. Видимо, он считает, что был несправедлив по отношению к вам. Сказал, разве можно верить тому, что говорит сэр Родерик, которого назвал лысым чьим-то там сыном, не могу вспомнить, чьим именно. И как мне представляется, сэр, вскоре после нашей беседы он и написал это письмо, сэр, где приглашает вас к ужину.

Я был доволен своим слугой. Когда Бертрам видит, что добрый старый дух вассальной верности сеньору не угас, он радуется, смотрит на это с одобрением и выражает свое одобрение вслух.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не за что, сэр.

– Вы достойны благодарности. Конечно, мне в общем-то безразлично, считает меня папаша Стоукер чокнутым или нет. Я ведь что хочу сказать? Если ваш кровный родственник имеет обыкновение ходить на руках, а вы беретесь ставить диагноз, кто псих, а кто нет, негоже вам надуваться от спеси и изображать из себя...

– *Arbiter elegantiarum*¹, сэр?

– Именно, Дживс. Поэтому, с одной стороны, меня мало волнует, как старикашка Стоукер оценивает мои умственные способности. Пусть думает что хочет, какое мне дело? Но если отвлечься от этой точки зрения, нельзя не признать, что эту перемену отношения следует приветствовать. Она про-

¹ Законодатель хорошего вкуса (*лат.*).

изошла как раз вовремя. Я приму приглашение. Буду считать его...

– Amende honorable², сэр?

– Я хотел сказать – пальмовой ветвью.

– Или пальмовой ветвью. По сути, это одно и то же. Но я склонен считать, что в сложившихся обстоятельствах чуть более уместно французское выражение, в нем содержится сожаление по поводу случившегося и желание загладить вину. Но если вы предпочитаете «пальмовую ветвь», сэр, конечно, пусть будет «пальмовая ветвь».

– Спасибо, Дживс.

– Не за что, сэр.

– Наверно, вы догадываетесь, что сбили меня с толку и я напрочь забыл, что хотел сказать?

– Прошу прощения, сэр. Очень сожалею, что перебил вас. Насколько я помню, вы говорили, что намерены принять приглашение мистера Стоукера.

– А, да. Ну так вот. Я приму его приглашение – как пальмовую ветвь или как amende honorable, это совершенно не важно, Дживс, и к чертям все эти тонкости...

– Безусловно, сэр.

– А сказать вам, зачем я его приму? Потому что получу возможность повидаться с мисс Стоукер и выступить в роли адвоката Чаффи.

– Понимаю, сэр.

² Публичное покаяние (фр.).

– Конечно, мне будет нелегко. Не представляю, как подступить к делу.

– Если вы позволите мне дать вам совет, сэр, я думаю, что наиболее благоприятный отклик у юной леди вызовет сообщение о болезни его светлости.

– Он здоров как бык, и она это знает.

– Он заболел после разлуки с ней вследствие тяжелого нервного потрясения.

– А, понял! Сознание помутилось?

– Совершенно верно, сэр.

– Покушается на собственную жизнь?

– Именно так, сэр.

– Думаете, ее доброе сердце растает?

– Весьма высокая степень вероятности, сэр.

– Тогда я буду действовать в этом направлении. Тут в приглашении сказано, что ужин в семь. Не рановато ли?

– Полагаю, сэр, такое время было назначено, учитывая интересы юного мистера Дуайта. Будет праздноваться день его рождения, о котором я вам вчера говорил.

– Ну да, конечно. А потом будут выступать негры-менестрели. Ведь они точно придут?

– Да, сэр. Они приглашены.

– Вот бы мне встретиться с музыкантом, который играет на банджо. У них есть особые приемы, хочется их перенять.

– Без сомнения, сэр, это можно будет устроить.

Он произнес это довольно сдержанно, чувствовал, что

разговор принимает нежелательное направление, я это понимал. Старая рана все еще болела.

Что ж, в таких случаях, я считаю, лучше всего действовать прямо и открыто.

– А я, Дживс, делаю большие успехи на банджо.

– Вот как, сэр?

– Хотите, я сыграю вам «Кто разгадает любовь»?

– Нет, сэр.

– Ваше отношение к этому музыкальному инструменту не изменилось?

– Нет, сэр.

– Жаль, что у нас здесь вкусы не сходятся.

– Очень жаль, сэр.

– Нет так нет. Я не обижаюсь.

– Надеюсь, что нет, сэр.

– Но все равно обидно.

– Чрезвычайно обидно, сэр.

– Ладно, передайте старику Стоукеру, что я буду ровно в семь, в парчовом камзоле и пудренном парике.

– Передам, сэр.

– Может быть, мне следует написать ему короткий вежливый ответ?

– Нет, сэр. Мне поручили принести от вас устный ответ.

– Тогда ладно.

– Благодарю вас, сэр.

Соответственно в семь ноль-ноль я ступил на борт яхты

и отдал шляпу и легкий плащ проходящему мимо морскому волку. Сделал я это со смешанными чувствами, потому что в душе бушевали противоборствующие настроения. С одной стороны, беспримесный озон Чаффнел-Риджиса вызвал у меня добрый аппетит, а Дж. Уошберн Стоукер, насколько я помнил по своим визитам в его дом в Нью-Йорке, кормит своих гостей на славу. С другой стороны, я всегда чувствовал себя в его обществе немного настороженно и во все не надеялся, что сегодня от этой настороженности избавлюсь. Если хотите, можно выразить это так: земной, плотский Вустер с удовольствием предвкушал роскошный ужин, а вот его духовную ипостась все это слегка корбило.

Судя по тому, что я знаю о пожилых американцах, их существует два вида. Старик американец первого вида – дородный, в роговых очках, само дружелюбие. Встречает вас как родного сына: не дав вам опомниться, принимается трясти шейкер для коктейлей, с веселым смехом наливает вам один бокал, другой, третий, хлопает вас по спине, рассказывает анекдот про двух ирландцев, Пэта и Майка, – словом, жизнь для него сплошной праздник.

В американце второго вида преобладают холодные глаза стального цвета и квадратная челюсть, и он относится к английскому кузену с подозрением. Никаких шуток и прибауток. Он все время поглощен собственными заботами. Говорит мало. Судорожно вздыхает. И время от времени вы ловите на себе его взгляд, и тогда вам кажется, будто на вас гля-

дит из приоткрытых створок раковины холодная и скользкая устрица.

Дж. Уошберн Стоукер был от рождения несменяемым вице-президентом этого второго вида, или, если угодно, класса.

Поэтому, увидев, что сегодня он не такой мрачный, как всегда, я почувствовал большое облегчение. Конечно, приветливой его манеру никто бы не назвал, но было видно, что он изо всех сил старается быть приветливым – в той мере, в какой ему это доступно.

– Надеюсь, мистер Вустер, вы не возражаете против тихой семейной трапезы? – спросил он, пожав мне руку.

– Ничуть. Очень рад, что вы пригласили меня, – ответил я (дескать, знай наших, мы в куртуазности никому не уступим).

– Только вы, Дуайт и я. Моя дочь не выйдет. Голова разболелась.

Удар прямо под дых. Значит, моя экспедиция лишилась всякого смысла, если называть вещи своими именами.

– Вот как? – отозвался я.

– Боюсь, она слегка переутомилась ночью, – проговорил папаша Стоукер, и в глазах у него мелькнуло знакомое рыбье выражение, так что я, читая между строк, догадался: Полину наказали и отправили спать без ужина. Старик Стоукер не принадлежал к современным отцам с широкими взглядами. Как я уже имел повод отметить, ему была явно свойствен-

на пуританская суровость отцов-пилигримов, высадившихся некогда на диких берегах Америки. Короче говоря, он считал, что свою семью надо держать в ежовых рукавицах.

Поймав этот взгляд, я почувствовал, что мне трудно сформулировать вежливый вопрос:

– Значит, вы... э-э... значит, она... э-э...

– Да. Вы оказались правы, мистер Вустер. Она плавала ночью в заливе.

В его глазах снова плеснулась рыба. Так, Полина нынче вечером в большой немилости, это ясно, хорошо бы замолвить словечко за беднягу, но ничего не приходило в голову, на языке вертелось «Кто поймет этих девушек», но я не решился произнести это вслух.

В этот миг стюард объявил, что кушать подано, и мы двинулись в столовую.

Должен признаться, я несколько раз сожалел во время ужина, что из-за событий, значение которых никак не следует преуменьшать, за столом не присутствуют обитатели Чаффнел-Холла. Вы, конечно, усомнитесь в искренности этого моего заявления, ведь общеизвестно, что, если за столом отсутствуют сэр Родерик Глоссоп, вдовствующая леди Чаффнел и отпрыск последней, Сибири, вечер пройдет необыкновенно приятно. И тем не менее я предпочел бы их общество. Обстановка была такая гнетущая, что вся еда приобретала вкус золы. Если бы этот грубиян Стоукер не совершил столь диковинный поступок и сам не пригласил меня

на яхту, я бы заключил, что его от одного моего вида тошнит. Он сосредоточенно жевал в мрачном молчании, явно поглощенный собственными тайными мыслями. А если что-то и произносил, то вроде как через силу и ужасно свысока. Можно сказать, сквозь зубы цедил, во всяком случае, очень близко к этому.

Я изо всех сил старался поддерживать разговор. И только когда этот мальчишка Дуайт удалился из-за стола и мы стали закуривать сигары, я наткнулся на тему, которая вызвала у хозяина интерес, он оживился, даже настроение поднялось.

– Славная у вас яхта, мистер Стоукер, – сказал я.

В первый раз за все время в его лице появились признаки жизни.

– Одна из лучших в мире.

– Я мало плавал на яхтах. И никогда не был на такой большой, если не считать яхт-клуба на острове Уайт.

Он знай себе дымит. Зыркнул в мою сторону глазом на шарнире, потом снова заговорил:

– Удобная вещь яхта.

– Еще бы.

– Можно разместить массу друзей.

– Да уж.

– И отсюда им не так просто удрать, не то что на суше.

Странное представление о гостеприимстве, но, думаю, гости от такого мрачного зануды, как Стоукер, буквально разбегаются, он наверняка не раз от этого страдал. Вот уж поис-

тине дурацкое положение: вы приглашаете кого-то погостить к себе в загородный дом на недельку, а назавтра перед ланчем обнаруживается, что гость тихонько улизнул на поезде.

– Желаете осмотреть судно? – спросил он.

– С удовольствием.

– Буду рад показать его вам. Сейчас мы находимся в салоне.

– А-а.

– Я покажу вам каюты.

Он встал, и мы пошли по коридорам и переходам. Подошли к какой-то двери. Он открыл ее и включил свет.

– Одна из наших самых больших кают для гостей.

– Здесь очень славно.

– Войдите, посмотрите хорошенько.

Я не понимал, чего тут, собственно, рассматривать, все и с порога видно, но спорить в таких случаях не принято. Я прошелся по каюте, потыкал пальцем матрас.

И в эту минуту дверь захлопнулась. Я быстро обернулся – старик исчез.

Странно, решил я. Более чем странно. Я подошел к двери и повернул ручку.

Дверь, будь она трижды проклята, была заперта.

– Эй! – крикнул я.

Никакого ответа.

– Эй! Мистер Стоукер!

Тишина, и какая глубокая.

Я сел на кровать. Что ж, надо все основательно обдумать.

Глава XII

Не жалейте ваксы, Дживс!

Положение вещей мне очень не нравилось. Я растерялся, решительно не понимал, что все это означает, но это бы ладно: меня охватила тревога. Не знаю, читали ли вы «Семеро в масках»? Потрясающий детектив, зубы все время стучат от ужаса, волосы дыбом, и там есть такой частный сыщик Дрексдейл Йитс, он однажды ночью спускается в погреб за уликами, и только нашел две-три, как вдруг – бам! – железная дверь погреба захлопывается, он заперт в ловушке, а с той стороны кто-то зловеще хихикает. Его сердце на миг остановилось, и мое сейчас тоже. Если не считать зловещего хихиканья (кстати, Стоукер, вполне возможно, и хихикал, только мне не было слышно), я оказался точно в такой же ловушке. И так же, как бесстрашный Дрексдейл, я чувствовал, что мне грозит опасность.

Конечно, если бы что-то подобное случилось в одном из загородных домов, где я бываю гостем, и рука, повернувшая в замке ключ, была рукой моего приятеля, все объяснялось бы проще простого – это всего лишь веселый розыгрыш. У меня пруд пруди друзей, для которых нет большего развлечения, чем втолкнуть вас в какую-нибудь комнату и запереть дверь. Но к нынешнему случаю эта разгадка не подходила. Старик Стоукер не проявлял склонности к проказам. Може-

те говорить что угодно об этом типе с рыбьими глазами, но я никогда не поверю, что он любит шутки и безобидные затеи. Если папаша Стоукер укладывает своих гостей на холодное хранение, это не сулит им ничего доброго.

Что ж удивительного, если Бертрам сидел на краешке кровати, уныло посасывал сигару, и душу его грызла тревога. Вспомнился троюродный брат Стоукера, Джордж. Вот уж настоящий шизик. И кто знает, может быть, шизофрения у них в роду? Сейчас Стоукер запирает людей в каютах, но скажите, где гарантия, что потом он не ворвется к ним с пеной у рта, с дикими, озверевшими глазами и не порубит на куски топором?

Поэтому, когда замок щелкнул и дверь открылась, явив на пороге моего хозяина, скажу вам честно: я призвал на помощь все свои силы и приготовился к худшему.

Однако его вид меня немного успокоил. Физиономия хмурая, это верно, но ничего сатанинского. Взгляд твердый, пены у рта нет. И по-прежнему курит сигару, я счел это добрым знаком. Лично я никогда не встречал маньяков-убийц, но, мне кажется, первое, что они сделают, прежде чем прикончить человека, так это выбросят сигару.

– Ну-с, мистер Вустер?

Я никогда не знаю, что следует отвечать, когда тебе говорят «Ну-с, мистер Вустер?», и потому ничего не сказал и сейчас.

– Я должен принести извинения за то, что так внезапно

вас покинул, – продолжал Стоукер, – но мне надо было распорядиться, чтобы начинали концерт.

– Очень интересно послушать, – сказал я.

– Увы, – ответил папаша Стоукер. – Не удастся.

Он рассматривал меня с задумчивым видом.

– Будь я помоложе, свернул бы вам шею, – признался он.

Мне не понравилось направление, которое принял наш разговор. В конце концов, человеку столько лет, на сколько он себя чувствует, и кто поручится, что у него не возникнет бредовая идея, будто он мой ровесник? Один из моих дядюшек в возрасте семидесяти шести лет под влиянием старого выдержанного портвейна залезал на деревья.

– Послушайте, – сказал я вежливо, но не без некоторой, как бы вы определили, настойчивости, – я знаю, что позволяю себе посягать на ваше время, но, может быть, вы все-таки объясните, что все это значит?

– А вы сами не знаете?

– Понятия не имею.

– Даже не догадываетесь?

– Провались я на этом месте.

– В таком случае лучше всего начать с самого начала. Вы, вероятно, помните, что я посетил ваш коттедж прошлой ночью?

Я подтвердил, что не забыл его визита.

– Я думал, моя дочь находится в вашем коттедже. И обыскал его. Но никакой дочери не нашел.

Я великодушно крутанул в воздухе рукой:

– Мы все порой ошибаемся.

Он кивнул:

– Верно. И я ушел. А знаете, мистер Вустер, что произошло после того, как я покинул вас? Возле садовой калитки меня остановил сержант вашей местной полиции. Мое появление показалось ему подозрительным.

Я сочувственно взмахнул сигарой.

– С этим Ваулзом надо что-то делать, – заметил я. – Он совершенно невыносим. Надеюсь, вы сразу же поставили его на место.

– Зачем же. Он всего лишь выполнял свой долг. Я объяснил ему, кто я и где живу. Услышав, что я прибыл с яхты, он попросил меня пройти с ним в полицейский участок.

Я изумился:

– Какая неслыханная наглость! Вы хотите сказать, он задержал вас? Не может быть!

– Нет, он не имел ни малейшего намерения арестовать меня. Он хотел, чтобы я установил личность человека, находящегося под стражей.

– Все равно это нахальство. Почему они побеспокоили для этой цели вас? И потом кого здесь вы можете опознать? Ведь вы только что появились в этих краях и никого не знаете.

– Ну, тут как раз все оказалось просто. Они арестовали мою дочь Полину.

– Что?!

– Вот так-то, мистер Вустер. Этот сержант Ваулз был вчера ночью в своем саду за домом – если вы помните, он соседствует с вашим, – и вдруг увидел, как из окна на первом этаже вашего дома вылезает какой-то человек. Он выбежал из сада и поймал этого человека. Пойманным оказалась моя дочь Полина. На ней был купальный костюм и принадлежащий вам плащ. Так что, видите, вы сказали мне правду, что, может быть, ей захотелось поплавать.

Он аккуратно стряхнул пепел с сигары. Мне со своей не нужно было ничего стряхивать.

– За несколько минут до моего прихода она, конечно же, находилась у вас. Надеюсь, мистер Вустер, теперь вы понимаете, почему я сказал, что свернул бы вам шею, будь хоть немного моложе.

Что я мог ему ответить? Увы, случается и такое.

– Сейчас я немного успокоился, – продолжал он, – и стал смотреть на дело трезво. Да, говорю я себе, мистер Вустер не тот человек, которого лично я выбрал бы себе в зятя, но раз уж мне его навязали, ничего не поделаешь. Рад заметить, что вы хотя бы не слабоумный кретин, каким я вас считал раньше. К тому же мне объяснили, что те истории, из-за которых я разорвал в Нью-Йорке вашу помолвку с Полиной, – чья-то глупейшая выдумка. Так что будем считать, что все обстоит как три месяца назад и что Полина не писала вам никакого письма с отказом.

Когда сидишь на кровати, очень трудно покатиться кувырком, иначе я бы покатился, да еще как лихо. Казалось, чья-то невидимая рука нанесла мне удар в солнечное сплетение.

– Вы хотите сказать...

Он вонзил свой взгляд прямо в мои зрачки. Жуткий взгляд, ледяной и в то же время испепеляющий. Если это тот самый знаменитый Взгляд Босса, о котором кричат все рекламные объявления в американских журналах, то будь я проклят – мне никогда не понять, зачем так трепетно ловят его молодые честолюбивые клерки, желающие поступить на службу. Взгляд прошил меня навыворот, и я потерял нить своих рассуждений.

– Полагаю, вы хотите жениться на моей дочери?

Да, конечно... еще бы... ну что можно сказать в ответ на такую реплику? И я промямлил:

– Э-э... м-м-м...

– Боюсь, я не могу с уверенностью утверждать, что понимаю точный смысл ваших междометий «э-э» и «мм-м»... – проговорил он, и я надеюсь, вы тоже обратили внимание на его речь. Этот тип провел в обществе Дживса всего сутки, может, чуть больше, и вот вам пожалуйста – говорит прямо как он, только Дживс время от времени вставлял бы «сэр». Просто в глаза бросается. Помню, я как-то пустил пожить к себе на неделю Китекэта Поттер-Перебрайта, и на следующий же день он пустился обсуждать со мной чей-то там

невьявленный интеллектуальный потенциал. И это Китекэт, который до тех пор изъяснялся лишь односложными словами, а когда ему пытались втолковать, что существуют в языке и другие, посложнее, он лишь со смехом отмахивался – дескать, ладно, издевайтесь. Так что видите, влияние быстрое и несомненное...

Однако на чем бишь я остановился?

– Боюсь, я не могу с уверенностью утверждать, что понимаю точный смысл ваших междометий «э-э» и «м-м-м», – говорил Стоукер, – однако буду исходить из предположения, что вам самому он ясен. Не стану притворяться, будто я в восторге, однако нельзя иметь в этой жизни все. Какой, по вашим представлениям, должна быть помолвка?

– То есть как – помолвка?

– Должна ли она длиться долго или быть короткой?

– В том смысле, что...

– Лично я предпочитаю короткие помолвки. Думаю, вас нужно обвенчать как можно скорее. Надо будет разузнать, как скоро это можно провернуть в Англии. У нас, в Америке, вас окрутил бы первый попавшийся священник, однако, боюсь, здесь так не получится. Существуют разные формальности. И пока эти формальности выполняются, вы, конечно, останетесь моим гостем. Увы, я не могу предоставить вам возможность свободно передвигаться по яхте, ведь вы довольно ненадежный молодой джентльмен, вдруг вспомните, что у вас еще с кем-то назначено свидание, – такая, види-

те ли, незадача, вам непременно нужно уехать. Я сделаю все возможное, чтобы обеспечить вам максимальный комфорт на несколько ближайших дней вашего пребывания в этой каюте. Вот здесь в шкафу есть книги – полагаю, вы умеете читать? – на столе сигареты. Через несколько минут я пришлю к вам моего человека, он принесет пижаму и прочее. А сейчас, мистер Вустер, я желаю вам покойной ночи. Мне надо возвращаться на концерт. Как ни приятно мне беседовать с вами, я не могу не присутствовать на праздновании в честь дня рождения сына, согласитесь.

Он приоткрыл дверь, выскользнул в щелку, и я остался один.

Знаете, я за свою жизнь два раза оказывался в камере и два раза слышал, как поворачивается ключ в замке. О первом случае напомнил Чаффи, я тогда и в самом деле уверял мирового судью, будто живу в Далидже. Второй раз я попал в кутузку – забавно, оба случая произошли ночью после Гребных гонок, – когда мы с моим старым другом Оливером Сипперли хотели взять себе на память каску полицейского, но в ней, как на грех, оказалась его голова. Оба инцидента кончились моим заключением под стражу, так что матерый рецидивист вроде меня должен был бы, на ваш взгляд, чувствовать себя среди решеток и запоров просто в родной стихии.

Однако сейчас я попал совсем в другую историю. Раньше мне грозил лишь умеренных размеров штраф. Сейчас надо

мною навис пожизненный приговор.

Человек посторонний, придя в восторг от редкой красоты Полины да еще узнав, что ей предстоит унаследовать более пятидесяти миллионов долларов, наверняка сочтет мои душевные муки и нежелание жениться на ней чистейшей блажью. Мне бы ваши заботы, скажет этот посторонний. Но никуда не денешься: я терзался, и терзания мои были ужасны.

Мало того, что я сам не хотел жениться на Полине Стоукер, существовало еще одно серьезнейшее препятствие к этому браку: я отлично знал, что и она не хочет выходить за меня. Конечно, во время последней встречи с Чаффи она чуть не разорвала его на части, выгнала взащей в великом гневе и ярости, но я был уверен, что в глубине сердца она его по-прежнему любит, и нужно лишь немного поработать штопором, вино вырвется на свободу. И Чаффи ее тоже любит, хоть и свалился с лестницы и потом горестно ушел в ночь. Так что если взвесить все до единого обстоятельства как с одной стороны, так и с другой, то получается: женившись на этой самой Полине, я не только погублю свою жизнь, но и разобью сердце и ей, и моему школьному другу. По-моему, вполне достаточная причина для мук и терзаний, даже не пытайтесь убедить меня, что я не прав.

Во всей этой тьме брезжил только один луч света – старый хрыч Стоукер пообещал, что пришлет своего человека с ночными принадлежностями. Может быть, Дживс что-нибудь придумает.

Впрочем, я не особенно-то верил, что даже Дживс способен вызволить меня из нынешней передраги, тут любой букмекер без колебаний принял бы ставку сто против одного. С этими мыслями я докурил сигару и растянулся на кровати.

Я нервно теребил пальцами покрывало, и тут дверь открылась, деликатное покашливание возвестило, что Дживс в каюте. Он принес охапку всякой одежды и белья. Положил все на стул и посмотрел на меня с сочувствием, так бы я это определил.

– Мистер Стоукер поручил мне отнести вам пижаму, сэр. Я издал протяжный стон.

– Мне не пижама нужна, Дживс, а крылья. Вы в курсе последних событий?

– Да, сэр.

– Кто вам рассказал?

– Меня информировала мисс Стоукер, сэр.

– Вы с ней беседовали?

– Да, сэр. Она сообщила мне о плане, который разработал мистер Стоукер.

В первый раз за все время, что началась эта бредовая история, во мне шевельнулась надежда.

– Послушайте, Дживс, мне пришла в голову одна мысль. Ей-богу, все не так скверно, как мне казалось.

– Вы так думаете, сэр?

– Да. А вы разве не согласны? Старый хрыч Стоукер может сколько угодно... э-э...

– Грозить, сэр?

– Мечтать, Дживс. Пусть он мечтает, пусть он грозит нам, что поженит нас, но ничего у него не выйдет. Мисс Стоукер и слушать не станет, скажет «нет» – и все. Можно подвести лошадь к алтарю, Дживс, но пить ее не заставишь.

– Из моей недавней беседы с юной леди, сэр, я не вынес впечатления, что она против планируемого бракосочетания.

– Не может быть!

– Увы, сэр. Она, как бы это сказать, полна смирения и в то же время бросает вызов.

– Нет уж, Дживс, либо смирение, либо вызов.

– И тем не менее, сэр. Она ведет себя так, будто ничто на свете не имеет значения, все ей безразлично, однако я понял, что, соглашаясь на заключение брачного союза с вами, она руководствуется желанием бросить вызов его светлости.

– Бросить вызов, говорите?

– Да, сэр.

– То есть отомстить ему?

– Именно так, сэр.

– Черт знает какая глупость. Девушка просто спятила.

– Общеизвестно, сэр, что в женской психологии много странного. Поэт Поуп...

– Дживс, ну при чем тут этот ваш поэт Поуп!

– Как угодно, сэр.

– Иногда можно часами говорить о Поупе, а иногда бывает совершенно не до него.

– Совершенно справедливо, сэр.

– Ну не хочу я на ней жениться, хоть головой в омут. А если она настроена непременно отомстить Чаффи, ничто меня не спасет. Мне крышка.

– Да, сэр. Хотя...

– Что – хотя?

– Видите ли, сэр, я тут подумал, что, в сущности, лучший способ избежать всех неприятностей и неудобств – это покинуть яхту.

– Яхту?

– Да, сэр, яхту.

– Покинуть?

– Покинуть, сэр.

– Не ожидал я от вас, Дживс, – у меня даже голос задрожал, – что вы в такую тяжелую минуту придете глумиться надо мной. Каким же способом я мог бы покинуть эту проклятую яхту?

– Это легко устроить, сэр, если вы согласитесь. Конечно, возникнут некоторые неудобства...

– Дживс, – сказал я, – я готов подвергнуться любым временным неудобствам, за исключением протискивания сквозь иллюминатор, в котором я просто застряну навеки, лишь бы выбраться из этой плавающей тюрьмы и почувствовать под ногами твердую землю. – Я замолчал и в волнении посмотрел на него. – Вы правда не шутите? У вас в самом деле есть план?

– Да, сэр. Я не решился вам сразу его предложить, потому что опасался: а вдруг вам не понравится идея покрыть свое лицо ваксой.

– Чем-чем?

– Времени очень мало, сэр, и я решил, что пользоваться жженой пробкой нежелательно.

Я отвернулся к стене. Все, это конец.

– Слушайте, Дживс, – сказал я. – Вы перебрали.

Меня как будто ножом полоснули, это было куда страшнее безвыходного положения, в котором оказался я: мои подозрения подтвердились, блистательный ум, восхищавший всех столько лет, увы, деградировал. Я из деликатности сделал вид, что объясняю его болтовню о жженой пробке и ваксе состоянием подпития, однако в глубине души был убежден: малый сошел с ума.

Дживс кашлянул.

– Позвольте мне объяснить вам, сэр. Негры-менестрели уже заканчивают свое выступление и скоро уплывут с яхты.

Я сел. Надежда снова разгорелась, угрызения совести вонзились в меня, точно зубы молодого бульдога в резиновую косточку: как же я был несправедлив к этому великому человеку! Я начал понимать, что замыслил его могучий ум.

– Вы хотите сказать?..

– У меня есть баночка ваксы, сэр. Я захватил ее с собой, предвидя подобный поворот событий. Не составит никакого труда покрыть ею ваше лицо и руки, так что, если вы встрети-

те мистера Стоукера, он примет вас за одного из этих негров-менестрелей.

– Дживс!!!

– Если вы согласитесь на то, что я предложил, сэр, мне кажется целесообразным дожидаться, пока эти чернолицые музыканты уплывут на берег. После этого я скажу капитану, что один из них, мой добрый приятель, заболтался со мной и не успел на моторную лодку со всеми. Не сомневаюсь, что капитан позволит мне доставить вас на берег в маленькой лодке на веслах.

Я глядел на него с восхищением. Уж сколько лет я его знаю, казалось бы, лучше некуда, сколько раз он спасал и выручал и меня, и моих друзей, я знаю, что питается он в основном рыбой, так что его мозг наверняка состоит из сплошного фосфора, и все равно этот высочайший взлет интеллекта ошеломил меня.

– Дживс, – сказал я, – я уже не раз говорил вам, но с удовольствием повторю: вы – гений.

– Благодарю вас, сэр.

– Никто вам и в подметки не годится. Вы – единственный.

– Я стараюсь быть полезным, сэр.

– Думаете, прорвемся?

– Прорвемся, сэр.

– Берете план под свою личную ответственность?

– Да, сэр.

– Вы сказали, эта штука у вас с собой?

– Да, сэр.

Я плюхнулся на стул и поднял физиономию к потолку.

– Мажьте, Дживс, и не жалеите ваксы, чтобы вы сами меня потом не узнали.

Глава XIII

Лакей превышает свои полномочия

Должен признаться, я терпеть не могу истории, где автор все время перескакивает, пропуская огромные сюжетные куски, а вы извольте сами догадываться, что произошло в промежутке. Например, десятая глава кончается тем, что героя заманивают в логово преступников в подzemелье и ловушка захлопывается, а в начале одиннадцатой он уже очаровывает всех светской любезностью на веселом балу в испанском посольстве. Поэтому, мне кажется, я должен самым подробным образом, шаг за шагом описать все перипетии приключения, в результате которого я оказался и на воле, и на свободе, — надеюсь, вы понимаете разницу.

Впрочем, когда за дело берется такой мудрый стратег, как Дживс, подобная необходимость отпадает, зачем попусту тратить время. Если Дживс взялся доставить вас из пункта А в пункт Б, например, из каюты на яхте старого хрыча Стоукера на берег возле вашего коттеджа, он вас просто туда доставит. И никаких трудностей, препятствий, никаких волнений, суеты. Описывать решительно нечего. Вы просто протягиваете руку, берете первую попавшуюся банку ваксы, мажете лицо, прогуливаетесь в свое удовольствие по палубе, неторопливо спускаетесь по трапу, сердечно машете на прощанье членам команды, которые в это время стоят возле

борта и плюют в воду, садитесь в лодку и через десять минут, вдыхая прохладный ночной воздух, ступаете на берег. Ювелирная работа.

Я сказал об этом Дживсу, когда мы причалили к пристани, и он ответил, что это чрезвычайно любезно с моей стороны.

– При чем тут любезность, Дживс? Повторяю: ювелирная работа, я вами горжусь.

– Благодарю вас, сэр.

– Это я вас благодарю, Дживс. Однако что же теперь?

Мы отошли от пристани и сейчас стояли на дороге возле калитки моего сада. Тишина. Над головой сверкали звезды. Мы были наедине с Природой. Даже сержант полиции Ваулз и констебль Добсон не подавали признаков жизни. Выражаясь высоким штилем, Чаффнел-Риджис спал. Однако, взглянув на часы, я обнаружил, что всего начало десятого. Помнится, я страшно удивился. Испытав все сопряженные с пленом эмоциональные состояния и побывав на дыбе – позволю себе эту метафору – нравственных мучений, я думал, что прошло очень много времени, наверняка уже второй час, а то и больше.

– А теперь-то что, Дживс? – повторил я.

Я заметил на его породистом лице легкую улыбку, и она мне не понравилась. Конечно, я благодарен ему, он спас меня от участи, которая похуже смерти, но надо уметь держать себя в руках. Я смерил его надменным взглядом, как я это умею, и холодно спросил:

– Вас что-то рассмешило, Дживс?

– Прошу простить меня, сэр. Я не хотел этого показывать, но ничего не смог с собой поделатъ. У вас и правда не совсем обычный вид, сэр.

– У кого угодно будет не совсем обычный вид, если его намазать ваксой.

– Конечно, сэр.

– Даже у Греты Гарбо.

– Совершенно справедливо, сэр.

– Или у Ральфа Инджа.

– Вы, безусловно, правы, сэр.

– Тогда избавьте меня от обидных замечаний, Дживс, и ответьте на мой вопрос.

– Боюсь, сэр, я забыл, о чем вы меня спрашивали.

– Я вас спросил и снова спрашиваю – а теперь-то что?

– Вы желаете получить от меня совет касательно ваших дальнейших действий, сэр?

– Ну да.

– Я бы посоветовал вам пойти в коттедж, сэр, и отмыть лицо и руки.

– Ну что ж, разумно. Я и сам собирался.

– После чего, если вам будет угодно выслушать мое мнение, сэр, вам стоило бы первым же поездом уехать в Лондон.

– Опять-таки разумно.

– Как только вы окажетесь в Лондоне, я порекомендовал бы вам отправиться на континент, в какой-нибудь большой

город, например, в Париж или в Берлин, а может быть, даже и дальше – в Италию.

– Или в солнечную Испанию?

– Да, сэр, можно и в Испанию.

– А то и в Египет?

– В это время года, сэр, вы сочтете, что в Египте слишком жарко.

– И вполосину не так жарко, как в Англии, если папаша Стоукер меня снова сцапает.

– Справедливо, сэр.

– Это же бандит, Дживс! Разбойник! Такие с хрустом разгрызают бутылки и прибивают себе воротнички сзади прямо к телу гвоздями.

– Мистер Стоукер, без сомнения, очень властный человек, сэр.

– А ведь когда-то, Дживс, я считал сэра Родерика Глоссопа людоедом. А тетю Агату людоедкой. Но куда им до него, дряхлые, беззубые шавки. В связи с чем возникает необходимость задуматься о вашей службе. Вы планируете вернуться на яхту и продолжать поддерживать отношения с этим отвратительным субъектом?

– Нет, сэр. Вряд ли мистер Стоукер окажет мне радушный прием. Обнаружив, что вы совершили побег, джентльмен столь острого ума легко сообразит, что это я помог вам покинуть яхту. Я вернусь на службу к его светлости, сэр.

– Представляю, как он обрадуется.

- Вы очень добры, сэр.
- Да ничуть, Дживс. Любой бы обрадовался.
- Благодарю вас, сэр.
- Стало быть, вы вернетесь в замок?
- Да, сэр.
- Ну что ж, от души желаю вам доброй ночи. Я вам напишу, Дживс, сообщу, где я и как все сложилось.
- Спасибо, сэр.
- Да это вам спасибо, Дживс. В конверт будет вложено небольшое доказательство моей благодарности.
- Вы чрезвычайно щедры, сэр.
- Это я-то щедр? Дживс, если б не вы, я бы сейчас томился в заточении на этой пиратской яхте! Я вам так благодарен, неужели вы не понимаете?
- Как же, сэр.
- Кстати, есть сегодня поезд на Лондон?
- Есть, сэр. В 22.21. Вы свободно успеете на него. Боюсь, это не экспресс.
- Я махнул рукой:
 - Любой годится, Дживс, лишь бы двигался, лишь бы колеса крутились и станции проползали мимо. Доброй ночи.
 - Доброй ночи, сэр.

Я вошел в коттедж в приподнятом настроении. И радость моя ничуть не уменьшилась, когда я обнаружил, что Бринкли до сих пор не вернулся. Как хозяин я имел полное право

посмотреть косо на то, что эту скотину отпустили на один вечер, а он прихватил ночь, а заодно и день, но в качестве частного лица с густым слоем ваксы на физиономии я его отсутствие только приветствовал. В таких случаях, любит повторять Дживс, что может быть дороже уединенья?

Я скорей в спальню, налил в таз воды из кувшина, потому что в сельских коттеджах Чаффи ванные комнаты были не предусмотрены. Окунул лицо в воду и хорошенько намылил, потом тщательно ополоснул и подошел к зеркалу. Вообразите же мое смятение, когда я увидел, что по-прежнему чернехонек, как негр, будто и не умывался. Порой жизнь вынуждает нас шевелить извилинами, и я довольно скоро набрел на разгадку: вспомнил, что слышал от кого-то или где-то читал, что ваксу можно удалить сливочным маслом. Только я хотел спуститься вниз и взять масленку, как вдруг услышал шум.

А когда человек в моем положении, которое можно сравнить лишь с положением загнанного оленя, слышит в доме шум, он должен очень и очень хорошо подумать, какой шаг ему следует предпринять. Вполне возможно, размышляя я, что это бежит по следу Дж. Уошберн Стоукер, он заглянул в каюту, увидел, что она пуста, и, естественно, первым делом кинулся к моему коттеджу. Поэтому покинуть спальню я покинул, но не как разъяренный лев, вырвавшийся из своего логова, а скорее как робкая улитка, чуть высунувшая во время грозы рожки из раковины. Я просто встал на пороге и чутко вслушивался.

А в доме происходило что-то очень любопытное. Не знаю, кто устроил этот шум, но устроил он его в гостиной, и, как мне показалось, там крушили мебель. Сообразив, что, даже охотясь за мной, папаша Стоукер, человек умный и практичный, не стал бы терять время на такую глупость, я собрался наконец с силами, подкрался на цыпочках к перилам иглянул одним глазком вниз.

Это я только говорю – гостиная, на самом деле это был просто холл. Холл был довольно прилично обставлен: стол, высокие стоячие часы, диван, два стула, несколько стеклянных витрин с чучелами птиц. С того места, где я стоял возле перил и глядел вниз, вся композиция лежала передо мной как на ладони. Внизу было темно, но я все видел, потому что на каминной полке горела керосиновая лампа. В ее свете мне удалось разглядеть, что диван перевернут, стулья торчат из окна, витрины с чучелами птиц разбиты, и последний штрих – в дальнем углу какая-то смутная тень вела борцовский поединок со стоячими часами.

Я не мог бы с уверенностью сказать, кто из них одерживает победу. Почувствуй я спортивный азарт, я бы, пожалуй, все-таки поставил на часы, но никакого спортивного азарта не было и в помине. В положении участников вольного поединка произошло неожиданное изменение, и я увидел лицо смутной тени. Это был Бринкли. Можете себе представить, какое возмущение меня охватило! Этот большевистский выродок вернулся домой, точно паршивая овца, прошлявшись

где-то больше суток, к тому же мертвецки пьяный.

Во мне мигом проснулся владелец собственности. Я забыл о том, что не надо мне показываться людям на глаза, во мне пылал праведный гнев: как смеет этот слабоумный изобретатель пятилеток разрушать жилище Вустера!

– Бринкли! – рявкнул я.

Наверное, сначала он подумал, что голос исходит из часов, потому что набросился на них с удвоенной злобой. Потом вдруг увидел меня, оторвался от часов и застыл в удивлении. Часы покачались вправо-влево, с резким толчком встали в вертикальное положение и, пробив тринадцать ударов, замолкли.

– Бринкли! – снова крикнул я и хотел добавить «Черт вас подери!», но тут глаза его заблестели – именно так блестят глаза у человека, когда он все понял. Бринкли еще с минуту постоял, выпучившись, потом как завопит:

– Господи помилуй! Сатана!

И, схватив мясницкий нож, который он положил на каминную полку, видимо считая, что такую вещь всегда полезно иметь под рукой, он прыжками кинулся вверх по лестнице.

Да, жизнь моя была на волоске. Если у меня когда-нибудь будут внуки – сейчас мне, впрочем, кажется, что вряд ли, – и они захотят, собравшись возле моих колен, чтобы я рассказывал им на ночь сказки, я расскажу им, как влетел в спальню на сотую долю секунды раньше этого убийцы с ножом. И

если после моего рассказа они станут биться ночью в судорогах и без конца просыпаться с криком, они получат лишь слабое представление о том, что тогда пережил их дряхлый дед. Утверждать, что Бертрам почувствовал себя в безопасности, когда захлопнул за собой дверь, заперся на ключ, приставил к двери кресло, а к креслу придвинул кровать, было бы намеренным искажением. Вы поймете, каково было в тот миг мое душевное состояние, если я признаюсь: загляни сейчас ко мне Дж. Уошберн Стоукер, я обрадовался бы ему как родному брату.

Бринкли через замочную скважину уговаривал меня выйти из комнаты, ему непременно нужно посмотреть, какого цвета у меня внутренности. И знаете, что было особенно страшно в этом безумии? Он обращался ко мне очень почтительно, точно так же, как и всегда. Даже все время называл «сэр», что уж было полным абсурдом. Представьте ситуацию: вы просите человека выйти из комнаты, чтобы разрезать его на части мясницким ножом, какой смысл добавлять чуть не к каждому слову «сэр»? Одно с другим плохо согласуется.

Тут мне подумалось, что для начала следует развеять явное заблуждение, которое возникло в его мозгу.

И я приблизил губы к двери.

– Бринкли, да вы успокойтесь.

– Успокоюсь, если вы выйдете из комнаты, сэр, – ответил он вежливо.

– Поймите, я вовсе не Сатана.

– Нет, сэр, вы Сатана.

– Да нет же, говорю вам.

– Вы Сатана, сэр.

– Я – мистер Вустер.

Он издал истошный вопль:

– У него там мистер Вустер!

Нынче не принято произносить вслух монологи, находясь наедине с самим собой, не то что в старину, поэтому я заключил, что он адресует к какому-то третьему лицу. И конечно же, услышал зычный, одышливый, аденоидный голос:

– Что там такое происходит?

Мой вечно бодрствующий сосед, сержант полиции Ваулз!

Осознав, что рядом находится представитель Закона, я почувствовал невыразимое облегчение. Конечно, мне далеко не все нравится в этом бдительном служаке – к примеру, его привычка совать нос в чужие гаражи и садовые сараи, однако привычки привычками, а в такой ситуации его появление, без всякого сомнения, может оказаться чрезвычайно полезным. Не всякий справится с допившимся до белой горячки лакеем, тут нужен сильный характер и присутствие духа, а этими качествами наш необъятных размеров хранитель мира и спокойствия обладал в полной мере. И я только собрался призвать его к выполнению долга соответствующими криками из-за двери, как вдруг какой-то голос шепнул мне,

что благоразумнее промолчать.

Беда в том, что эти ревностно несущие службу полицейские сержанты непременно должны задержать вас и допросить. Обнаружив Бертрама Вустера, который расхаживает по дому в подозрительном виде с черной от ваксы физиономией, сержант Ваулз вряд ли просто посмеется и уйдет, не тот это человек. Как я уже сказал, он задержит меня и станет допрашивать. Вспомнив наши с ним встречи прошлой ночью, он проявит особую настороженность. Непременно захочет отвести меня в полицейский участок, пошлет кого-нибудь к Чаффи и попросит его прийти и посоветовать, что со мной делать. Вызовут врачей, начнут прикладывать лед. И в конечном итоге продержат меня в околотке бог весть сколько, старый хрыч Стоукер успеет обнаружить, что моя каюта пуста, постель не смята, и ринется на берег, чтобы изловить беглого жениха и снова водворить на яхту.

Так что, хорошенько подумав, я решил молчать. И затаил дыхание.

Из-за двери доносился оживленный диалог, и даю вам честное слово: не знай я с высшей степенью достоверности, как сильно пьян этот страннейший тип Бринкли, подумал бы, что он из отряда девочек-скаутов, вообще капли в рот не берет. Если вселенская пьянка и оказала на него какое-то действие, то оно ощущалось лишь в необыкновенной ясности речи и кристальной четкости артикуляции, будто серебряный колокольчик звенел.

– Там, в комнате, – Сатана, сэр, он сейчас убивает мистера Вустера, – говорил Бринкли, и клянусь, я ни у кого не слышал таких богатых модуляций в голосе, разве что у дикторов радио.

Думаю, вы сочли бы такого рода сообщение в достаточной мере сенсационным, однако ум сержанта Ваулза откликнулся на него не сразу. Сержант был из тех педантов, которые любят делать все строго по порядку и расставлять по своим местам. Сейчас, судя по всему, его интерес был сосредоточен исключительно на мясницком ноже.

– Почему у вас в руках этот нож? – спросил он.

Сколько уважения прозвучало в ответе Бринкли, какая почтительность, превзойти его было просто невозможно!

– Я его взял, сэр, чтобы сражаться с Сатаной.

– С каким таким Сатаной? – спросил сержант Ваулз, обращаясь к следующему пункту из списка актуальных вопросов.

– С черным Сатаной, сэр.

– С черным?

– Да, сэр. Он в этой комнате, убивает мистера Вустера.

Теперь, когда они наконец добрались до этого сообщения, сержант Ваулз проявил интерес и к нему.

– В этой комнате?

– Да, сэр.

– Убивает мистера Вустера?

– Да, сэр.

– Мы не можем этого допустить, – сурово произнес сер-

жант Ваулз и прищелкнул языком, я это слышал.

В дверь властно постучали.

– Эй!

Я продолжал благоразумно молчать.

– Извините меня, сэр, – это сказал Бринкли, и, судя по звуку шагов на лестнице, я понял, что он покинул наше небольшое общество, вероятно, для того, чтобы еще раз вступить в единоборство с часами.

Снова раздался стук.

– Эй вы, там!

Я воздержался от комментария.

– Мистер Вустер, это вы там, в комнате?

Я понимал, что беседа носит несколько односторонний характер, но изменить положение не мог. Приблизился к окну и выглянул, просто так, без всякой цели, и только сейчас – не знаю, поверите вы мне или нет, – в голове вдруг мелькнула мысль, что ведь можно и улизнуть подальше от этой отвратительной сцены. До земли было недалеко, я сразу почувствовал великое облегчение и принялся связывать простыни, чтобы потом дать деру к калитке.

И тут сержант Ваулз вдруг снова подал голос:

– Эй!

И снизу ему ответил Бринкли:

– Да, сэр?

– Вы там поосторожней с лампой.

– Да, сэр.

– Смотрите не опрокиньте ее.

– Да, сэр.

– Эй!

– Да, сэр?

– Вы сейчас дом подожжете!

– Да, сэр.

Где-то разбилось стекло, и сержант Ваулз поскакал вниз. И тотчас же раздался звук, который позволил мне заключить, что Бринкли исчерпал все свои возможности, выбежал из парадной двери и захлопнул ее за собой. Потом дверь еще раз хлопнула, наверное, сержант тоже устремился в сад. А в замочную скважину стала вползать тонкая струйка дыма.

До чего же славно горят наши старые сельские коттеджи! Вы просто подносите к ним спичку – или роняете в холле керосиновую лампу, как в нашем с вами случае, – и они вспыхивают, как хворост. Не прошло и минуты, как я услышал веселое потрескивание, а пол в углу комнаты вдруг жизне-радостно запылал.

Для Бертрама этого оказалось довольно. Только что я спокойно связывал простыни, надеясь отбыть, что называется, с большой пышностью, не спешил, не суетился и вообще делал все в свое удовольствие. Но теперь времени терять нельзя, тут не до вальяжности, не до праздного комфорта. Дальше все понеслось таким темпом, что кошки на раскаленной крыше могли бы научиться у меня многим полезным приемам.

Помню, мне как-то встретился в газете такой психологический тест под названием: «Что вы станете спасать, если в доме начнется пожар?» Кажется, среди предложенных на выбор ответов фигурировал грудной младенец, картина несметной ценности и, если не ошибаюсь, парализованная тетушка. Богатый выбор, я понимаю, вам рекомендовалось сосредоточиться и всесторонне обдумать каждый вариант.

Но я сейчас не стал и думать. Банджо! Где оно? Черт, я же оставил его в гостинной! Надеюсь, вы поймете мое горе, когда я это вспомнил. Но бежать вниз за дорогим сердцу музыкальным инструментом было невозможно. Задорно пляшущий огонь быстро распространялся, так что я вообще имел верные шансы зажариться, как фазан. Горестно вздохнув, я кинулся к окну и пал на землю, как роса.

Или дождь? Вечно забываю. Вот Дживс, тот все помнит.

Я благополучно приземлился, тихонько пробрался сквозь живую изгородь в том месте, где мой сад за домом граничит с крошечным участком сержанта Ваулза, и давай бог ноги, пока не оказался в небольшом лесу примерно в полумиле от бурлящего центра событий. Небо было охвачено заревом, я слышал, как там, вдали, местная пожарная команда тушит пожар.

Я сел на пенек и стал обдумывать положение, в котором оказался.

По-моему, Робинзон Крузо, когда жизнь переставала гладить его по головке, – а может, это был не Робинзон Крузо, а

кто-то другой, — имел обыкновение составлять что-то вроде расчета прибылей и убытков, чтобы понять, в выигрыше он находится в данный момент или в проигрыше. Я считаю, он очень правильно поступал.

Вот и я тоже сделал сейчас такой расчет. В уме, конечно, и настороженно оглядываясь по сторонам, не появились ли преследователи.

Вот что у меня получилось:

У кого? Ну конечно, у Дживса. Нужно только пойти в замок, рассказать все Дживсу и попросить его помочь. И все, больше волноваться не о чем, Дживс принесет тонну сливочного масла. Видишь, как все легко и просто, нужно только уметь шевелить извилинами и никогда не терять голову.

И клянусь, записать что-нибудь против этого пункта в графу «Убытки» было нечего. Я тщательно его проанализировал, пытаясь найти в нем хоть какой-нибудь изъян, но через пять минут увидел, что счет убытков в этой строчке так и останется пуст. Я в несомненном выигрыше.

Конечно, размышлял я, подумать бы мне об этом решении с самого начала. Ну что может быть проще, рассудите сами. Дживс, конечно, сейчас уже в замке, нужно только пойти туда и найти его, он принесет на роскошном подносе сколько угодно сливочного масла. И не только принесет масла, но и одолжит денег, чтобы купить билет до Лондона, и, может

быть, даже еще останется на молочную шоколадку, они есть в автомате на станции. Ура, я спасен.

Я поднялся со своего пенька в довольно бодром настроении и двинулся в путь. Спасая свою жизнь, если можно так сказать, я слегка заблудился, но, в общем, довольно скоро вышел на дорогу и через какие-нибудь четверть часа постучал в дверь, где находились людские помещения замка.

Ее отперла небольшого роста особа женского пола – как я определил, судомойка, – и, увидев меня, в ужасе ахнула, потом с пронзительным визгом шлепнулась навзничь и принялась кататься, колотя по полу пятками. Очень может быть, что изо рта у нее шла пена.

Глава XIV

В поисках масла

Должен признаться, я пережил очень неприятный шок. До сих пор я и не подозревал, какую важную роль в жизни людей играет цвет их лица. Я хочу сказать, что если бы в дверь людской половины Чаффнел-Холла постучал Бертрам Вустер с ровным здоровым загаром на физиономии, его встретили бы почтительно и с уважением. Девушка, занимающая общественное положение судомойки, скорее всего присела бы в поклоне. Думаю, интересная бледность или угри ничего бы существенно не изменили. Но небольшое количество ваксы вызвало у этой особы корчи и катание по полу в коридоре.

Что ж, мне, конечно, оставалось только одно. В коридоре уже слышались голоса, расспросы, через минуту сюда нахлынут все обитатели дома, и я бросился наутек. Ясно, что в скором времени парк возле людских помещений подвергнется обыску, и потому я обежал дом и нырнул в кусты неподалеку от парадного входа.

Здесь я затаился. Наверное, прежде чем действовать дальше, следует тщательно проанализировать сложившееся положение и обдумать, каким должен быть следующий шаг.

В других условиях – если бы я, например, сидел, комфортно развась в шезлонге с небрежной сигаретой, вместо того

чтобы чуть не припадать к земле в диких зарослях, где мне на затылок то и дело пикировали жуки, – наверняка окружающий меня пейзаж и вообще обстановка, в которой я находился, доставили бы мне массу удовольствия и даже взволновали душу. Я всегда любил тишину и покой старинного английского парка в ту пору, когда ужин уже кончился, а время смешивать перед сном коктейль еще не наступило. Из кустов, где я сидел, мне виделась на фоне неба громада Чаффнел-Холла, и, ей-богу, это было величественное зрелище. В кронах деревьев возились птицы, и, я думаю, где-то поблизости находилась клумба с левкоями и душистым табаком, потому что запах в воздухе стоял замечательный. Добавьте глубочайший покой летней ночи, и вы поймете, какие чувства я испытывал.

Однако минут через десять этот прекрасный покой летней ночи был разрушен. В одной из комнат замка громко кричали. Я узнал голос малявки Сибири и, помнится, порадовался, что и у него тоже случаются неприятности. Немного погодя он перестал вопить – подозреваю, конфликт возник из-за того, что кто-то пытался отправить его спать, а он не хотел идти, – и снова все стихло.

Но очень скоро послышались шаги. Кто-то шел по дорожке к парадному крыльцу.

Первая моя мысль была, что это сержант Ваулз. Видите ли, Чаффи – местный мировой судья, и я решил, что после пожара в коттедже Ваулз первым долгом побежит к началь-

ству с докладом. Я поглубже втиснулся в кусты.

Но нет, это оказался не сержант Ваулз. Силуэт идущего мелькнул на фоне неба, и я увидел, что он выше ростом и не столь необъятной толщины. Он поднялся по ступеням и принялся стучать в дверь.

Ей-богу, это был всем стукам стук. Я-то думал, что Ваулз прошлой ночью показал класс у двери моего коттеджа, но куда ему было до этого малого, так, жалкий дилетантишко рядом с профессионалом высшего класса. С тех пор как первый из рода Чаффнелов приделал к двери этот дверной молоток, клянусь, никто не задавал ему такого жару.

Отрываясь от молотка передохнуть, детина пел торжественным голосом какой-то хорал. Если не ошибаюсь, это был «Веди нас, благодатный свет», и по этому хоралу я узнал исполнителя. Мне уже доводилось слышать этот визгливый фальцет. Поселившись в коттедже, я в первый же день запретил Бринкли петь на кухне, пока я сам разучиваю фокстроты на банджо в гостиной. Второго такого голоса в Чаффнел-Риджисе просто не могло быть. Итак, ночным гостем оказался не кто иной, как мой мертвецки пьяный лакей, и что ему понадобилось в замке, было полной загадкой.

В доме зажгли свет, парадная дверь рывком распахнулась. Я услышал голос – нужно сказать, ужасно недовольный голос, и это был голос Чаффи. Конечно, сквайр Чаффнел-Риджиса обычно возлагает обязанность открывать дверь на прислугу, но, я думаю, он решил ввиду кошмарного тара-

рама, который устроил ночной пришелец, сделать на сей раз исключение. И вышел на порог, отнюдь не пылая радушием и гостеприимством.

— Какого черта вы подняли этот возмутительный шум?

— Добрый вечер, сэр.

— При чем тут добрый вечер? Вы что себе...

Видно, он приготовился отчитать его по первое число, потому что здорово разозлился, но Бринкли его прервал:

— Сатана здесь?

Вопрос был простой, на него можно ответить «да» или «нет», но Чаффи почему-то слегка растерялся.

— М-м... кто?

— Сатана, сэр.

Должен сказать, что никогда не предполагал у старины Чаффи большой остроты ума, его сильной стороной всю жизнь были мускулы и мышцы, а не серое вещество, но сейчас, к его чести, выяснилось, что он наделен тонким и здравым чутьем.

— Вы пьяны.

— Да, сэр.

Чаффи взорвался как бомба. Я довольно хорошо представляю себе, что происходило в его душе все это время. После той злосчастной сцены в коттедже, когда любимая девушка дала ему отставку и исчезла из его жизни, он, я думаю, кипел гневом, предавался скорби, томился в мучениях и прочее, и прочее, как и положено страдающему влюблен-

ному, ища выхода своим подавленным чувствам, и вот сейчас он этот выход нашел. С того достойного сожаления происшествия он жаждал излить на кого-нибудь накопившуюся горечь, и небо послало ему алкоголика, который чуть не разнес ему дверь.

Пятый барон Чаффнел в мгновение ока спустил Бринкли с лестницы и пинками погнал прочь по дорожке. Они пробежали мимо купы кустов, где я прятался, со скоростью сорока миль в час, не меньше, и скрылись вдали. Немного погодя я услышал шаги, кто-то насвистывал песенку. Это возвращался Чаффи, думаю, на душе у него полегчало.

Как раз напротив меня он остановился закурить сигарету, и я решил его окликнуть, самое время.

Помните, я совсем не рвался вступать в беседу со старинной Чаффи, ведь когда мы с ним прощались в последний раз, он был настроен отнюдь не дружелюбно, и, будь мое положение чуть более радужным, я бы ни за что не стал его окликать. Но что греха таить, он был моя последняя надежда. Каждый раз, как я подхожу к людской двери, с целым штатом судомоек делается истерика, поэтому связаться нынче с Дживсом и думать нечего. Точно так же немислимо зайти к каким-нибудь совершенно незнакомым людям в дом здесь, в Чаффнел-Риджисе, и попросить у них сливочного масла. Поставьте себя на их место: к вам в дом заявляется какой-то субъект, которого вы сроду в глаза не видели, физиономия в ваксе, и хочет, чтобы вы дали ему масла. Понравится вам

это? Никогда не поверю.

Итак, весь ход логических рассуждений указывал на Чаффи как на моего единственного спасителя. В его распоряжении имеется сливочное масло, и очень может быть, что теперь, когда он излил часть своей злости на Бринкли, он немного смягчился и, так уж и быть, даст старому школьному другу четверть фунта. Поэтому я неслышно выполз из зарослей и приблизился к нему с тыла.

– Чаффи! – позвал я.

Теперь-то я понимаю, что сначала надо было как-то предупредить его, что я здесь. Ни одному нормальному человеку не понравится, если вы подкрадетесь сзади и неожиданно скажете что-то прямо в ухо, в более спокойном состоянии я бы это сообразил. Не утверждаю, что повторилась сцена с судомойкой, но был миг, когда мне показалось, что мы близки к ней. Бедный малый буквально подпрыгнул, сигарета полетела на землю, зубы лязгнули, он задрожал. Можно подумать, я его шилом кольнул через брюки. Очень похоже ведет себя во время нереста лосось, я видел.

Я кинулся разгонять грозовые тучи умиротворяющими речами:

– Чаффи, это всего лишь я.

– Кто – я?

– Берти.

– Берти?

– Ну конечно.

– А!

Мне не очень понравилось, как он произнес это «А!», не было в нем дружественной теплоты. Жизнь учит нас понимать, когда нам рады, а когда нет. Сейчас мне было яснее ясного, что никто мне не обрадовался, и я подумал, что, пожалуй, стоит сначала поощрить Чаффи щедрой похвалой, а уж потом приступить к главной теме.

– Ну ты и отделал нахала, – сказал я. – Прими мои поздравления. Мне это было особенно приятно видеть, потому что самому давно хотелось надавать ему пинков.

– А кто это был?

– Мой лакей, Бринкли.

– Что он здесь делал?

– Надо полагать, меня искал.

– Почему здесь искал, а не в коттедже?

По-моему, как раз подходящий момент сообщить ему о пожаре.

– Боюсь, Чаффи, ты лишился одного из своих коттеджей, – сказал я. – Мне очень горько тебе это говорить, но Бринкли только что его спалил.

– Что?!

– Он, конечно, застрахован?

– Он спалил коттедж? Но зачем? Почему?

– Просто стих такой нашел. Наверное, решил, что очень удачная мысль.

Чаффи принял новость близко к сердцу. Он тяжело заду-

мался, и пусть бы думал себе хоть всю ночь, но мне надо было поспеть к поезду в 22.21, поэтому приходилось действовать. Время уже сильно поджимало.

– Видишь ли, старина, – сказал я, – мне страшно неприятно отрывать тебя...

– Зачем, черт возьми, он сжег коттедж?

– Понять психологию такого субъекта, как Бринкли, невозможно, и пытаться не стоит. Это про них сказано: «Двигутся таинственно и чудеса творят». Сжег – и все.

– А ты уверен, что это он спалил, а не ты?

– Опомнись, дружище!

– Кретинский, тупоголовый идиотизм, как раз в твоём духе, – заметил Чаффи, и я с тревогой услышал в его голосе явственные отзвуки прежней злобы. – Что ты здесь делаешь? Кто тебя звал? Если ты думаешь, что после всего случившегося ты имеешь право разгуливать по парку...

– Да, да, конечно. Я все понимаю. Случилось досаднейшее недоразумение. Дружеские чувства побоку, ты обвиняешь Бертрама. Но...

– Да откуда ты сейчас-то появился? Я тебя нигде не видел.

– Из кустов, я там сидел.

– Сидел в кустах?!

Судя по тону, каким он произнес эти слова, я понял, что Чаффи, и всегда-то склонный выносить сплеча несправедливый приговор старым друзьям, сейчас опять пришел к ошибочному заключению. Я слышал, как чиркнула в его руках спич-

ка, он стал внимательно всматриваться в меня при ее свете. Спичка погасла, в темноте слышалось его тяжелое дыхание.

Я представлял себе, что сейчас творится в его душе. В ней наверняка происходит борьба. После вчерашнего рокового разрыва он, конечно, и знать меня не желает, но ведь мы друзья с детства, и, как ни крути, это накладывает на человека определенные обязательства. Можно прервать дружеские отношения с однокашником, проносилось в его мозгу, но нельзя бросить его на произвол судьбы, чтобы он бродил по округе в том состоянии, в котором, по его представлению, я находился.

– Ладно, зайди в дом, проспись, – устало сказал он. – Идти-то можешь?

– Могу, могу, – поспешно заверил я его. – Это совсем не то, что ты подумал. Вот, слушай.

И я с убедительной четкостью оттарабанил «Habeas Corpus Act»³, а также «Карл украл у Клары кораллы, Клара украла у Карла кларнет» и «На дворе трава, на траве дрова».

Выступление произвело на него должное впечатление.

– Стало быть, ты не пьян?

– Как стеклышко.

– Однако же прячешься в кустах.

– Да, прячусь, но...

– И физиономия у тебя черная.

– Конечно, черная, старик, но ты не вешай трубку, я тебе

³ Закон о неприкосновенности личности (англ.).

сейчас все объясню.

Наверное, вам случалось рассказывать запутанную историю и, еще не добравшись до сути, где-то на половине почувствовать, что публика принимает вас в штыки. Идиотское положение. И в такое вот идиотское положение попал сейчас я. Чаффи ничего не говорил, но я рассказывал и чувствовал, что от него исходит, как от зверя, некая угроза, может быть, и смертельная. Я все явственнее ощущал, что меня ждет отворот поворот.

Однако стойко продолжал свое повествование и, изложив наиболее яркие факты, завершил его пламенной мольбой о растворяющей ваксу субстанции.

– Мне нужно масло, Чаффи, огромный кусок сливочного масла, старина. Если у тебя есть, тащи все. Я тут останусь прогуливаться, а ты в кухню за маслом, одна нога здесь, другая там, согласен? Нельзя терять ни минуты, ты ведь понимаешь. Я и так еле успею на поезд.

Сначала он молчал. Потом заговорил с таким сарказмом, что, честное слово, мое сердце ушло в пятки.

– Позволь, я расставляю все по местам, – сказал он. – Ты хочешь, чтобы я принес тебе сливочного масла?

– Да, мысль именно такова.

– Чтобы ты мог оттереть физиономию и уехать ближайшим поездом в Лондон?

– Да.

– И таким образом сбежать от мистера Стоукера?

– Совершенно верно. Просто удивительно, как легко ты разобрался в хитросплетениях интриги, – сказал я, решив слегка подольститься, ведь грубая лесть никогда не помешает. – Я не знаю ни одного человека, кто смог бы так логически непогрешимо связать концы с концами. Всегда очень высоко ценил твои интеллектуальные способности, Чаффи, старина, чрезвычайно высоко.

Однако сердце продолжало падать. А когда я услышал в темноте, с каким негодованием он фыркнул, оно и вовсе ухнуло в пропасть.

– Понятно, – сказал он. – Иными словами, ты хочешь, чтобы я помог тебе избавиться от обязательств, которые накладывает на человека честь, так ведь?

– При чем тут честь?

– А при том, черт возьми! – заорал Чаффи, и мне показалось, что он дрожит с головы до ног, впрочем, не поручусь – в такой-то темнотище. – Я тебя не прерывал, когда ты излагал свою постыдную историю, хотел все как следует понять. А теперь, может быть, ты будешь так любезен и позволишь высказаться мне.

И он снова фыркнул, как лошадь.

– Вы хотите успеть на лондонский поезд, если я не ошибаюсь? Понятно. Не знаю, Вустер, как вы сами оцениваете собственное поведение, но, если вас интересует мнение совершенно беспристрастного стороннего наблюдателя, могу вам сообщить, что, на мой взгляд, так гнусно способен по-

ступить лишь паршивый пес, презренный негодяй, жалкий червь, клещ-кровосос или клыкастый бородавочник. Подумать только! Эта прекрасная девушка любит тебя. Ее отец, как глубоко порядочный человек, соглашается на короткую помолвку. И вместо того чтобы радоваться, ликовать, быть на седьмом небе от счастья, как... как я не знаю кто, ты хочешь трусливо улизнуть тайком.

– Чаффи, послушай...

– Повторяю: трусливо улизнуть тайком. Ты хочешь подло, бессердечно сбежать, разбить этому изумительному созданию сердце, ты хочешь покинуть ее, оставить, бросить, как... как... черт, я скоро свое собственное имя забуду... как изношенную перчатку!

– Да послушай ты, Чаффи...

– И не пытайся возражать.

– Да не любит она меня, пропади все пропадом, не любит!

– Ха! Бросается ночью с яхты в воду, добирается вплавь до берега, чтобы встретиться с тобой, и не любит? Да она потеряла из-за тебя голову.

– Тебя она любит.

– Ха!

– Тебя, уж поверь. Вчера вечером она уплыла с яхты, чтобы повидаться с тобой. А на брак со мной согласилась, чтобы тебе отомстить: как ты посмел в ней усомниться.

– Ха!

– Опомнись наконец, старина, и принеси мне сливочного

масла.

– Ха!

– И перестань без конца каркать. Слушать тошно, и никак не проясняет суть дела. Чаффи, мне необходимо масло. Сейчас это главное. Если в доме есть всего маленький кусочек, не важно, неси его. Старина, тебя просит Вустер, твой друг, с которым ты учился в начальной школе, с которым ты познакомился, когда мы еще под стол пешком ходили.

Я умолк. Мне показалось, что Чаффи проняло. Я почувствовал, как на мое плечо легла рука и – да, ошибиться было невозможно – сжала его. В этот миг я готов был поспорить на собственную сорочку, что Чаффи расчувствовался.

Расчувствоваться-то он расчувствовался, только не в том направлении.

– Я расскажу тебе, Берти, каково мне сейчас, – произнес он зловеще кротким голосом. – Не стану притворяться, будто я разлюбил Полину. Я по-прежнему ее люблю, несмотря на все то, что произошло. И всегда буду любить. Я полюбил ее в тот самый миг, как впервые увидел. Это было в ресторане отеля «Савой», она сидела на табурете в баре и пила сухой martini, потому что мы с сэром Родериком Глоссом немного опаздывали, и ее отец решил, чем так сидеть, лучше заказать коктейль. Наши глаза встретились, и я понял, что вот она, единственная девушка на свете, о которой я мечтал всю жизнь. Откуда же мне было знать, что она по уши влюблена в тебя.

– Да не влюблена она в меня!

– Теперь я это понимаю и, конечно, понимаю и то, что мне ее никогда не завоевать. Но вот что я хочу сделать, Берти. При всей моей огромной любви к ней я не позволю, чтобы у нее украли счастье. Она должна быть счастлива, только это и важно. Почему-то ее сердце выбрало в мужа тебя. Никто не может этого понять, но нам и не надо ничего понимать. По какой-то непостижимой причине ей нужен ты, и она тебя получит, будьте уверены. Странно, что ты пришел именно ко мне, именно меня попросил помочь тебе вдребезги разбить ее девичьи грезы и растоптать ее святую, детскую веру в человеческую доброту. Надеялся сделать меня соучастником этого преступления? Да никогда! И никакого масла ты от меня не получишь, я не дам тебе ни унции. В таком вот виде и будешь ходить, поразмысли обо всем хорошенько, и я уверен, твое лучшее, высшее «я» укажет тебе правильный путь, ты вернешься на яхту и выполнишь свой долг, как подобает истинному англичанину и джентльмену.

– Да постой ты, Чаффи...

– И если пожелаешь, я буду твоим шафером. Конечно, мне легче в петлю, но я себя преодолею, если ты хочешь.

– Масла, Чаффи!

Он затряс головой:

– Масла ты не получишь, Вустер. Оно тебе не нужно.

И, отшвырнув мою руку, точно изношенную перчатку, он удалился в ночь.

Не знаю, сколько времени я простоял как вкопанный. Может быть, совсем недолго. А может быть, и очень долго. Я был в полном отчаянии, а когда вы в отчаянии, то не очень-то смотрите на часы.

И вот в какой-то миг – пять ли минут спустя, или десять, пятнадцать, а то и все двадцать – я услышал рядом с собой деликатное покашливание, наверное, так почтительная овца пытается привлечь внимание пастуха, и возможно ли описать мое изумление и благодарность, когда я понял, что это Дживс.

Глава XV

Масляная интрига закручивается в штопор

Мне показалось, что произошло чудо, но, конечно, у этого чуда было простое объяснение.

– Я надеялся, сэр, что вы не ушли из парка, – сказал Дживс. – Я вас уже давно ищу. Узнав, что судомойка стала жертвой истерического припадка, вызванного видом черного мужчины, которому она открыла людскую дверь, я пришел к заключению, что, должно быть, это заходили вы и, без сомнения, хотели поговорить со мной. Что-то случилось, сэр?

Я вытер лоб.

– Дживс, – сказал я, – знаете, что я сейчас чувствую? Как будто я маленький ребенок, который потерялся, заблудился и вдруг нашел свою маму.

– Правда, сэр?

– Вы не сердитесь, что я сравнил вас с мамой?

– Ну что вы, сэр, помилуйте.

– Спасибо, Дживс.

– Значит, в самом деле случилось что-то непредвиденное?

– Именно, Дживс. Я попал в дурацкое, отчаянное, безвыходное положение, как тот многострадальный персонаж...

как его звали?

– Иов, сэр.

– Да, Дживс, я могу сравнить себя только с Иовом. Впервые, оказалось, что мылом и водой ваксу не смоешь.

– Это верно, сэр, мне надо было вас предупредить, что тут необходимо масло.

– И только я хотел спуститься взять его, как в дом вломился Бринкли – это мой лакей, вы знаете, – и спалил дом.

– Какая досада, сэр.

– Какая досада, Дживс, в данном случае слишком деликатное выражение. Я получил удар под дых. И пришел сюда. Хотел связаться с вами, но из-за этой судомойки все сорвалось.

– Очень впечатлительная девица, сэр. И по несчастному стечению обстоятельств они с поварихой в момент вашего появления как раз занимались спиритизмом и, насколько я могу судить, добились весьма интересного эффекта. Она считает, что вы материализовавшийся дух.

Меня передернуло.

– Занимались бы поварихи своими ростбифами и котлетами, – сказал я довольно строго, – и не убивали время на оккультные сеансы, тогда всем было бы жить гораздо легче.

– Совершенно справедливо, сэр.

– Ну, и потом я столкнулся с Чаффи. Он категорически отказался одолжить мне масла.

– Неужели, сэр?

– Был настроен очень злобно.

– В настоящее время, сэр, его светлость испытывает сильнейшие душевные страдания.

– Я это понял. Он, по сути, предложил мне погулять по окрестностям. Сейчас, ночью!

– Общеизвестно, сэр, что физические упражнения облегчают душевную боль.

– Ладно, не стоит мне так уж сердиться на Чаффи. Никогда не забуду, как он гнал пинками Бринкли. Просто сердце радовалось. А теперь вот и вы появились, все встало на свои места. Все хорошо, что хорошо кончается.

– Совершенно верно, сэр. Буду рад принести вам сливочного масла.

– Я ведь еще успею на этот поезд в 22.21?

– Боюсь, что нет, сэр. Но я узнал, что есть поезд позднее, в 23.50.

– Тогда все отлично.

– Да, сэр.

Я перевел дух. С души просто глыба свалилась.

– А может быть, Дживс, вы завернете мне несколько бутербродов с собой в дорогу?

– Разумеется, сэр.

– И чего-нибудь живительного?

– Вне всякого сомнения, сэр.

– А уж если у вас с собой есть такая замечательная вещь, как сигареты, то больше человеку и желать нечего.

– Турецкие или виргинские, сэр?

– Давайте и тех и других.

Ничто так не успокаивает, как с чувством, с толком выкуренная сигарета. Я с наслаждением вдыхал дым, и нервы, которые выскочили из моего тела дюйма на два и закрутились на концах спиральями, потихоньку расправились и улеглись на свои места. Я снова ожил, почувствовал прилив сил, и мне захотелось поболтать.

– Дживс, а что там был за крик?

– Прошу прощения, сэр?

– Как раз перед тем, как мне встретиться с Чаффи, в доме раздавались нечеловеческие вопли. Мне показалось, это орал Сибири.

– Да, сэр, это был юный мистер Сибири. Он нынче вечером немного не в настроении.

– А что ему пришлось не по нраву?

– Он ужасно расстроился, сэр, что не был на этом негритянском представлении на яхте.

– Сам виноват, глупый мальчишка. Если хотел пойти на день рождения к Дуайту, зачем было с ним ссориться.

– Вы совершенно правы, сэр.

– Надо быть круглым идиотом, чтобы требовать у человека выкуп в один шиллинг и шесть пенсов накануне дня рождения и праздника.

– Более чем справедливо, сэр.

– И как удалось его уговорить? Он вроде бы перестал

орать. Усыпили хлороформом?

– Нет, сэр. Как я понимаю, были предприняты меры с целью организовать для юного джентльмена некое альтернативное развлечение.

– О чем вы, Дживс? Позвали сюда негров?

– Нет, сэр. Высокая стоимость подобного мероприятия исключила возможность его практического осуществления. Однако ее светлость побудила сэра Родерика Глоссопа предложить свои услуги.

Я совершенно запутался.

– Старикашку Глоссопа?

– Да, сэр.

– Но что он умеет делать?

– Как выяснилось, сэр, у него приятный баритон, и в дни молодости, то есть когда он был студентом, он часто развлекал песнями публику на небольших концертах, где разрешается курить, а также в мужских клубах и прочих собраниях.

– Это старикашка-то Глоссоп?

– Да, сэр. Я лично слышал, как он рассказывал об этом ее светлости.

– Вот уж никогда бы не подумал.

– Я согласен, сэр, судя по его нынешней манере, трудно заподозрить что-либо подобное. *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*⁴.

– Вы хотите сказать, что он намерен услаждать этого недо-

⁴ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (*лат.*).

росля Сибири песнями?

– Да, сэр. А ее светлость будет аккомпанировать ему на фортепьяно.

Я углядел в плане слабое место:

– Ничего не получится, Дживс. Раскиньте мозгами.

– Почему, сэр?

– Сами посудите: мальчишка мечтал попасть на представление негров-менестрелей. Захочет он слушать доктора из психбольницы с белой физиономией, да еще собственную маменьку за роялем?

– Физиономия у него будет не белая, сэр.

– Как – не белая?

– В том-то и дело, сэр. Этот вопрос обсуждался, и ее светлость высказала настоятельное мнение, что представление должно носить негритянский колорит. В подобном настроении юный джентльмен не соглашается ни на малейшие уступки.

От ярости я задохнулся дымом.

– Неужто старик Глоссоп пошел красить свою физиономию в черный цвет?

– Да, сэр.

– Дживс, опомнитесь. Это невозможно, это неправда. Он что, в самом деле раскрашивает себя?

– Да, сэр.

– Не может быть.

– В настоящее время, сэр, как вы, вероятно, помните, сэр

Родерик с большой готовностью принимает все предложения, исходящие из уст ее светлости.

– Вы хотите сказать, он влюблен?

– Да, сэр.

– И любовь готова на все?

– Да, сэр.

– Хм, предположим... Если бы вы были влюблены, Дживс, стали бы вы краситься в черный цвет, чтобы ублажить отпрыска вашей дамы сердца?

– Нет, сэр. Но ведь все люди разные.

– Что верно, то верно.

– Сэр Родерик пытался было возражать, но ее светлость и слушать не стала. И знаете, сэр, я думаю, это и к лучшему, что не стала, учитывая нынешнюю расстановку сил. Великодушный жест сэра Родерика поможет сгладить остроту конфликта между ним и юным мистером Сибири. Мне известно, что юный джентльмен не преуспел в своем предприятии выманить у сэра Родерика откупные деньги и очень болезненно переживал неудачу.

– Он и к старику хотел залезть в бумажник?

– Да, сэр. Десять шиллингов требовал. Эти сведения сообщил мне сам юный джентльмен.

– Эка, Дживс, все доверяют вам свои тайны.

– Да, сэр.

– Стало быть, Глоссоп отказался сделать пожертвование?

– Отказался, сэр. Да еще прочел ему что-то вроде лекции.

Юный джентльмен сказал, что все мухи на расстоянии мили сдохли от скуки. И еще мне известно, что он затаил на сэра Глоссопа злобу и обиду. Да такую сильную, что замышляет акт мести, так мне кажется.

– Неужто у него хватит нахальства подстроить какую-нибудь пакость своему будущему отчиму, как вы считаете?

– Юные джентльмены склонны проявлять своеволие, сэр.

– Это уж да. Как тут не вспомнить сынка тети Агаты, Тоса. Что он тогда вытворял с членом кабинета министров!

– Ваша правда, сэр.

– Разозлился и угнал лодку, оставил его одного на острове посреди озера, где жил лебедь.

– Разве такое забудешь, сэр.

– Кстати, каковы в здешних краях возможности по части лебедей? Признаюсь, я не прочь полюбоваться, как старый хрыч Глоссоп карабкается по отвесной стене, а разъярившаяся птица пытается его ущипнуть.

– Мне представляется, сэр, юного мистера Сибири скорее привлекают мины-сюрпризы.

– Ну еще бы. У малявки никакого воображения, никакого полета фантазии. Его внутренний мир так убог, он такой... подскажите слово, Дживс.

– Приземленный, сэр?

– Именно. В его распоряжении огромный загородный дом со всеми его безграничными возможностями, а он только и додумался, что поставить на дверь пакет с сажей и ведро

воды, такое в пригородном коттедже легче легкого сделать. Всегда был невысокого мнения о Сибири и сейчас в очередной раз убедился, до какой степени я прав.

– Нет, сэр, ни сажу, ни воду не предполагается использовать. На уме у юного джентльмена, как я мог заключить, сэр, старая испытанная каверза – он решил намазать пол маслом. Он осведомлялся у меня вчера, где хранится масло, и вскользь упомянул, что подобный эпизод был показан в юмористическом фильме, который он смотрел недавно в Бристоле.

Я был вне себя от возмущения. Клянусь, любая гадость, причиненная такому отвратительному субъекту, как сэр Родерик Глоссоп, вызовет в душе Бертрама Вустера глубочайшее сочувствие, но намазать пол маслом... это уж крайняя степень падения. Примитивнейшие азы в искусстве миньюрпризов, просто детский лепет. У нас в «Трутнях» никто бы до такого не опустился.

Я было презрительно засмеялся, но тут же опомнился. Слово «масло» напомнило мне, что жизнь полна трудностей и сурова, а время летит быстро.

– Масло, Дживс! Мы тут с вами стоим праздно и рассуждаем о масле, а вам бы уже давно пора сбегать в кладовую и принести мне кусок.

– Немедленно отправляюсь, сэр.

– Вы ведь знаете, где оно лежит?

– Да, сэр.

– А оно точно поможет, вы уверены?

– Совершенно уверен, сэр.

– Тогда вперед, Дживс. И не задерживайтесь.

Я уселся на перевернутый цветочный горшок и возобновил свое ночное бдение. Но теперь я чувствовал себя совсем не так, как вначале, когда только водворился в эти вожаделенные владения. Тогда я был изгой без гроша, как говорится, в кармане, без будущего. Сейчас передо мной забрезжил свет. Скоро вернется Дживс и принесет все, что нужно. Немного усилий, и я вновь стану румяным завсегдатаем аристократических клубов, каким был раньше. И в положенный срок благополучно сяду на поезд 23.50, который повезет меня в Лондон, где я окажусь в полной безопасности.

Я совсем прибодрился. На сердце было легко, я с наслаждением вдыхал свежий ночной воздух. И, вдохнув его очередной раз, услышал, что в доме вдруг поднялся жуткий крик.

Больше всех старался Сибери. Он орал как резаный. Время от времени сквозь его ор пробивался более слабый, однако пронзительный визг вдовствующей леди Чаффнел, она то ли укоряла, то ли умоляла кого-то. С ее голосом сплетался другой, более низкий, баритон сэра Родерика Глоссопа, который невозможно было не узнать, – так вот, он рычал. Видимо, местом, откуда исходила эта адская какофония, была гостиная, и клянусь, я в жизни не слышал ничего подобного, если не считать того случая, когда я бродил по Гайд-парку и

вдруг оказался в толпе какого-то хорового братства.

Довольно скоро парадная дверь распахнулась, кто-то вышел, и дверь захлопнулась. И тот, кто вышел, быстро зашагал по дорожке по направлению к воротам. Свет из холла осветил его лишь на миг, но этого было достаточно, я узнал идущего.

Человек, так неожиданно выскочивший из дома и теперь уходящий во тьму со всеми внешними признаками того, что уходит навсегда, с него довольно, был не кто иной, как сэр Родерик Глоссоп. И его физиономия, я заметил, была черна, как пиковый туз.

Прошло несколько минут, я пытался разгадать, что стряслось в доме, и вообще как-то связать концы с концами и тут заметил на правом фланге Дживса.

Обрадовался, конечно, стал расспрашивать:

– Что там такое было, Дживс?

– Это вы о небольшом шуме, сэр?

– Было полное впечатление, что Сибири убивают. Впечатление, увы, оказалось обманчивым?

– Юный джентльмен в самом деле оказался жертвой телесного насилия, сэр. Со стороны сэра Родерика Глоссоба. Я не был свидетелем этого происшествия, я получил все сведения от горничной Мэри, она лично там присутствовала.

– Лично?

– Подсматривала сквозь дверную щель, сэр. Она случайно встретила сэра Родерика на лестнице, и его вид произвел на

нее сильнейшее впечатление, она сказала мне, что стала за ним незаметно красться, хотела посмотреть, что будет дальше. Думаю, сэр, она умирала от любопытства. Как и многие нынешние молодые девицы, она не слишком щепетильна в вопросах морали.

– И что произошло?

– Скандал, как мне кажется, начался, когда сэр Родерик, проходя по холлу, наступил на масло, которое юный джентльмен размазал по полу.

– А, так он осуществил свой замысел?

– Да, сэр.

– И сэр Родерик шмякнулся, как лягушка?

– Видимо, рухнул всей тяжестью, сэр. Горничная Мэри описывала сцену падения с большим воодушевлением. Как будто тонну угля сбросили, сказала она. Признаюсь, это образное сравнение несколько удивило меня, потому что изображение у нее не слишком богатое.

Я с пониманием усмехнулся. Может быть, вечер начался не наилучшим образом, но конец у него, несомненно, счастливый.

– Взбешенный сэр Родерик ворвался в гостиную и подверг юного мистера Сибири жестокому наказанию. Тщетно ее светлость пыталась убедить его остановиться, он был неумолим. Завершилось все окончательным разрывом между ее светлостью и сэром Родериком, причем ее светлость заявила, что видеть его больше не желает, а сэр Родерик тор-

жественно поклялся, что, если он выберется живым из этого проклятого дома, ноги его здесь никогда больше не будет.

– Форменный скандал, Дживс.

– Скандал, сэр.

– И помолвка вдребезги?

– Вдребезги, сэр. Привязанность, которую ее светлость питала к сэру Родерику, была в мгновение ока смыта приливом оскорбленной материнской любви.

– Хорошо сказано, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

– А сэр Родерик, стало быть, свалил навсегда?

– Видимо, так, сэр.

– В последние дни в Чаффнел-Холле сплошные напасти.

Можно подумать, кто-то наслал на него проклятье.

– Человек суеверный, несомненно, так бы и решил, сэр.

– Что ж, если на нем раньше не было проклятья, теперь легло не меньше сотни. Их насылал старикан Глоссоп, я слышал, когда он проходил мимо.

– Насколько я могу судить, сэр, он был очень взволнован?

– Ужасно взволнован, Дживс.

– Так я и подумал, сэр. Иначе он не ушел бы из дома в таком виде.

– О чем вы?

– Ну как же, сэр, извольте рассудить сами. Вернуться в гостиницу в сложившихся обстоятельствах он вряд ли сможет. Его внешний вид вызовет нежелательные высказывания. И

в замок вернуться после случившегося инцидента тоже нельзя.

До меня начало доходить, к чему он клонит.

– Черт возьми, Дживс! Вы направили мои мысли в совершенно новое русло. Давайте проанализируем ситуацию. В гостиницу он не может вернуться, это ясно как день; не может также приползти к вдове и просить у нее приюта, это тоже ясно. Все, тупик. Не представляю, что ему делать дальше.

– Положение и в самом деле затруднительное, сэр.

Я задумался. И странное дело: вы наверняка решили, что меня переполняла тихая радость, а мне на самом деле было немного грустно.

– Знаете, Дживс, хоть в прошлом этот субъект и вел себя по отношению ко мне подло, мне его сейчас жалко. Ничего не могу с собой поделать. Он в жуткой ловушке. Положение у него просто кошмарное. Я на собственной шкуре испытал, что значит быть скитальцем с черной физиономией, но мне хоть не надо было заботиться о сохранении собственного достоинства. Ну, увидел бы меня свет в таком виде, пожал бы плечами и усмехнулся: дескать, молодо-зелено, чего от меня ждать, вы согласны?

– Да, сэр.

– А с человека, занимающего такое положение, как он, совсем другой спрос.

– Совершенно справедливо, сэр.

– Ну и ну, Дживс, ну и дела. Мне кажется, Дживс, я знаю

разгадку: это небесная кара.

– Вполне возможно, сэр.

Я не часто морализирую, но тут уж не смог удержаться:

– Она только доказывает, Дживс, что мы всегда должны относиться к людям по-человечески, даже к самым незаметным. Сколько лет этот тип Глоссоп попирает меня своими ботинками с шипами на подошвах, и вот смотрите, чем все кончилось. Ведь как бы сейчас развивались события, будь он со мной в дружеских отношениях? Исключительно благоприятно для него же. Увидев, что он пулей мчится мимо меня, я бы его окликнул. Сказал бы: «Привет, сэр Родерик, подождите минутку. Стоит ли бегать по округе с черной физиономией? Составьте мне компанию, скоро придет Дживс, принесет масло, и все уладится». Сказал бы я так, Дживс, как вы считаете?

– Без сомнения, сэр, что-то в этом духе вы непременно бы сказали.

– И он не попал бы в этот ужасный тупик, как многострадальный Иов. Думаю, до утра ему маслом не разжиться. Да и утром сомнительно, ведь у него наверняка при себе нет денег. И все потому, что он так третировал меня раньше. Есть над чем задуматься, верно, Дживс?

– Да, сэр.

– Но что сейчас об этом говорить. Сделанного не воротишь.

– Совершенно справедливо, сэр. То, что начертано неви-

димой рукой, перечеркнуть бессильны мы с тобой. Ни ум, ни праведность не уберут ни строчки, не смоют даже слова слез рекой.

– В самую точку, Дживс. А теперь давайте масло. Пора приступать к делу.

Он почтительно вздохнул.

– Я с величайшим прискорбием вынужден вам сообщить, сэр, что юный мистер Сибери размазал все масло по полу и в доме не осталось ни унции.

Глава XVI

Ночные страсти во вдовьем флигеле

Я как стоял, так и окаменел с протянутой рукой. Двинуться с места я не мог. Помню, однажды в Нью-Йорке, когда я прогуливался по Вашингтон-сквер, дыша свежим воздухом, мне в жилет вонзился грустноглазый мальчишка-итальянец, какие тучами носятся там взад-вперед на роликовых коньках. Он завершил свой путь на третьей пуговице сверху, и я почувствовал примерно то же, что и сейчас. Словно на меня вдруг мешок с песком свалился, я задохнулся от боли, в глазах потемнело, еще немного – и дух из меня вон.

– Как не осталось?!

– Увы, сэр.

– Так масла нет?

– Нет, сэр.

– Дживс, это катастрофа.

– Положение действительно в высшей степени неприятное, сэр.

Если у Дживса и есть недостаток, то он заключается в том, что в подобных случаях он склонен вести себя гораздо более спокойно и сдержанно, чем хотелось бы пожелать. Я обычно не выражаю неудовольствия, потому что он решительно берет все в свои руки и очень скоро предлагает совету директоров одно из своих зрелых решений. Однако иногда ужасно

хочется, чтобы он немножко потрепыхался, посуетился, по-
ахал. Вот и сейчас очень этого не хватало. Например, это его
определение «неприятное» отстояло от объективной оценки
фактов на расстояние в десять световых лет.

– Что же мне теперь делать?

– Боюсь, сэр, снятие ваксы с вашего лица придется на
некоторое время отложить. У меня появится возможность
доставить вам масло только завтра.

– А сегодня?

– Боюсь, сэр, сегодня вам придется остаться *in status quo*⁵.

– Что-что?

– Это латынь, сэр.

– Вы хотите сказать, до завтра ничего нельзя сделать?

– Боюсь, сэр, ничего. Это обидно.

– Вы даже рискнете употребить столь сильное выражение?

– Рискну, сэр. В высшей степени обидно.

Я дышал не без некоторой стесненности.

– Ну что ж, Дживс, обидно так обидно.

Я погрузился в размышления.

– А что же мне делать до тех пор?

– Поскольку вечер у вас выдался довольно утомительный,
сэр, я думаю, вам стоило бы хорошенько выспаться.

– На траве?

– Я позволю себе дать совет, сэр: мне кажется, во вдовьем
флигеле вам будет удобнее. До него рукой подать, к тому же

⁵ В нынешнем положении (*лат.*).

он сейчас пустует.

– Не может быть. Там всегда кто-то живет.

– Когда ее светлость и юный мистер Сибери переезжают жить в Чаффнел-Холл, один из садовников выполняет обязанности сторожа, но вечера он обычно проводит в деревне, в «Гербе Чаффнелов». Вы с легкостью проникнете в дом и расположитесь в одной из комнат наверху, он и знать ничего не будет. А завтра утром я принесу вам туда все необходимое.

Если честно, я совершенно не так представляю себе сибиритски проведенную ночь.

– Ничего поинтереснее предложить не можете?

– Нет, сэр.

– Не хотите уступить мне на ночь свою кровать?

– Нет, сэр.

– Делать нечего, пойду.

– Да, сэр.

– Покойной ночи, Дживс, – угрюмо сказал я.

– Покойной ночи, сэр.

До вдовьего флигеля я дошел очень скоро, путь показался мне еще короче, чем был на самом деле, потому что всю дорогу я мысленно посылал проклятья на головы всех, чьи-ми совокупными усилиями я оказался в положении, которое Дживс назвал неприятным, причем главным злодеем был, конечно, Сибери.

Чем больше я думал об этом недоросле, тем сильнее оже-

сточался. И вследствие этих раздумий в моей душе появилось – или, если хотите, зародилось – некое чувство по отношению к сэру Родерику Глоссопу, которое можно было определить как подобие приближения к дружескому участию.

Такое иногда случается. Годами считаешь человека злодеем и угрозой благу общества и вдруг в один прекрасный день узнаешь, что он совершил порядочный поступок, ну и, конечно, начинаешь прозревать, что есть в нем и что-то доброе. Так случилось и с Глоссопом. С тех пор как наши пути пересеклись, ох и натерпелся же я от него. В человеческом зверинце, который Судьбе было угодно собрать вокруг Бертрама Вустера, он всегда занимал одно из первых мест среди наиболее кровожадных хищников – многие беспристрастные судьи даже склонны считать, что в соперничестве с этой чумой двадцатого века, моей теткой Агатой, пальма первенства принадлежит ему. Но сейчас, обдумывая его давешний поступок, я, чего греха таить, почувствовал, что мое отношение к нему явно смягчается.

Человек, способный выпороть недоросля Сибири, не может состоять из одних пороков. Среди окалины и шлаков наверняка есть блеск благородного металла. Я до того расчувствовался, что даже решил: если когда-нибудь выпутаюсь из этой передраги и снова смогу делать что хочу, надо будет найти его и постараться с ним подружиться. Даже представил себе приятный совместный завтрак, мы сидим за столиком друг против друга, пьем выдержанное сухое вино и бол-

таем, как старые приятели, и тут вдруг оказалось, что я уже на ближних подступах к вдовьему флигелю.

Богадельня, она же вдовохранилище опочивших лордов Чаффнелов, представляет собой средних размеров дом, окруженный, если говорить языком рекламных объявлений, великолепным просторным парком. Вы входите в парк через калитку в живой изгороди и шагаете дальше к крыльцу по усыпанной гравием дорожке, – это, конечно, если вы решили войти через парадный вход, а не влезть в кухонное окно – тогда надо красться по травяному бордюру и неслышно перебегать от дерева к дереву.

Именно так я и поступил, хотя при поверхностном осмотре никакой необходимости в этом не было. Дом выглядел необитаемым. Но ведь я осмотрел только фасад, и если приглядывающий за флигелем садовник, вопреки своему обыкновению, не сидит сейчас в деревенском трактире со стаканчиком виски, а все еще находится дома, он, конечно, должен быть в кухне. Туда-то я и направился, стараясь не ступать, а ползти по-змеиному.

Не скажу, чтобы я был в восторге от того, что мне предстояло. Дживс давеча так бодро – я бы даже сказал, лихо – обещал, что я с легкостью проникну в дом и расположусь там на ночь, дескать, что может быть проще, а я на собственном горьком опыте убедился, что роль взломщика не для меня, затея непременно сорвется. В жизни не забуду ту историю, когда Бинго Литтл подбил меня влезть в его дом и ста-

щить валик фонографа с тошнотворно слащавой статьей, которую написала о нем известная дамская писательница и его благоверная, Розы М., в девичестве Розы М. Бэнкс, для журнала моей тети Далии «Будуар элегантной дамы». Возможно, вы помните, что в этом эпизоде приняли участие китайские мопсы, горничные и полицейские, я натерпелся страху, и сейчас никак не хотел, чтобы повторилось что-то хоть отдаленно подобное.

И потому я с большой осторожностью обогнул дом, а увидев, что кухонная дверь приоткрыта – это первое, что бросилось мне в глаза, – я не рванул к ней с той прытью, какую проявил бы год или полтора назад, когда жизнь еще не превратила меня в мрачного, подозрительного мизантропа, о нет: я замер на месте и стал опасливо вглядываться. Может быть, зря я так насторожился. А может быть, и совсем не зря. Поживем – увидим.

И как же я похвалил себя за осмотрительность, когда через минуту вдруг услышал, что в доме кто-то насвистывает, и понял, что этот свист означает. Он означал, что садовник, вместо того чтобы отправиться в «Герб Чаффнеллов» пропустить стаканчик, решил остаться дома и провести вечерок в тихом обществе любимых книг. Верь после этого агентурным сведениям Дживса.

Я уполз в тень, как леопард, кипя обидой. Дживс не имеет права утверждать, что люди в такое-то время уходят в деревню посидеть в кабачке, когда они на самом деле и не думают

никуда уходить.

Вдруг произошло нечто совершенно неожиданное, события предстали совсем в ином свете, и я понял, как был несправедлив к честному малому. Свист прекратился, кто-то громко икнул, потом в доме запели «Веди нас, благодатный свет».

Во вдовьем флигеле жил не только садовник, там скрывался краса и гордость Москвы, этот гнусный подонок Бринкли.

Так, надо все хорошенько обдумать, спокойно и не спеша.

Когда сталкиваешься с такими личностями, как Бринкли, простая логика школьных учебников неприменима. От них никогда не знаешь, чего ждать. Например, нынче вечером он кровожадно носился по коттеджу с мясницким ножом, а потом, не прошло и часу, безропотно позволил Чаффи гнать себя пинками от крыльца замка до ворот. Так что все зависит от того, какой стих на него нашел. И если я сейчас смело войду во вдовый флигель, с каким проявлением этой многогранной натуры мне предстоит столкнуться? Этот вопрос я просто вынужден был себе задать. Встретит ли меня почтительный миролюбец, которого можно схватить за шиворот и вышвырнуть вон? Или же мне придется весь остаток ночи бегать вверх-вниз по лестницам, лишь на одну голову опережая этого людоеда?

Кстати, коль уж мы заговорили о погоне, где его замеча-

тельный нож? Насколько я понял, во время беседы с Чаффи ножа при нем не было. Однако вполне возможно, что он просто оставил его где-нибудь на время, а потом снова забрал.

Рассмотрев положение с разных углов, я решил, что лучше всего оставаться на месте, и буквально через минуту развитие событий показало, какое это было мудрое решение.

Он дошел до стиха «Непрогляден мрак ночи», причем голос его окреп, хотя в нижнем регистре звучал жидковато, и вдруг неожиданно умолк. И тут же раздались леденящие душу крики, тяжелый топот, грохот, шум. Конечно, я понятия не имел, с чего он так взъярился, однако все эти звуки не оставляли ни малейшего сомнения в том, что по никому не ведомой причине субъект вдруг снова воротился в первобытное состояние, когда без мясницкого ножа просто нечего делать.

Для агрессивного психопата вроде Бринкли жизнь в сельской местности предоставляет массу удобств, и главное из них – полная свобода действий. Устрой он такой тарарам, скажем, на Гроувенор-сквер или на Кэдоган-террас, ровно через минуту появились бы целые отряды полицейских. Во всех домах поднялись бы окна, заливались свистки. А здесь, в идиллически мирном Чаффнел-Риджисе, в уединенно стоящей вдовьей обители, он обрел неограниченные возможности для самовыражения. Ближайший дом, если не считать замка Чаффнел-Холл, находился на расстоянии мили, но и замок стоял слишком далеко, там этот безобразный шум

вряд ли и расслышали.

И опять же трудно было строить сколь-нибудь достоверные предположения относительно того, за кем он там охотится. Возможно, садовник-сторож все-таки не ушел в деревню и теперь горько об этом сожалеет. С другой стороны, разве человеку, который так надрался, нужен какой-нибудь реальный объект для охоты? Да он за собственной тенью будет гоняться просто так, ради забавы.

Я склонялся к этой последней точке зрения и с замиранием мечтал, а вдруг он все-таки свалится с лестницы и свернет себе башку, но тут мне стало ясно, что я ошибся. Несколько минут шум и вопли звучали чуть тише, видно, гон переместился в отдаленную часть дома, но сейчас вдруг страсти разгорелись с новой силой. По лестнице с грохотом сбежали вниз, раздался оглушительный треск, и тотчас кухонная дверь распахнулась, из нее вылетел человек, он вихрем понесся в мою сторону, обо что-то споткнулся и растянулся плашмя чуть не у моих ног. Я поручил свою душу Господу, надеясь на лучшее, изготовился вцепиться ему в глотку, но меня остановили какие-то интонации в тоне критических замечаний, которые он высказывал, — эдакое интеллигентское сквернословие, которое свидетельствовало о воспитании, какого дикарь Бринкли никак не мог получить.

Я наклонился к упавшему. Мой диагноз оказался правильным — это был сэр Родерик Глоссоп.

Только я собрался представиться и начать расследование,

как дверь кухни опять распахнулась и возник еще один силуэт.

– И чтобы не смел заходить в дом! – приказал он с большой злобой в голосе.

Голос принадлежал Бринкли. И то, что он потирает левую коленку, в эту горестную минуту показалось слабым утешением.

Дверь с треском захлопнулась, лязгнула щеколда, и через мгновенье фальцет завел «Твердыню каменную», возвестив, что лично он, Бринкли, считает инцидент исчерпанным.

Сэр Родерик кое-как поднялся на ноги. Он громко пыхтел и никак не мог отдышаться. Что ж тут удивительного, крепко погонял его Бринкли.

Я подумал, что самое время завязать разговор, и сказал:

– Ну и ну, ну и дела.

Видно, мне самой Судьбой было определено пугать нынче вечером всех подряд, начиная с впечатлительной судомойки. Но, судя по произведенному эффекту, роковая сила воздействия моей персоны несколько поубавилась. Если с судомойкой сделалась истерика, а Чаффи подпрыгнул фута на два, то этот субъект Глоссоп просто задрожал, как кусок чего-то заливного на тарелке. Впрочем, наверняка только на это и хватило его физических сил. Эти состязания в беге с Бринкли основательно изматывают, знаете ли.

– Не пугайтесь, – продолжал я, желая успокоить его и убедить, что перед ним не какая-нибудь ночная нечисть, а са-

мый обыкновенный человек. — Это всего лишь я, Б. Вустер...

— Мистер Вустер!

— Ну конечно.

— Слава богу! — Он чуть-чуть приободрился, однако и сейчас трудно было поверить, что в обычное время это записной остряк и душа общества. — Уф!

На этом наш обмен репликами завершился. Он глубоко вдыхал живительный воздух, а я молчал: мы, Вустеры, понимаем, что в такие минуты надо оставить человека в покое.

Мало-помалу бурное сопенье перешло в тихий сип. Он помедлил еще минуту-другую. А когда наконец заговорил, голос у него был такой упавший, в нем даже, я бы сказал, чувствовалась затаенная дрожь, и мне чуть ли не захотелось положить дружескую руку ему на плечо и сказать, что, мол, ничего, все обойдется.

— Вы, мистер Вустер, несомненно, хотите знать, что все это означает?

Дружеская рука на плече оказалась мне все же не по силам, однако некое подобие бодрого похлопывания я одолел.

— Ничуть, — возразил я, — ни в малейшей степени. Мне все известно. И я в курсе всех произошедших событий. Я слышал крики в замке, а когда вы выбежали из двери, сразу понял, что там произошло. Вы ведь намеревались провести ночь во вдовьем флигеле?

— Намеревался. Если вы действительно осведомлены о том, что произошло в Чаффнел-Холле, вы должны знать, ми-

стер Вустер, что я сейчас в бедственном положении, у меня...

– ...лицо покрашено в черный цвет. Знаю. У меня тоже.

– У вас тоже!

– Да. Это долгая история, я не могу ее вам рассказать, потому что тут вроде как замешана тайна, но поверьте мне, у нас с вами одна и та же беда.

– Нет, это просто поразительно!

– Пока мы не смоем с лица грим, вы не сможете вернуться в свою гостиницу, а я не смогу уехать в Лондон.

– Боже милосердный!

– Это нас очень сближает, вы согласны?

Он с усилием перевел дух.

– Мистер Вустер, у нас в прошлом были разногласия. Возможно, повинен в этом я. Впрочем, трудно сказать. Но в этих трагических обстоятельствах мы должны забыть о них и...
Э-э...

– Поддерживать друг друга?

– Совершенно верно.

– Мы непременно будем поддерживать друг друга, – сказал я с чувством. – Лично я решил похоронить печальное прошлое, когда узнал, что вы отходили этого недоросля Сибири по соответствующему месту.

Он негодуяще запыхтел.

– Вам известно, мистер Вустер, какую пакость подстроил мне этот монстр?

– Еще бы. И как вы проучили его, тоже известно. Я знаю все в подробностях до того времени, как вы ушли из замка. А что было потом?

– Едва я оказался в парке, я осознал весь ужас своего положения.

– Представляю, какой это был удар.

– Жесточайшее потрясение. Я совершенно растерялся. Единственное, что мне показалось возможным в таких обстоятельствах, – это попытаться найти какое-то пристанище, где можно провести ночь. И зная, что вдовый флигель пустует, я направился сюда. – Он содрогнулся. – Мистер Вустер, этот дом – поверьте, я говорю без тени шутки – настоящий ад. – И он снова взволнованно запыхтел. – И не потому, что в нем находится опаснейший, как я заключил, маньяк. Ужас в том, что он весь кишит живыми тварями. Там мыши, мистер Вустер! И маленькие собачонки. И мне кажется, я видел обезьяну.

– Кого-кого?

– Теперь-то я вспомнил: леди Чаффнел упоминала, что у ее сына питомник, он разводит этих животных, но в тот миг ее сообщение выскочило у меня из головы, я не ждал ничего дурного, а на меня обрушился этот кошмар.

– Ну да, конечно. Сибери разводит разную живность. Он мне рассказывал, я помню. Стало быть, зверинец напал на вас?

Он сделал какое-то движение в темноте. Подозреваю, что

вытер лоб.

– Мистер Вустер, рассказать вам о том, что я пережил под этой крышей?

– Конечно, – горячо заверил я его. – У нас целая ночь впереди.

Он снова приложил носовой платок ко лбу.

– Такое не приснится и в дурном сне. Едва я вошел в дом – оказалось, что я попал сразу на кухню, – как из темного угла кто-то закричал: «Явился, старый пьянчуга!» Именно с такими словами обратились ко мне во вдовьем флигеле.

– Черт, что-то знакомое.

– Нужно ли рассказывать, что я оцепенел от ужаса. У меня просто язык отнялся. Потом, догадавшись, что это всего лишь попугай, я поспешил прочь, но возле лестницы увидел отвратительного уroda. Существо было низенькое, кургузое, коренастое, кривоногое, с длинными руками и темным морщинистым лицом. На нем была очень странная одежда, оно шагало очень быстро, переваливаясь из стороны в сторону, и что-то лопотало. Сейчас я способен рассуждать здраво и понимаю, что, вероятно, это была мартышка, но в тот миг...

– Форменные джунгли, – сочувственно поддержал я. – Особенно когда там появляется этот дикарь Сибири. А что же мыши?

– Мыши появились позднее. Я буду, если вы не возражаете, придерживаться хронологической последовательности в изложении своих злоключений, иначе у меня не получится

связного повествования. Следующая комната, в которую я попал, была сплошь наполнена маленькими собачками. Они прыгали на меня, обнюхивали, кусали. Я спасся бегством и оказался в какой-то другой комнате. Ну вот наконец-то, сказал я себе, даже в этом проклятом, гиблом доме нашелся мирный уголок. Мистер Вустер, едва эта мысль оформилась в моем мозгу, как что-то побежало по моей правой брючине. Я отпрыгнул в сторону и нечаянно опрокинул то ли какой-то ящик, то ли клетку. И вокруг меня закишело море мышей. Не выношу этих тварей! Я стряхивал их, стряхивал с себя, а они все лезли и цеплялись, их невозможно было оторвать. Я выскочил из комнаты, но не успел добежать до лестницы, как на меня бросился этот маньяк. Мистер Вустер, я бегал от него по лестнице вверх и вниз, а он меня преследовал!

Я понимающе кивнул.

– Мы все через это прошли, – сказал я. – За мной он тоже гонялся.

– За вами?

– Еще как. Чуть не зарезал меня мясницким ножом.

– В моем случае орудие, которое он держал в руках, скорее походило на косарь.

– Он любит разнообразие, – пояснил я. – Сначала мясницкий нож, потом косарь. Разносторонняя личность. Богатая артистическая натура.

– Вы так говорите, будто знаете его.

– Я не только его знаю, он у меня служит. Это мой лакей.

– Ваш лакей?!

– Некто Бринкли. Но больше он у меня служить не будет, можете мне поверить. Пусть только сначала поостынет, чтобы я мог приблизиться к нему на безопасное расстояние и объявить, что он уволен. Какая, право, ирония судьбы, если задуматься, – сказал я, ибо был настроен философически. – Вы только представьте себе: я до сих пор плачу ему жалованье. Иными словами, он получает деньги за то, что охотится на меня с мясницким ножом. Если это не жизнь, – задумчиво спросил я, – то что это?

Старикану понадобилось минуты две, чтобы врубиться.

– Так это ваш лакей? А что он делает во вдовьем флигеле?

– А он, знаете ли, непоседа! Не сидится ему на месте, вечно носится то туда, то сюда. Не так давно он приходил в замок.

– В жизни не слышал ничего подобного.

– Да и для меня это, признаюсь, открытие. Веселенькая у вас сегодня выдалась ночка, впечатлений хватит надолго, верно? В смысле, после такого не очень-то скоро захочется разных волнующих приключений.

– Мистер Вустер, я пламенно надеюсь, что ничто не нарушит однообразия моего дальнейшего существования. Сегодня мне приоткрылась трагическая подоплека жизни. Как вы думаете, на мне не осталось мышей?

– Уверен, вы их всех стряхнули. Во всяком случае, действовали вы очень энергично. Конечно, я ничего не видел,

только слышал, но было полное впечатление, что вы прыгаете с утеса на утес.

– Естественно, я, как умел, спасался от этого субъекта Бринкли. Вы правы, мне сейчас просто показалось, что кто-то как будто бы куснул меня в левую лопатку.

– Да, бурная ночь, ничего не скажешь.

– Ночь поистине ужасная. Нелегко мне будет вернуть утраченное душевное равновесие. Пульс вот до сих пор частит, мне совсем не нравится это сердцебиение. Однако благодарение судьбе, все кончилось хорошо. Вы приютите меня в вашем коттедже, дадите кров, в котором я так нуждаюсь. И там, при помощи воды и мыла, я наконец смою эту отвратительную черноту.

Так, надо постепенно подготовить его к встрече с печальной действительностью.

– Эта гадость мылом и водой не смывается, я пробовал. Нужно сливочное масло.

– Масло так масло, какая разница. У вас оно, конечно, есть?

– Увы, масла нет.

– Не может быть, чтобы в коттедже не было масла.

– Может. И знаете почему? Потому что коттеджа нет.

– Я вас не понимаю.

– Коттедж сгорел.

– Что?!

– Да. Бринкли его сжег.

– Боже мой!

– Нескладное положение, с какой стороны ни глянь.

Он надолго умолк. Осмысливал услышанное, старался проанализировать с разных точек зрения.

– Ваш коттедж в самом деле сгорел?

– Дотла.

– И что же теперь делать?

Я решил, что самое время напомнить про светлую изнанку.

– Не будем унывать. Может быть, с коттеджами дело обстоит не блестяще, но что касается масла, я рад сообщить вам, что тут перспективы у нас более радужные. Сейчас его взять негде, но утром оно, так сказать, явится. Дживс принесет, как только доставят с молочной фермы.

– Но я не могу оставаться в таком виде до утра!

– Боюсь, другого выхода нет.

Он погрузился в размышления. В темноте было плохо видно, но мне показалось, что он не желает покориться, что его гордый дух бунтует. При этом он, должно быть, основательно пораскинул мозгами, потому что его вдруг осенило.

– А скажите, при вашем коттедже... там имелся гараж?

– Как же, конечно.

– Он тоже сгорел?

– Нет, надеюсь, гараж избег всесожжения. Он довольно далеко от пожарища.

– А в гараже есть бензин?

– Еще бы, сколько угодно.

– Ну тогда все отлично, мистер Вустер. Я уверен, бензин окажется не менее эффективным растворителем, чем сливочное масло.

– Нет, черт возьми, в гараж идти нельзя.

– Почему, позвольте спросить?

– Вы-то, я думаю, можете пойти, если хотите. Но мне ни в коем случае нельзя. По причинам, которые я не готов предать гласности, я предпочту провести остаток ночи в беседке на большой лужайке перед замком.

– Вы отказываетесь сопровождать меня?

– Увы, я очень сожалею.

– В таком случае, мистер Вустер, покойной ночи. Не буду больше мешать вашему отдыху. Я вам чрезвычайно благодарен за поддержку, которую вы оказали мне в тяжелую минуту. Надо нам с вами почаще видеться. Давайте как-нибудь позавтракаем вместе. Как мне проникнуть в ваш гараж?

– Придется разбить окно.

– Что ж, разобью.

Он смело и решительно зашагал прочь, а я, с сомнением покачав головой, поплелся к беседке.

Глава XVII

В Чаффнел-холле готовятся завтракать

Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь ночевать в беседе. Если нет, лучше не экспериментируйте, никому из своих друзей я бы не посоветовал проявлять любопытство. Спросите меня, и я с полным знанием дела расскажу вам о ночлеге в беседах. Насколько мне удалось установить, в подобной эскападе нет решительно ничего привлекательно-го. Во-первых, вы будете весь как избитый, потому что лежать невыносимо жестко, во-вторых, холодно, но и это еще не все, главное – страшно. Вам сразу же вспоминаются все когда-либо читанные истории о привидениях, в особенности такие, где людей обнаруживали наутро хладными трупами без каких бы то ни было следов насильственной смерти, но с выражением такого ужаса в глазах, что нашедшие их только бледнели и молча обменивались взглядами, дескать, ну и дела. Все время что-то скрипит. Вам слышатся крадущиеся шаги, вы видите тянущиеся к вам со всех сторон из темноты костлявые руки. И как я уже сказал, лютый холод и боль во всем теле. Ничего гнуснее не придумаешь, и умный человек никогда не пустится в такую авантюру.

А меня ко всему прочему еще терзала мысль, что вот не

хватило у меня смелости пойти с этим отважным стариком Глоссопом в гараж, и теперь я вынужден куковать в этом воюющем строении и слушать завывания ветра. Понимаете, в гараже я не только отмыл бы лицо, я бы сел за руль своего верного «Уиджена», который в нетерпении грыз удила и бил копытом, и мы помчались бы в Лондон, распевая, например, что-нибудь цыганское.

Но у меня не хватило духу рискнуть. Гараж находится в самом сердце зоны повышенной опасности, размышлял я, в секторе неусыпного обзора Ваулза – Добсона, а мне была невыносима мысль, что вдруг я встречу сержанта полиции Ваулза, ведь он непременно задержит меня и начнет допрашивать. Беседы с ним прошлой ночью вконец деморализовали меня, этот чербер на службе Закона недреманно рыщет в поисках нарушителя, он не знает ни минуты покоя и возникает перед вами из-под земли в самую неподходящую минуту.

И я остался в беседке. Перевернулся с боку на бок в сотый раз в надежде найти мало-мальски удобную позу и снова попытался заснуть.

Знаете, что меня всегда удивляет? Меня удивляет, как человек вообще может спать в таких условиях. Лично я довольно скоро распрощался с какой бы то ни было надеждой на сон, и потому представьте себе мое удивление, когда я, увертываясь от леопарда, который больно тяпнул меня сзади за брюки, вдруг проснулся и понял, что все это было во

сне, среди присутствующих никаких леопардов не наблюдается, что солнце встало и день начался, а рядом на траве уже завтракает ранняя птичка, и мало того, что завтракает, но и громко оповещает об этом весь мир.

Я подошел к двери и выглянул наружу. Мне не верилось, что уже утро, но утро в самом деле настало, и какое прекрасное утро. Воздух прохладен и свеж, на траве длинные тени, и все так радуется душе, что многие на моем месте стащили бы с ног носки и бросились отплясывать по росе. Носков я, впрочем, не стащил, хотя чувствовал необыкновенную окрыленность, мой дух воспарил к таким высотам, что ничего материального во мне словно бы и не осталось, но тут мой голодный желудок вдруг выпрыгнул из спячки, я почувствовал, что одно только и важно в этом мире, равно как и в следующем, – добрый кофейник кофе и полная, с верхом, тарелка яичницы с беконом.

Вообще с завтраком дело обстоит не совсем понятно. Когда вам нужно лишь нажать кнопку звонка и домашняя прислуга кинется метать перед вами все, что может пожелать душа, начиная с овсяной каши, джемов, мармелада и кончая консервированным мясом, вдруг оказывается, что только содовая и сухарик не вызывают у вас отвращения. Но если никто вам завтрак не подает, вы превращаетесь в удава, которого удар гонга известил, что в зоопарке настало время обедать. Лично я, как правило, должен в той или иной мере настроиться на еду. Понимаете, я обычно не спешу завтракать,

сначала мне нужно выпить чаю и хорошенько подумать. Вы, возможно, представите себе, как разительно изменился мой взгляд на институт завтрака, если я вам расскажу, что неподалеку молоденький петушок вытаскивал из земли длинного розового червя, а я с завистью смотрел и думал, что с удовольствием разделил бы с ним трапезу. Честное слово, в эту минуту я не побрезговал бы и добычей ястреба.

Мои часы остановились, я понятия не имел, который сейчас час, и к тому же не знал, когда Дживс собирается идти во вдовый флигель, чтобы встретиться со мной. Вдруг он уже на пути туда, придет, увидит, что меня нет, и махнет на все рукой, дескать, что толку стараться, все бесполезно, и скроется в неприступной цитадели людских помещений Чафф-нел-Холла. От этой мысли у меня противно засосало под ложечкой. Я вышел из беседки и, прячась в кустах, начал пробираться к замку, точно идущий по следу индеец, так что никто меня не мог заметить.

Я почти обогнул угол дома и уже приготовился пулей промчаться по открытому пространству, и тут увидел через открытую стеклянную дверь маленькой столовой картину, которая буквально заворожила меня. Если вы скажете, что она проникла в самые потаенные глубины моего существа, вы не ошибетесь.

В столовой горничная только что поставила на стол большой поднос.

Льющееся в комнату солнце освещало волосы горничной,

и, увидев, что они медные, я заключил, что это, должно быть, и есть Мэри, нареченная констебля Добсона. В другое время это обстоятельство меня бы непременно заинтересовало, но сейчас не было ни малейшего желания подвергать девицу критическому рассмотрению и решать, удачный выбор сделал констебль Добсон или промахнулся. Все мое внимание было приковано к подносу.

А поднос буквально ломился от яств. Кофейник, тосты – множество тостов, – какое-то блюдо под крышкой. И к этому блюду под крышкой рванулось все мое существо. Может быть, там были яйца, может быть, ветчина, может быть, сосиски, или почки, или лососина, или копчушки, не знаю, да это и не важно: Бертрам был согласен на все.

Мой план созрел, я все продумал. Горничная повернулась и пошла к двери, а для выполнения этой важной боевой задачи, как я подсчитал, потребуется около пятидесяти секунд. Двадцать секунд вбежать в комнату, три секунды схватить поднос и еще двадцать пять секунд вернуться в кусты – этого довольно, чтобы успешно завершить операцию.

Как только дверь закрылась, я рванул вперед. Я ничуть не боялся, что меня увидят, ведь если бы кто и увидел, все равно не узнал бы – так, мелькнула какая-то невразумительная тень. Первый этап операции я выполнил гораздо быстрее, чем планировал, но только я схватил поднос, как за дверью послышались шаги.

Решение надо было принимать молниеносно, и уж кто-

кто, а Бертрам Вустер в такие минуты всегда оказывается на высоте.

Должен пояснить, что маленькая столовая была совсем не та комната, в которой эти недоросли Дуайт и Сибери устроили свою историческую потасовку, и, называя ее маленькой столовой, я, в сущности, ввожу читателей в заблуждение. На самом деле это был скорее кабинет или, может быть, контора, где Чаффи занимался делами своего поместья, подводил счета, с тоской размышлял о растущих расходах в сельском хозяйстве, гнал в шею арендаторов, когда они просили снизить арендную плату. А поскольку все эти занятия требуют письменного стола солидных размеров, Чаффи, к счастью, такой стол и поставил. Он занимал весь угол комнаты и так и манил меня к себе.

Через две с половиной секунды я уже скрючился позади него на ковре и старался дышать исключительно через поры.

Дверь отворилась, кто-то вошел. Ноги прошагали по полу и остановились прямо возле стола, что-то щелкнуло – невидимая рука сняла трубку с телефонного аппарата.

– Чаффнел-Риджис два-девять-четыре, – произнес голос, и представьте себе, какая гора свалилась с моих плеч, когда я понял, что тысячу раз пожимал этому голосу руку, – это был голос верного друга, который не оставит в беде.

– Дживс, это вы! – воскликнул я и выскочил, как черт из табакерки.

Дживса невозможно вывести из равновесия. Кухарки при

виде меня бьются в припадках, пэры Англии подсакивают в воздух и дрожат, а он лишь посмотрел на меня почтительно и невозмутимо, корректно поздоровался и продолжал заниматься текущими делами. Дживс любит во всем последовательность и порядок.

– Чаффнел-Риджис два-девять-четыре? Гостиница «Морские дали»? Вы не могли бы мне сказать, сэр Родерик Глоссоп сейчас у себя в номере?.. Еще не вернулся?.. Благодарю вас.

Он повесил трубку и получил возможность уделить немного внимания своему бывшему хозяину.

– Доброе утро, сэр, – повторил он. – Не ожидал встретить вас здесь.

– Да, знаю, но...

– Помнится, мы с вами договорились встретиться во вдовьем флигеле.

Я содрогнулся.

– Дживс, – сказал я, – сейчас я в двух словах расскажу вам о вдовьем флигеле, и мы навсегда эту историю забудем. Знаю, вы хотели только добра. Знаю, что, когда вы меня туда направляли, вами руководили самые благородные побуждения. Однако послали вы меня в логово разъяренного льва, такова горькая правда. Знаете, кто скрывался в этом непотребном вертепе? Бринкли, к тому же вооруженный топором.

– Мне тяжело это слышать, сэр. Следовательно, как я по-

лагаю, вы там не ночевали?

– Нет, Дживс, какое. Я спал, если только это можно назвать сном, в беседке. Я как раз пробирался к людскому входу по кустам в надежде найти вас и вдруг увидел, что горничная ставит на стол поднос с едой.

– Это завтрак его светлости, сэр.

– А где он сам?

– Должен скоро спуститься, сэр. Как удачно, что ее светлость поручила мне позвонить в гостиницу «Морские дали». Не окажись я здесь, нам было бы довольно трудно связаться друг с другом.

– Еще бы. А кстати, зачем понадобилось звонить в эти самые «Морские дали»?

– Ее светлость тревожится о сэре Родерике, сэр. Думаю, она поразмыслила и пришла к заключению, что обошлась с ним вчера вечером чересчур сурово.

– Ага, за ночь материнская любовь слегка поостыла?

– Судя по всему, да, сэр.

– Стало быть, «вернись, я все прощу»?

– Именно так, сэр. Но, к несчастью, сэра Родерика нет, и мы не располагаем никакими сведениями о его дальнейшей судьбе.

Этими сведениями располагал я и потому, конечно, незамедлительно поделился с Дживсом.

– С ним все благополучно. После воодушевляющей встречи с Бринкли он пошел в мой гараж за бензином. Он гово-

рил, что бензином тоже можно оттереть лицо, не хуже масла, – это правда?

– Да, сэр.

– Тогда, думаю, он сейчас катит в столицу, а может, уже и прикатил.

– Я тотчас же извещу ее светлость, сэр. Полагаю, это сообщение в значительной степени умиротворит ее беспокойство.

– Вы в самом деле думаете, что она все еще любит его и желает совершить *amende honorable*?

– Или протянуть пальмовую ветвь? Да, сэр. Во всяком случае, ее поведение дает все основания сделать такой вывод. У меня сложилось впечатление, что старая любовь вспыхнула с прежней силой.

– Я очень рад, – искренне сказал я. – Должен вам признаться, Дживс, что после нашего с вами последнего разговора я совершенно переменяю свое мнение о вышеупомянутом Глоссопе. В бессонные ночные часы между нами возникли узы, которые можно бы, пожалуй, назвать доброй дружбой. Мы обнаружили друг у друга массу скрытых достоинств и расстались, осыпая друг друга приглашениями на завтрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.